

КЛИФФОРД РАЙМАН

БРАТСТВО

ТАЛИСМАНА

Фантастика и фэнтези. Большие книги

Клиффорд Саймак

Братство талисмана

«Азбука-Аттикус»

1975, 1978, 1976, 1973, 1972

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Саймак К. Д.

Братство талисмана / К. Д. Саймак — «Азбука-Аттикус», 1975, 1978, 1976, 1973, 1972 — (Фантастика и фэнтези. Большие книги)

ISBN 978-5-389-20098-2

Клиффорд Дональд Саймак – один из «крестных детей» знаменитого Джона Кэмпбелла, редактора журнала «Astounding Science Fiction», где зажглись многие звезды «золотого века научной фантастики». В начале литературной карьеры Саймак писал «твердые» научно-фантастические и приключенческие произведения, а также вестерны, но затем раздвинул границы жанра НФ и создал свой собственный стиль, который критики называли мягким, гуманистическим и даже пасторальным, сравнивая прозу Саймака с прозой Рэя Брэдбери. За пятьдесят пять лет Саймак написал около тридцати романов и более ста двадцати повестей и рассказов. Награждался премиями «Хьюго», «Небьюла», «Локус» и другими. Удостоен звания «Грандмастер премии „Небьюла“». Собранные в этом томе романы о жизни и ее чудесах, о древних загадках и сказочных мирах, о таинственных народах и магических манускриптах, о невероятных приключениях необыкновенных героев – дань Мастеру жанру фэнтези. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-20098-2

© Саймак К. Д., 1975, 1978, 1976,
1973, 1972

© Азбука-Аттикус, 1975, 1978, 1976,
1973, 1972

Содержание

Паломничество в волшебство	10
Глава 1	11
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	27
Глава 8	30
Глава 9	32
Глава 10	36
Глава 11	42
Глава 12	44
Глава 13	48
Глава 14	50
Глава 15	52
Глава 16	54
Глава 17	57
Глава 18	60
Глава 19	63
Глава 20	66
Глава 21	71
Глава 22	76
Глава 23	83
Глава 24	86
Глава 25	88
Глава 26	91
Глава 27	94
Глава 28	99
Глава 29	102
Глава 30	104
Глава 31	106
Глава 32	111
Глава 33	114
Глава 34	116
Глава 35	122
Глава 36	126
Глава 37	130
Глава 38	134
Глава 39	138
Братство талисмана	139
Глава 1	140
Глава 2	148
Глава 3	156
Глава 4	160
Глава 5	164

Конец ознакомительного фрагмента.

165

Клиффорд Саймак Братство талисмана

Clifford D. Simak
ENCHANTED PILGRIMAGE
Copyright © 1975 by Clifford D. Simak
THE FELLOWSHIP OF THE TALISMAN
Copyright © 1978 by Clifford D. Simak
SHAKESPEARE'S PLANET
Copyright © 1976 by Clifford D. Simak
CEMETERY WORLD
Copyright © 1973 by Clifford D. Simak
DESTINY DOLL
Copyright © 1972 by Clifford D. Simak
All rights reserved

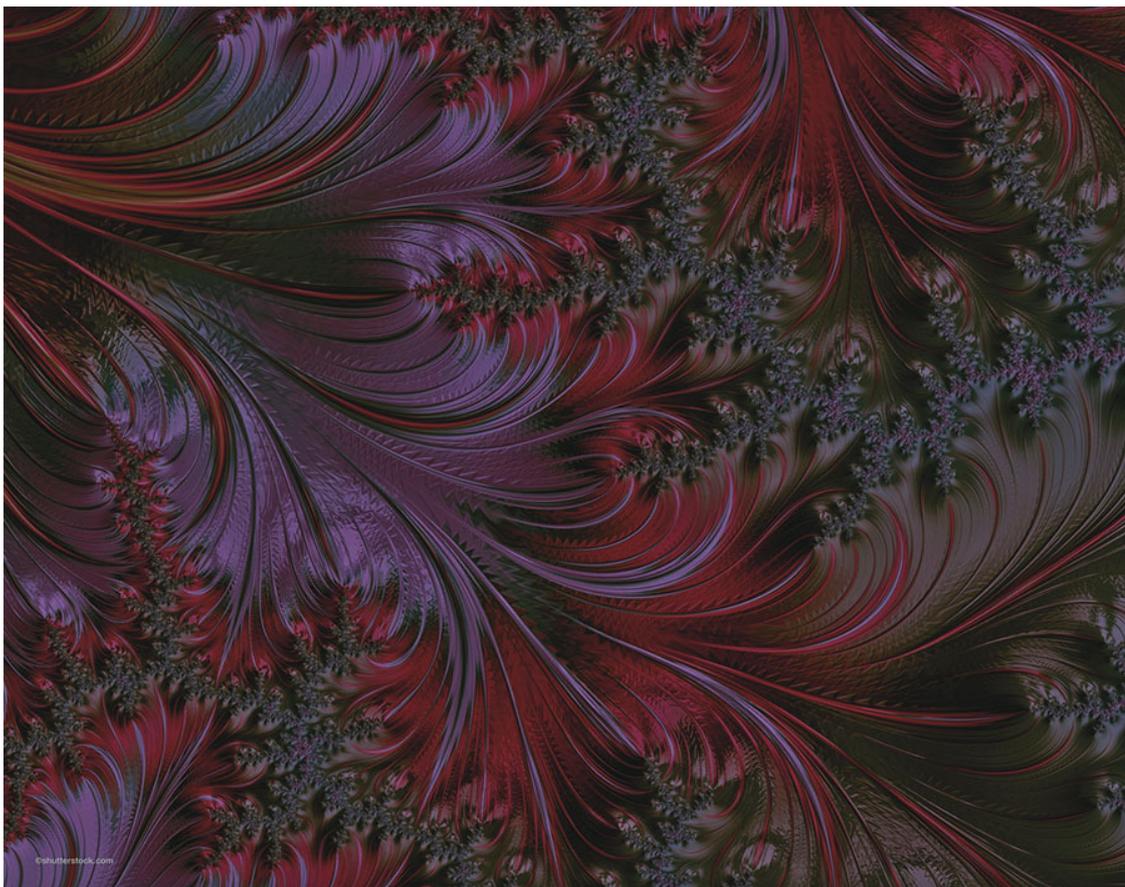
Перевод с английского Олега Битова, Кирилла Королева, Илоны Русаковой

Серийное оформление и оформление обложки Сергея Шикина

© О. Г. Битов (наследник), перевод, 2021
© К. М. Королев, перевод, 2021
© И. Б. Русакова, перевод, 2021
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

***

Паломничество в волшебство

Перевод К. Королева

Глава 1

Чердачный гоблин наблюдал исподтишка за монахом, а тот не сводил глаз с книжника, который, не подозревая, что за ним следят, пытался извлечь из-за корешка старинного фолианта какой-то свиток. Гоблин ненавидел монаха и, надо сказать, имел к тому достаточно оснований. Монах же не испытывал ни к кому на свете ни ненависти, ни любви; он отличался завистливостью и склонностью к фанатизму. Поскольку час был поздний, помещение библиотеки пустовало. В нем царила тишина, лишь скреблась где-то в укромном уголке мышь. На столе, за которым сидел книжник, догорала свеча.

Книжник сунул манускрипт за пазуху, поднялся, поставил фолиант обратно на полку и затушил двумя пальцами свечку. Бледный лунный свет, проникавший внутрь сквозь высокие, от пола и чуть ли не до стропил, окна, замерцал на переплетах многочисленных томов. Книжник осторожно двинулся к выходу. Монах постарался поглубже спрятаться в тень и не сделал ни малейшей попытки остановить книжника. Исполненный ненависти к монаху гоблин озадаченно почесал затылок.

Глава 2

Когда в дверь постучали, Марк Корнуолл ел хлеб с сыром. В маленькой комнате было холодно; в очаге потрескивали дрова, но тепла от них исходило всего ничего. Корнуолл встал, стряхнул с куртки крошки сыра и открыл дверь. На пороге стояло весьма странное существо – крошечное, не более трех футов ростом, худое и сморщенное. Из-под поношенных кожаных брюк виднелись босые, густо заросшие шерстью ноги. Наряд существа дополняли старенькая рубашка из алого бархата и остроконечный колпак.

– Чердачный гоблин, – представилось существо. – Могу ли я войти?

– Разумеется, – ответил Корнуолл. – Я слышал о тебе, но, признаться, всегда считал тебя выдумкой.

Гоблин переступил порог и тут же устремился к очагу. Присев перед ним на корточки, он протянул ладони к огню.

– Это почему же? – справился он. – Тебе ведь известно, что на свете существуют гоблины, эльфы и другие члены Братства. Почему же ты не верил в меня?

– Может, потому, что никогда не видел, – отозвался Корнуолл. – По-моему, ты до сих пор вообще никому не попадался на глаза. Так что, сам понимаешь...

– Я прятался, – заявил гоблин, – скрывался у себя на чердаке, благо там до меня не так-то просто добраться. Дело в том, что некоторые ваши монахи ведут себя, ну, что ли, неразумно. Они начисто лишены чувства юмора.

– Сырку не хочешь? – предложил Корнуолл.

– Что за глупый вопрос? Конечно хочу!

Гоблин отодвинулся от очага, огляделся и взобрался на деревянную скамью, что стояла у стола.

– Сдается мне, – заметил он, – жизнь у тебя не из легких. Обстановочка, прямо скажем, бедноватая.

– Какая есть. – Корнуолл вынул из висевших на поясе ножен кинжал, отрезал кусок сыра и ломоть хлеба и вручил угощение гоблину.

– И пропитание скудноватое, – продолжал тот.

– Увы. Однако я полагаю, ты явился не за сыром?

– Нет, – сказал гоблин. – Я видел тебя сегодня вечером. Видел, как ты украл манускрипт.

– И что? – поинтересовался Корнуолл. – Он тебе нужен?

– Ни капельки, – проговорил гоблин, вгрызаясь в сыр. – Я всего лишь хотел сообщить тебе, что видел не только я, а еще и монах по имени Освальд.

– Раз так, почему же он меня не остановил? Почему позволил уйти?

– У меня такое впечатление, что твоя совесть совершенно спокойна. Ты даже не пытаешься отрицать своей вины.

– Ты же видел меня, – произнес Корнуолл. – Видел, но вмешиваться не стал. Значит, у тебя имелись свои соображения.

– Может быть, – согласился гоблин. – Сколько лет ты здесь проучился?

– Почти шесть.

– То есть ты уже не студент, а ученый. Книжник.

– Разница небольшая.

– Возможно. Тем не менее ты вышел из того возраста, когда люди занимаются всяким озорством.

– Наверно. Но что-то я никак не пойму, куда ты клонишь...

– Я клоню к тому, что Освальд видел тебя и все же позволил тебе уйти. Может, он знал, что именно ты крадешь?

– Вряд ли. Я и сам не подозревал о существовании манускрипта, пока не наткнулся на него. Просто, когда книга очутилась у меня в руках, мне показалось, что переплет выглядит как-то странно. Из-под него словно что-то выпирало, как будто между кожей и основой находился посторонний предмет.

– Если он был таким заметным, почему же никто не обнаружил его раньше? – спросил гоблин. – Кстати, как насчет добавки?

Корнуолл отрезал еще сыру.

– Я думаю, ничего тут сложного нет. Должно быть, мне единственному на протяжении целого столетия взбрело в голову снять с полки этот том.

– Что ж, вполне вероятно, – признал гоблин. – А о чем говорилось в той, которую ты листал?

– Рассказ древнего путника, записанный в незапамятные времена каким-то монахом, который, надо отдать ему должное, сделал из книги произведение искусства: красочные инициалы, причудливые узоры на полях. А содержание – так, набор побасенок.

– Тогда зачем она тебе понадобилась?

– Порой из груди лжи проклевывается вдруг росток истины. Я искал упоминание о том, что меня интересовало.

– И нашел?

– Да, но не в книге, а в манускрипте. Мне думается, рассказ в книге записан со слов самого путешественника. Я вовсе не уверен, что подобное нагромождение небылиц могло удостоиться чести быть скопированным хотя бы пару раз. А монах молодец – такой работой можно и нужно гордиться.

– Ты говорил про манускрипт.

– Вообще-то, манускриптом его назвать трудно, ибо он состоит всего-навсего из одного листка. Все то же повествование, но с подробностями, которые монах-переписчик почему-то опустил.

– Ты полагаешь, что его в конце концов замучила совесть и он пошел с ней на сделку, сунув листок за переплет?

– Может быть, – отозвался Корнуолл. – Но мы немного отвлеклись. Так зачем ты пришел?

– Монах, – сказал гоблин, – ты не знаешь этого Освальда, а я знаю. Из всей их братии он самый опасный. Для него нет ничего святого, он готов шпионить за кем угодно. Ты, наверно, уже сообразил, что он намеренно выпустил тебя из библиотеки и не стал поднимать шум.

– Похоже, мое поведение тебя ничуть не возмущает, – хмыкнул Корнуолл.

– Ты прав. Скорее я на твоей стороне. Этот треклятый монах столько лет отравлял мне жизнь, все норовил поймать меня, загнать то в одну, то в другую ловушку. Я, разумеется, не давал ему спуска, отплачивал всякий раз, когда он проворачивал очередную гнусность, однако он не отступался. Так что, как ты, вероятно, уже догадался, я питаю к нему отнюдь не добрые чувства.

– Ты думаешь, он выдаст меня?

– Насколько я его знаю, – ответил гоблин, – он попытается продать свои сведения.

– Кому? Кому они нужны?

– Начнем с того, – сказал гоблин, – что похищенный тобой манускрипт был спрятан за переплетом старинной книги. То, что его позаботились спрятать – и похитить, – наводит на размышления, не правда ли?

– Пожалуй.

– Как в городе, так и в самом университете, – продолжал гоблин, – найдется немало беспринципных искателей приключений, которые наверняка заинтересуются рассказом монаха.

– По-твоему, манускрипт могут утащить?

– Разумеется. А вместе с ним в опасности и твоя жизнь.

Корнуолл вновь угостил гоблина сыром.

– Благодарю, – сказал тот. – А нельзя ли получить еще хлебушка?

– Ты оказал мне услугу, – проговорил Корнуолл, выполнив его просьбу, – и я тебе весьма признателен. Но скажи, какого исхода ты ожидаешь?

– А разве не ясно? – удивился гоблин. – Я хочу, чтобы этот противный монах сел в лужу и как следует извозился в грязи. – Он положил хлеб с сыром на стол, сунул руку за пазуху и извлек оттуда несколько листов пергамента, которые расстелил на столе. – Сдается мне, сэр книжник, ты умеешь обращаться с пером.

– Во всяком случае, писать я пишу, – ответил Корнуолл.

– Ну и хорошо. Вот старый пергамент, с которого стерли весь прежний текст. Я предлагаю тебе переписать твой листок и вернуть его на место.

– Но я не...

– Перепиши его, – перебил гоблин, – но не целиком, а с изменениями, маленькими, незаметными, которые собою ищут следов.

– Это просто, – сказал Корнуолл, – но свежие чернила выдадут подделку, и потом, мне не под силу скопировать в точности почерк. Обязательно проявятся различия, которые...

– Да кто сумеет их установить? Манускрипт видел только ты, поэтому за почерк можно не беспокоиться. Пергамент достаточно древний, а что касается стертого текста, то в старину такие вещи проделывали довольно часто.

– Не знаю, не знаю, – пробормотал Корнуолл.

– Чтобы отличить оригинал от подделки, нужен глаз книжника – а с чего ты взял, что твое творчество попадет в руки кому-нибудь из них? К тому же тебя все равно здесь не будет...

– Не будет?

– Конечно. Или ты полагаешь, что можешь оставаться тут после всего, что случилось?

– Наверно, ты прав. Честно говоря, я и сам подумывал уйти.

– Надеюсь, то, что написано в манускрипте, не окажется пустой выдумкой. Но даже если...

– По-моему, не окажется, – заявил Корнуолл.

Гоблин соскользнул со скамьи и направился к двери.

– Постой, – окликнул его Корнуолл. – Ты не назвал мне своего имени. Мы еще увидимся?

– Меня зовут Оливер, – по крайней мере, так я представляюсь людям. А насчет того, чтобы увидеться... Вряд ли. Хотя... Сколько тебе понадобится времени, чтобы изготовить подделку?

– Немного.

– Тогда я подожду. Мои возможности невелики, но кое в чем я смогу тебе помочь. Я знаю заклинание, которое обесцвечивает чернила и придает пергаменту, если его правильно сложить, весьма древний вид.

– Я сяду за работу прямо сейчас, – сказал Корнуолл. – Ты не стал расспрашивать меня, что же там такое написано, и большое тебе за это спасибо.

– Так ты же прочтешь мне, – заявил гоблин.

Глава 3

Лоуренс Бекетт засиделся со своими людьми допоздна. Все они усердно накачивались вином. Есть никому уже не хотелось, хотя на огромном, сплошь покрытом щербинами столе по-прежнему стояло блюдо с наполовину обглоданной бараньей ногой, а рядом лежало полбуханки хлеба. Горожане, которые заглянули в таверну, чтобы скоротать вечерок, давно разошлись по домам; хозяин отослал слуг спать, а сам остался за стойкой. Его клонило ко сну, он то и дело зевал, но вовсе не сердился на загулявших посетителей, ибо те проявляли столь редкую для «Головы вепря» щедрость. От студентов, которые порой заходили в таверну, было больше шума, чем прибыли, а горожане, как правило, не давали себе воли; к тому же «Голова вепря» располагалась на одной из многочисленных боковых улочек, поэтому торговцы вроде Лоуренса Бекетта были в ней нечастыми, но всегда желанными гостями.

Дверь распахнулась, и в залу вошел монах. Он постоял, привыкая к царившему внутри полумраку, потом огляделся по сторонам. Хозяин за стойкой весь подобрался. Чутье подсказало ему, что появление этого посетителя сулит мало хорошего. Помимо всего прочего, святые отцы вообще не баловали таверну своим вниманием. Монах выждал мгновение-другое, похоже, справился с сомнениями, подобрал рясу, чтобы не волочилась по полу сего прибежища скверны, и направился в тот угол, где сидел за столом Лоуренс Бекетт. Подойдя поближе, он остановился и посмотрел Бекетту прямо в глаза. Тот ответил ему вопросительным взглядом. Монах промолчал.

– Элберт, – позвал Бекетт, – налей-ка этой ночной пташке вина. Когда еще придется чокнуться с человеком, который носит рясу?

Элберт наполнил стакан и, повернувшись на стуле, протянул его монаху.

– Мастер Бекетт, – сказал монах, – мне надо поговорить с вами наедине.

– Ну конечно, – Бекетт растянул губы в улыбке, – конечно. Но наедине не получится. Мои люди со мной заодно, и то, что предназначено услышать мне, годится и для их ушей. Элберт, подай нашему гостю стул.

– Нет, – возразил монах, – только наедине.

– Ладно. Давайте, ребята, пересаживайтесь за другой стол. Если хотите, можете прихватить с собой свечу.

– Мне кажется, вы смеетесь надо мной, – заметил монах.

– Ну да, – согласился Бекетт. – А что, нельзя?

Монах сел на стул рядом с Бекеттом, осторожно поставил на стол стакан с вином и стал наблюдать, как перебираются в другой угол спутники торговца.

– И какую же тайну ты хочешь мне открыть? – справился Бекетт.

– Прежде всего, я знаю, кто вы такой на самом деле. Знаю, что вы никакой не торговец. Бекетт молча разглядывал его.

– Я знаю, – продолжал монах, – что вы пользуетесь влиянием среди служителей церкви. В благодарность за услугу, которую я вам окажу, будьте добры, замолвите за меня перед ними словечко. Ведь вам это ничего не стоит.

– Что за услуга? – спросил Бекетт, сразу посерьезнев.

– Речь идет о манускрипте, украденном из университетской библиотеки всего лишь час назад.

– Ну и что?

– Он был спрятан в старинной и мало кому известной книге.

– Ты знал о нем? Знал, что там написано?

– Я видел, как вор доставал его из книги. А что там написано, я могу только догадываться.

– Что за книга?

– Очень древняя. Ее написал некий Тэйлор, который странствовал по Пустынному Краю.
– Я слышал про Тэйлора и про находки, которые он якобы сделал. – Бекетт нахмурился. –
Надо же, его книга.

– Редкая вещь. Ее скопировали всего лишь однажды, и в нашей библиотеке как раз копия.

– Ты читал ее, сэр монах?

– До сих пор она не представляла для меня интереса, – проговорил монах, пожимая плечами. – Мне и без нее хватает что читать. К тому же рассказам путешественников не стоит особенно доверять.

– Как по-твоему, чем ценен манускрипт?

– Наверно, чем-то он ценен, коль его так хитроумно спрятали. Иначе зачем было записывать его под переплет?

– Интересно, – пробормотал Бекетт, – очень интересно. Однако загвоздка в содержании.

– Если в нем не будет ничего важного, значит вы ничем мне не обязаны. Но я готов поспорить, что это не так.

– Играем по-честному?

– Да, – согласился монах, – по-честному. Манускрипт украл книжник по имени Марк Корнуолл. Он живет на чердаке в меблированных комнатах на углу Королевской улицы и улицы Плотников.

– Кто он такой? – спросил Бекетт.

– Не слишком приятный человек, явился сюда откуда-то с запада. Был прилежным студентом, разве что чересчур мрачным. Друзей у него нет. Перебивается с хлеба на воду. Все его сокурсники разъехались, а он остался. Мне думается, потому, что хочет больше узнать о Древних.

– Что значит «больше»?

– Он считает, что они до сих пор живы. Изучил их язык – то, что именуется у нас их языком. В библиотеке хранятся учебники, и он все их проштудировал.

– А зачем ему Древние?

– Не знаю. – Монах покачал головой. – Мы с ним не знакомы, так, разговаривали пару раз. Наверно, любопытство ученого. Или что-то еще.

– Быть может, он полагает, что Тэйлор мог писать про Древних?

– Возможно. Все возможно. Я не читал той книги.

– Итак, манускрипт у Корнуолла. Наверняка он его припрятал.

– Вряд ли. Во всяком случае, недалеко. У него нет причин опасаться за свое сокровище. Он уверен, что его никто не видел. Я позволил ему уйти, так что он и не подозревает, что его уличили в краже.

– А не кажется ли тебе, сэр монах, что этот наш ученый и ловкий приятель чем-то смахивает на еретика?

– То решать не мне, а вам, мастер Бекетт. На мой взгляд, еретики окружают нас со всех сторон, но, чтобы изловить их, нужен острый, пронизательный ум.

– Ты сказал, что еретики повсюду, или мне послышалось?

– Вам послышалось.

– Хорошо, – заметил Бекетт, – а то и университет, вернее, его библиотека может подпасть под подозрение из-за книг, которые стоят на ее полках.

– Уверяю вас, книги не опасны. Мы используем их против еретиков.

– Хорошо, – повторил Бекетт, – твоего слова мне достаточно. Что же касается остального... Ты сумеешь добыть манускрипт и передать его нам?

– Мне страшно, – пробормотал монах с дрожью в голосе. – Я известил вас, а дальше уже не мое дело.

– А чье? Мое?

– Мне так показалось. Поэтому я к вам и пришел.
– Откуда ты узнал о том, что мы в городе?
– У стен есть уши. Мало что проходит незамеченным.
– А ты, надо полагать, ловишь каждое словечко?
– Привычка, – признался монах.
– Что ж, – сказал Бекетт, – договорились. Если пропажа найдется и окажется сколько-нибудь ценной, я позабочусь о тебе. Хорошо?

Монах кивнул.

– Чтобы сделать это, мне нужно знать, как тебя зовут.

– Брат Освальд.

– Я запомню твое имя, – произнес Бекетт. – Допивай вино, а мне пора. Ты сказал, на углу Королевской и Плотников?

Монах кивнул и потянулся за стаканом. Бекетт подошел к своим людям, переговорил с ними, потом вернулся обратно.

– Ты не пожалеешь, что доверился мне, – заявил он.

– Я надеялся на вас, – отозвался брат Освальд. Он опорожнил стакан и поставил его на стол. – Мы еще встретимся?

– Нет, если только ты не разыщешь меня снова.

Монах подобрал рясу и направился к двери. На улице было темно: луна спряталась за крыши соседних домов. Монах ступил на мостовую и осторожно двинулся вперед. Внезапно в дверном проеме за его спиной блеснуло лезвие ножа. Монах рухнул навзничь. Пальцы его цеплялись за камни мостовой, из горла хлестала кровь. Потом он затих.

Тело нашли утром, когда встало солнце.

Глава 4

Болотный Джиб поднялся еще до рассвета. Он всегда вставал рано; к тому же сегодня предстояло многое сделать. Ведь именно к сегодняшнему дню гномы обещали изготовить новый топор, который был ему ох как необходим, ибо лезвие старого затупилось настолько, что его, как ни старайся, уже невозможно было наточить. Обычно утренники в эту пору года выдавались туманными, но сегодня лишь несколько ключев тумана висело над островком, на котором обитатели болота добывали лес. На восток и на юг болото – то бурое, то серебристое, заросшее камышом и травой, – тянулось до самого горизонта. В чистых заводях плескались утки, мимо Джиба проплыла, оставляя за собой расходящийся след на воде, ондатра; где-то в отдалении подала голос цапля. С запада и севера болото ограничивали холмы, на которых росли дубы, клены, гикори и другие деревья. Некоторых из них уже коснулись первые краски осени.

Джиб поглядел в сторону холмов. Там, в лесном краю, жил его добрый друг, Хэл из Дерева-с-дуплом. Каждое утро, если, конечно, на болото не напал туман, Джиб выходил из дома, поворачивался лицом к холмам и, напрягая зрение, пытался разглядеть дерево Хэла, но на таком расстоянии все деревья казались одинаковыми. Жаль, но сегодня заглянуть к Хэлу не удастся: после того как он заберет топор, нужно будет навестить старого отшельника, который укрылся от мира в пещере среди холмов. Последний раз они со стариком виделись месяц с лишним тому назад. Джиб скатал шерстяное одеяло и вместе с набитой гусиным пухом подушкой сунул его в хижину, что стояла посреди плота. Если позволяла погода, то есть если не было холодно или не шел дождь, он предпочитал спать на свежем воздухе. На носовой части плота лежала железная пластина, и на ней Джиб развел огонь: он чиркнул кресалом, и искра воспламенила пучок сена и трут.

Когда костер разгорелся, Джиб пошарил рукой в садке, что покачивался, привязанный к бревнам, на воде рядом с плотом, извлек оттуда рыбину, прикончил ее одним ударом ножа, быстро очистил и нарезал на куски, которые бросил на сковородку, стоявшую над огнем на специальной подставке.

Царившую на болоте тишину нарушало только негромкое кряканье уток; порой слышался короткий всплеск – то выпрыгивала из воды какая-нибудь рыба. «По утрам, – подумалось Джибу, – здесь всегда так тихо. Зато потом в камышах примутся браниться дрозды, зашепелят над головой крылья водоплавающих птиц, раскричатся горластые чайки...» Небо на востоке посветлело, и стали видны прежде неразличимые детали пейзажа. Вдалеке проступила из мрака рошица ив, росшая по гребню возвышенности, что отделяла болото от реки. Пара рогозов у берега подрагивала на ветру, покачивая бурыми головками.

Джиб поел прямо со сковороды. По воде побежала рябь. «Интересно, – подумал он, – каково это – жить на твердой земле, которая неподвижна в любое время года?» Сам он, сколько себя помнил, всегда жил на плоту, а тот замирал в неподвижности лишь тогда, когда болото одевалось льдом. Кстати, о холодах: пора готовиться к зиме. Надо будет накопить побольше рыбы, запастись корнями и травами, изловить несколько ондатр и сшить из шкур шубу и, конечно, нарубить дров. И тут ему никак не обойтись без нового топора.

Он сполоснул сковороду, потом уложил в лодку узелки, которые увязал накануне вечером. В них были сушеная рыба и дикий рис – дары для гномов и для отшельника. Поразмыслив, он прихватил с собой и старый топор: металл пригодится гномам в любом случае. Перебравшись в лодку, Джиб взял весло и двинулся в путь. Греб он медленно и осторожно, ибо хотел подольше насладиться утренним покоем. Солнце поднялось над холмами, и в его лучах засверкали первые краски приближающейся осени.

У самого берега Джиб заметил плот, уткнувшийся носом в прибрежные камыши. На его корме сидел, чиня сеть, старый болотник. Увидев Джиба, он приветственно махнул рукой. Джиб узнал старика Друда и удивился: что он тут делает? Ведь говорили, что Друд обосновался на берегу под ивами. Джиб причалил к плоту и зацепился за него веслом.

– Давненько не виделись, – сказал он. – Когда ты перебрался сюда?

– На днях, – ответил Друд. Он бросил сеть, подошел к краю плота и присел на корточки рядом с лодкой. «А он стареет», – подумал Джиб. Друда всегда называли стариком, даже в зрелом возрасте, но теперь прозвище, похоже, соответствовало наружности: Друд поседел. – Решил вот пособирать дровишек. У нас там одни ивы, а они, ты знаешь, горят не очень.

Из хижины показалась матушка Друд.

– Значит, мне не померещилось, – проговорила она высоким, визгливым голосом. – Сдается мне, к нам пожаловал молодой Джиб. – Зрение у нее было слабое, и, рассматривая гостя, она сильно шурилась.

– Здравствуйте, матушка Друд, – сказал Джиб. – Я рад, что мои соседи – вы.

– Ну, мы вряд ли задержимся, – сообщил Друд. – Нам бы только дровишек набрать.

– Но запас-то у вас есть?

– Веточка-другая, может, и завалилась. Тяжело, помогать некому, детишки все сами по себе. А я уже не тот, что раньше.

– Да и страшно, – прибавила матушка Друд. – Говорят, тут полно волков.

– А топор на что? – спросил Друд. – Ни один волк и близко не подойдет, пока у меня в руках топор.

– Выходит, вы вдвоем, – сказал Джиб. – А где же Элис с Дейвом?

– Элис вышла замуж три или четыре месяца назад, – ответил Друд. – За паренька с южной оконечности болота. А Дейв построил свой плот. Он у нас с руками, обошелся и без моей помощи. Плот у него получился просто отличный. Он уплыл на восток. Нет, они с Элис нас не забывают, навещают иногда, но...

– Эля хочешь? – спросила матушка Друд. – Да, а может, ты не завтракал?

– Спасибо, матушка Друд, я завтракал, но вот от кружечки эля не откажусь.

– И мне тоже, – вмешался Друд. – Негоже Джибу пить одному.

Матушка Друд заковыляла обратно в хижину.

– Такие дела, – проговорил Друд. – Дрова достаются нелегко, но я худо-бедно справляюсь. А лес тут хороший, сплошь дубы да клены, и все сухие, хоть бери да сразу в огонь. Да, сушняк навалом. Порой, правда, останавливаются на ночевку путники, но что они там сожгут – всего ничего, так что это ерунда. А на холме, чуток подалее, валяется гикори. Древесина, скажу я тебе, первый сорт. Такая нечасто попадается. Жаль, идти далеко...

– Сегодня я занят, – сказал Джиб, – но завтра и послезавтра я могу вам помочь.

– Не стоит, Джиб. Сам справлюсь.

– Зачем надрываться? И потом, гикори мне тоже не помешает.

– Ладно, уговорил. Спасибо тебе большущее.

– Не за что.

– Я и себе плеснула, – заявила матушка Друд, вернувшись с тремя кружками эля. – Все-таки гостей мы принимаем редко. С вашего разрешения, я присяду.

– Джиб поможет мне завтра, – сказал Друд. – Мы с ним пойдем за гикори.

– Хорошее дерево, – одобрила матушка Друд.

– Мне должны сделать новый топор, – сказал Джиб. – Старый совсем никуда не годится. Его мне еще отец подарил.

– Твои, я слышала, живут у Лощины Енота, – проговорила матушка Друд.

– Да, они там уже давно, – кивнул Джиб. – Неплохое местечко: деревья, рыбалка, без счета ондатр, заводь, в которой растет дикий рис. Я думаю, переселяться им не захочется.

– А топор тебе делают гномы? – спросил Друд.

– Они самые. Долго возятся. Я говорил с ними еще прошлым летом.

– Умельцы они на диво, – заметил Друд рассудительно. – А металл у них просто загляденье. И то сказать, жила-то вон какая богатая. Торговцы покупают у них все без разбора. Знаешь, про гномов каких только слухов не ходит, в чем только их не обвиняют, но с нашими гномами нам повезло. Не представляю, как бы мы обходились без них. Сколько раз они нас выручали.

– Чего ж соседям не ужиться, – обронила матушка Друд, – коль они не держат зла друг на друга.

– Гномы не наши родичи, матушка, – напомнил ей Друд.

– Ну и что? – сказала она. – Они живые существа и не так уж сильно отличаются от нас. Во всяком случае, гораздо меньше, чем мы – от людей. Конечно, не то что Народ Холмов, но все же...

– Главное то, – заявил Друд, – что мы все как-то уживаемся друг с другом. Взять хотя бы нас с людьми. Они вдвое выше нас, у них гладкая кожа, а у нас мех, они умеют писать, а мы нет. Они покупают вещи за деньги, а мы обмениваем одно на другое. У людей много такого, чего нет у нас, но мы не завидуем им, а они не презирают нас. В общем, пока мы уживаемся, все в порядке.

– Мне пора, – сказал Джиб, допивая эль. – До гномов дорога длинная, а мне надо наве­стить отшельника.

– Я слышал, ему приходится тяжело, – проговорил Друд. – Стареет, ничего не поделаешь. Сдается мне, он почти такой же старый, как холмы.

– Ты заглянешь к отшельнику? – переспросила матушка Друд.

– А то ты не слышала, – буркнул Друд.

– Подожди минутку. Я хочу кое-что ему передать. Пошлю ему дикого меда. Мне подарил его Народ Холмов.

– Он обрадуется, – сказал Джиб.

Матушка Друд исчезла в хижине.

– Я вот все думаю, – произнес Друд, – чем он живет? Сидит себе на холме над своей пещерой, никуда не ходит, ничего не делает.

– Его наве­щают, – отозвался Джиб. – Он раздает лекарства – от живота, от горла, от зубов. Но некоторые идут к нему не за лекарствами, а чтобы поговорить.

– Да, пожалуй, гостей у него хватает.

Матушка Друд возвратилась со свертком и вручила его Джибу.

– Ждем тебя к ужину, – сказала она. – Не беда, если припозднишься, чем-нибудь я тебя все равно накормлю.

– Спасибо, матушка Друд, – поблагодарил Джиб.

Он оттолкнулся от плота и направил лодку по протоке. Из камышей стаями вспархивали дрозды; они кружили у него над головой, неумолчно переругиваясь между собой.

От кромки воды берег круто уходил вверх. На краю болота росли огромные деревья, простиравшие ветви над трясиной. Один дуб-великан стоял так близко к воде, что его корни, с которых со временем смыло всю землю, торчали из земли словно растопыренные пальцы. Джиб привязал лодку к одному из корней, перекидал на сушу узелки и топор и выбрался сам. Закинув узелки за спину и подобрав топор, он двинулся по еле заметной тропинке, которая уходила в ложину между двумя холмами. Вскоре тропинка сделалась более утоптанной: здесь ходили торговцы, которые направлялись к пещерам гномов.

Над болотом по-прежнему носились с криками дрозды, но чем глубже Джиб забирался в лес, тем тише становилось вокруг. Шелестела на ветру листва, да слышался порой глухой стук

– то ударялся о землю упавший желудь. Раньше поутру на ветвях цокали белки, но сейчас они приумолкли и лишь сновали по стволам едва различимыми тенями, добывая себе пищу.

Подъем был достаточно крутым. Джиб остановился, чтобы перевести дух, и привалился к замшелому валуну. Лес ему не нравился. Он покинул болото несколько минут назад, но уже начал по нему скучать. Лес был мрачным и таинственным, в нем легко заплутаться, тогда как на болоте всегда можно определить, где ты находишься. Нет, лес ему был не по душе.

Глава 5

– Так ты пришел за топором? – спросил гном Плакси.

– Если он готов.

– Разумеется, готов, – буркнул Плакси. – Мы доделали его еще вчера. Однако сядь посиди. Сюда не так-то легко забраться, даже тому, кто молод.

Ниже зева пещеры на склоне холма громоздилась куча земли и шлака. Она наполовину погребла под собой глубокий овраг. Вдоль нее бежала укатанная дорожка, что обрывалась у рудникового отвала. Куча была настолько древней, что сквозь нее проросли и достигли весьма приличной высоты деревья; некоторые из них нависали над оврагом под самыми невообразимыми углами. В глубине пещеры, которая достигала сердца холма, метались блики пламени. Оттуда доносился грохот кузнечных молотов.

Плакси провел Джиба в боковое ответвление пещеры, уходившей к руднику.

– Здесь, – сказал он, – мы сможем спокойно поговорить, и шум не будет нам помехой. К тому же мы избежим опасности угодить под колеса какой-нибудь тачки.

– Копченая рыба, – проговорил Джиб, кладя один из своих узелков на тянущуюся вдоль стены пещеры полку, – и кое-что еще. А другой для отшельника.

– Я не видел его много лет, – сказал Плакси. – Вот, возьми стул. Я недавно обил его новой овечьей шкурой. Очень удобно.

Джиб сел на указанное место, а гном устроился напротив.

– Вообще-то, – признался Плакси, – я был у отшельника всего только раз, заглянул, так сказать, на огонек. Принес ему пару серебряных подсвечников и больше не ходил. Мне показалось, что я смутил его. Во всяком случае, ему было не по себе. Он, конечно, промолчал...

– Он добрый человек, – заметил Джиб.

– Мне не стоило этого делать. Понимаешь, прожив столько лет в краю людей, вдосталь наобщавшись с ними, начинаешь забывать о разнице между собой и человеком. Но для отшельника, да и для многих его сородичей я – осколок иного мира, к которому они не принадлежат и к которому в большинстве своем относятся с неприязнью и даже злобой. Я полагаю, не без основания. Целые эпохи люди и существа из моего мира жестоко воевали друг с другом, не ведая жалости и, сдается мне, частенько забывая о чести. Вот потому-то отшельник, который, как ты говоришь, добрейший из людей, и не знал, как ему себя со мной держать. Разумеется, он понимал, что я – существо безобидное и ничем не угрожаю ни ему самому, ни его сородичам, и все же беспокоился. Будь я, скажем, бесом или каким-нибудь демоном, он бы сразу сообразил, что делать. Святая вода, молитвы и все такое прочее. Но я же не бес, хотя и состою, с его точки зрения, в родстве с дьяволом. Словом, все эти годы я жалел, что навестил его.

– Но подсвечники он взял? – спросил Джиб.

– Взял и поблагодарил меня. Он слишком хорошо воспитан, чтобы швырнуть их мне в лицо. А взамен подарил мне отрез расшитой золотом ткани. Наверно, ее оставил ему какой-нибудь гость из благородных. Откуда у отшельника деньги, чтобы купить такую роскошь? А меня долго мучила совесть: я все думал, что мне надо было отказаться от столь дорогого подарка. По правде говоря, я так до сих пор и не решил, что мне делать с этим отрезом. Я храню его в сундуке, время от времени вынимаю и люблюсь переливами красок – и все. Пожалуй, я мог бы обменять его на что-нибудь более полезное, но у меня не поднимается рука. Ведь отшельник подарил мне его от чистого сердца, а подарки не обменивают, особенно если твой подарок – от такого человека.

– По-моему, – сказал Джиб, – ты многое навоображал. Ну, я имею в виду смущение отшельника. Что касается меня, то я по отношению к тебе подобных чувств вовсе не испытываю. Впрочем, я, естественно, не человек.

– Ты гораздо ближе к людям, чем я, – возразил гном. – В том-то и может заключаться разница... Пойду за топором, – прибавил он, поднимаясь, – и принесу еще одну вещь. – Он похлопал ладонью по узелку. – Спасибо. Однако мы помогли бы тебе и без него.

– Я давно хотел тебя спросить, – проговорил Джиб, – да все не мог набраться храбрости. Вы ведь ведете учет, так? Вам приносят подношения, а вы открываете кредит. Но те, кто приходит к вам – Народ Болот, Народ Холмов, да и многие из людей, – не умеют писать. А вы, получается, умеете?

– Я нет, – ответил гном. – Образованных среди нас можно пересчитать по пальцам. А вот гоблины, пожалуй, умеют, в особенности те, которые ошиваются в университете. Но торговать-то как-то надо, поэтому мы разработали собственную систему учета, которая, кстати говоря, вся построена на честности.

– Да, – подтвердил Джиб, – на честности и дотошности.

Плакси поднялся, направился в дальний конец пещеры и принялся рыться в сундуках. Вскоре он возвратился, держа топор с рукоятью из древесины гикори.

– Мне кажется, – сказал он, – балансировка в самый раз. Если нет, мы поправим.

– По-моему, все в полном порядке, – восхищенно проговорил Джиб. – А всякую мелочь я и сам поправлю. – Он потер пальцем сверкающую поверхность лезвия. – Прекрасно. Просто прекрасно. Если заботиться о нем, он прослужит мне всю жизнь.

– Тебе нравится? – спросил довольный Плакси.

– Не то слово! – воскликнул Джиб. – Я знал, что могу на вас положиться.

– Острие у него не затупится, если ты, конечно, не станешь рубить камни. Против камней не устоит никакой топор.

– Я буду осторожен. Он слишком хорош, чтобы плохо с ним обращаться.

– А теперь, – сказал гном, – посмотри-ка сюда.

Он сел и положил себе на колено какой-то предмет, завернутый в овечью шкуру. Движения его были исполнены чуть ли не благоговения. Когда с предмета сняли шкуру, он ярко засверкал. Джиб подался вперед:

– Меч!

– Человеческий меч, – сказал Плакси. – Для нас с тобой он чересчур длинный и тяжелый. Меч бойца. Видишь, ни тебе камней, ни других украшений. Честный клинок, такой же, как твой топор. За все то время, что я провел здесь, мы почти не ковали мечей. А среди тех, которые выковали, этот – лучший.

– Он особенный, – произнес Джиб, притрагиваясь к клинку, – из тех, которым дают имена. Знаешь, в старину люди часто называли свои клинки по именам, как лошадей.

– Мы нашли гнездо богатой руды, – продолжал Плакси, – извлекли его и припрятали для особых случаев. Таковую руду на пустоки не пускают. Она для специальных заказов, вроде этого клинка и твоего топора.

– Ты хочешь сказать, что мой топор...

– Они с мечом братья.

– Будем надеяться, – проговорил Джиб, – что меч попадет в достойные руки.

– Мы позаботимся, чтобы так оно и случилось, – отозвался Плакси.

– Я принес тебе старый топор, – сказал Джиб. – Он вполне надежен, но вот острие затупилось настолько, что его уже не наточить. Видишь, на нем нет и следа ржавчины. Я подумал, что он, может быть, вам пригодится. Мне за него ничего не нужно. – Он протянул топор гному.

– Хороший топор, – одобрил Плакси. – Твоего отца?

– Он отдал его мне, когда я строил свой плот, – сказал Джиб.

– Тоже наша работа. Хороший топор, но не такой хороший, как новый.

– Мой отец передает вам пожелания доброго здоровья. И мать тоже. Я сказал им, что собираюсь к вам.

– А вы неплохо живете у себя на болоте. Много лет. Если я не ошибаюсь, записей вы не ведете? Значит, ты не можешь подсчитать, сколько именно.

– Мы не умеем писать, – объяснил Джиб. – У нас бытуют только предания, что передаются от отца к сыну. Они, может, и правдивы – но насколько?

– Твой народ жил на болоте еще до того, как мы, гномы, заселили эти холмы. У нас тоже существуют предания, но, к сожалению, не о вас, а о тех, кто первым открыл здесь руду и построил рудник.

– Мне пора, – сказал Джиб, вскидывая на плечо узелок. – До пещеры отшельника путь неблизкий, а я хочу вернуться домой до темноты.

– Правильно, – кивнул Плакси. – В этом году что-то много развелось волков, никогда такого не было. Если припозднишься и решишь переночевать у нас, мы с радостью тебя примем.

Глава 6

Поначалу Джиб подумал, что отшельник куда-то ушел, что само по себе было бы достаточно странно. В последние годы, совсем одряхлев, отшельник покидал свою пещеру лишь затем, чтобы набрать кореньев, трав, листьев и коры, из которых приготавливал потом лекарства. Огонь в пещере не горел, и даже дымом не пахло; костер не разжигали уже давно. На грубом трехногом столике возле очага стояла тарелка с высохшим яичным желтком. Джиб взгляделся во мрак.

– Отшельник, – позвал он. Ему вдруг стало страшно, хотя он и сам не мог понять отчего. – Отшельник, ты тут?

Из угла донесся слабый звук, как будто пискнула мышь.

– Отшельник? – повторил Джиб.

Звук послышался снова. Джиб на цыпочках двинулся в угол.

– Я здесь, – пробормотал отшельник.

Его голос был тих, словно шелест листы. Глаза Джиба привыкли к темноте, и он различил скорчившуюся в углу пещеры фигуру и бледное лицо.

– Отшельник, что случилось?

Джиб нагнулся над человеком. Отшельник лежал, закутавшись до подбородка в одеяло.

– Нагнись пониже, – попросил он. – Мне трудно говорить.

– Ты заболел? – спросил Джиб.

– Я умираю, – произнес отшельник, едва шевельнув губами. – Слава Богу, что ты пришел.

– Тебе что-нибудь нужно? Вода? Суп? Я могу приготовить суп.

– Слушай, – выдал человек, – молчи и слушай.

– Я слушаю.

– У стены стоит шкаф...

– Вижу.

– Ключ висит у меня на шее. На шнурке.

Джиб послушно протянул руку.

– Нет, подожди.

– Что?

– В шкафу... в шкафу... – Отшельник говорил с трудом. – Книга в кожаном переплете... И топорик... каменный топорик... Отнеси их епископу...

– Какому епископу?

– Епископу Башни. Вверх по реке на север, потом на запад. Спроси... Тебе покажут дорогу...

Джиб терпеливо ждал, но отшельник молчал и даже не пытался что-либо произнести. Джиб протянул руку, нащупал на шее отшельника шнурок, приподнял его голову и снял ключ. Потом опустил голову человека на подушку.

Он подождал, но отшельник не шевелился. Тогда Джиб встал, пересек пещеру, подошел к шкафу и отпер его. Книга в кожаном переплете лежала на полке, а рядом с ней находился топорик, подобного которому Джибу еще не доводилось видеть, – каменный, заостренный на одном конце и гладкий, как будто из металла. Лишь приглядевшись, можно было заметить следы зубила. Кроме того, в шкафу хранились бритва, ножницы, гребень и маленький фиал с голубоватой жидкостью, наполовину пустой. Джиб взял топорик с книгой и закрыл шкаф.

– Ты взял их? – проговорил отшельник, глядя на него затуманенным взором. – Хорошо.

– Я отнесу их епископу.

– Ты Джиб. Ты бывал у меня раньше.

Джиб кивнул.

– Ты подождешь?

– Подожду. Что я могу сделать? Может, воды?

– Нет. – Отшельник едва заметно покачал головой.

Джиб встал на колени возле убогого ложа. Дыхание отшельника было таким слабым, что грудь его почти не поднималась, а промежутки между вздохами тянулись мучительно долго. Но все же время от времени воздух вырывался из ноздрей человека, и тогда волоски над верхней губой легонько вздрагивали.

– Я стар, – проговорил отшельник, вынырнув из забытья. – Я пережил себя.

Он снова погрузился в молчание. Дыхание его было по-прежнему слабым и неровным. Дважды Джибу казалось, что оно пресеклось окончательно, но оба раза он убеждался, что ошибся.

– Джиб?

– Да?

– Оставь меня здесь. Когда я умру, оставь меня здесь.

Джиб промолчал. В пещере вновь установилась тишина, нарушаемая лишь редким, прерывистым дыханием умирающего.

– Завали вход. Сделаешь?

– Да, сделаю.

– Я не хочу, чтобы волки... – Он не закончил фразу.

Джиб молча стоял на коленях у ложа. Какое-то время спустя он поднялся, подошел к выходу и выглянул наружу. Солнце миновало зенит и клонилось к западу. Пещера располагалась достаточно высоко, и из нее видна была та часть болота, которую он покинул сегодня утром. Еще бы чуть-чуть повыше, и он разглядел бы реку.

Джиб вернулся на свой пост. Он попробовал было предаться размышлениям, но обнаружил, что мысли разбегаются. Их было столько, что можно было запутаться. Голова у Джиба шла кругом. На несколько минут он совершенно забыл про отшельника, а когда посмотрел в его сторону, то увидел, что грудь человека больше не вздымается... Он подождал, думая, что снова ошибся. Однако время шло, а отшельник не подавал признаков жизни. Джиб прижался ухом к его груди: сердце не билось. Он приподнял веко: нет, теперь ошибки быть не могло.

Отшельник умер. Но Джиб продолжал сидеть около него, словно надеялся вернуть старика к жизни. Он понял вдруг, что сумятица в мыслях исчезла, что он вновь обрел способность думать. Мог ли он чем-то помочь человеку? Джиб с ужасом вспомнил, что даже не попытался принести отшельнику воды. Да, он спрашивал, и отшельник отказался, но зачем, зачем было слушаться? Или надо было бежать за помощью? Но куда? К кому? И потом, разве мог он бросить умирающего, разве мог позволить тому умереть в одиночестве?

«Отшельник, – думал Джиб, – был стар и потому не боялся смерти. Может статься, он воспринимал ее как друга». Не далее как этим утром Друд интересовался, чем живет отшельник, и его вопрос остался без ответа. Наверно, жизнь отшельника была не так уж скудна, раз он сумел встретить смерть с таким достоинством. Что ж, у него еще много дел, а день уже клонится к вечеру. Джиб откинул одеяло, сложил отшельнику руки на груди, потом укрыл его одеялом с головой, после чего вышел наружу и принялся искать валуны, которыми можно было бы завалить вход в пещеру.

Глава 7

Хэл из Дерева-с-дуплом перебрался через изгородь и очутился на кукурузном поле. Итак, он в безопасности. Самогонщик с сыновьями на другом конце поля, а собаки отсыпаются под навесом после ночной охоты. Охота была долгой и, судя по всему, безуспешной. Хэл с Енотом полночи напролет прислушивались в своем дупле к звукам погони. Однажды собаки возбужденно затыкали, словно загнали добычу на дерево, однако она, как видно, ускользнула, потому что вскоре погоня возобновилась. Несколько раз в ночи, поблизости от их дерева с дуплом, мелькали огоньки фонарей.

Кукуруза в этом году уродилась отменная. Однако заслуги в том самогонщика и его неотесанной семейки не было никакой – или почти никакой. Почву они мотыжили всего лишь два или три раза, да и то в самом начале, так что между рядами в изобилии выросли сорняки. Тем не менее початки были один другого лучше, и Хэлу казалось, что их гораздо больше, чем обычно. Он забрался в поле на глубину в пять или шесть рядов, так как знал, что с краев кукурузу объедают еноты и белки. Вот почему самогонщик охотится на енотов, вернее, вот как он объясняет свою кровожадность: дескать, нельзя допускать, чтобы кукурузу уничтожали на корню. На самом же деле существовала иная причина: шкурки енотов пользовались спросом. Благодаря им, самогону и свинине семейство самогонщика как-то умудрялось сводить концы с концами.

Хэл принялся чистить початки. Двигался он быстро, ибо не желал задерживаться тут дольше, чем необходимо. Он знал, что люди далеко и заняты другим делом, но не позволял себе расслабиться. Очищенные початки один за другим летели в мешок.

На краю поля, нежась в лучах осеннего солнышка, щебетали сойки. В зарослях орешника, снуя по ветвям золотистыми блестками, цокали белки.

«Осень, – сказал себе Хэл, – нравится мне больше остальных времен года». Когда стоят теплые дни, земля под голубым небом начинает плодоносить, и словно чувствуешь ее удовлетворение тем, что продолжительный срок роста наконец завершен. Осень – передышка перед наступлением зимних холодов и выпадением снега. Что ж, в этом году он неплохо запасся на зиму. Он уже набрал орехов и кукурузы, засушил ягод, припас корней и семян. Надо будет выбрать денек и сходить на болото; может, удастся выменять немного копченой рыбы у Джиба, или у старого Друда, или у кого другого из Народа Болот. Неожиданно Хэл сообразил, что с Джибом он не виделся целую вечность. Ничего, скоро они встретятся и вдоволь наговорятся.

Хэл забросил мешок за спину. Тот оказался тяжелее, чем он ожидал: вероятно, он слегка пожадничал. Ну да ладно, свое не тянет. Добравшись до края поля, Хэл остановился и прислушался. Похоже, поблизости никого нет. Он перебрался через изгородь, потом перебрался сам, подхватил мешок и заторопился в лес. Уж в лесу-то его никому не поймать. Лес – его дом. Он знал лес как свои пять пальцев, знал в нем каждый сучок. Спустившись наискось по склону холма, Хэл направился к огромному, полному внутри дубу. По дороге он машинально многое подмечал и запоминал: алые крапинки спелых ягод ариземы, увешанные плодами ветви боярышника, налитые соком виноградины, серебристый блеск сброшенной змеиной шкуры в куче палой листвы.

Где-то через полчаса он добрался до дуба-великана, диаметр которого в основании составлял добрых десять футов. На высоте около двадцати футов в его стволе зияло дупло примерно двух футов в поперечнике. К дуплу вела лесенка из вбитых в дерево колышков.

Енота не было. Должно быть, где-нибудь шляется. «Вряд ли он завалился спать в такую рань», – подумалось Хэлу. Он оставил мешок под дубом, взобрался по лесенке, проник в дупло и спустился в него еще по одной чередке колышков.

Внутри дуб был полым сверху донизу. Толщина стенок дупла составляла от силы фут. Когда-нибудь, как догадывался Хэл, могучий порыв ветра опрокинет дерево, и тогда ему придется искать себе новый дом. Но здесь, в лесной чащобе, ветру было не разгуляться, и к тому же дуб защищал каменистый гребень, который разбивал господствовавшие в этой местности воздушные потоки с запада. Полость поднималась над дуплом еще футов на двадцать; сквозь щели в ее стенках пробивался солнечный свет. Пол устилала древесная труха, что нападала вниз за века жизни дуба. Близ одной из стен располагался очаг, вдоль других выстроились шкафы и сундуки. Посредине стоял стол со стульями.

– Привет, – произнес голос за спиной Хэла.

Хэл резко обернулся. На кровати сидело незнакомое существо с большими ушами, одетое в поношенные кожаные брюки и старую куртку бутылочно-зеленого цвета, из-под которой выглядывала красная рубашка. На голове у существа был высокий остроконечный колпак.

– Ты кто такой? – спросил Хэл; рука его потянулась к висевшему на поясе ножу. – Если ты хотел меня напугать, то, считай, своего добился.

– Я чердачный гоблин из университета в Вайалузинге, – ответило существо. – Меня зовут Оливер.

– Ну что ж, – проговорил Хэл уже спокойнее, – приятно познакомиться. Но что ты тут делаешь?

– Я пришел к тебе, – сказал гоблин, – а тебя дома не было. Оставаться снаружи я боялся. Сам понимаешь, чердачные гоблины...

– И ты забрался внутрь. Тебе повезло, что ты не наткнулся на Енота. Он бы в два счета выставил тебя отсюда.

– Енот?

– Ну да, большой енот, мой друг, который живет вместе со мной.

– А, домашнее животное.

– Не животное, а друг.

– Значит, ты меня прогонишь?

– Да нет, зачем же? Просто ты меня напугал. Ты голодный?

– Немножко, – отозвался гоблин. – У тебя найдется сыр?

– Чего нет, того нет, – развел руками Хэл. – Могу предложить кашу из кукурузной муки или яблоки, запеченные в тесте.

– От каши я бы не отказался.

– Идет. Ею мы и поужинаем. По-моему, у нас должно было остаться молоко. Я беру его у дровосека. Далеко ходить, конечно, но ближе ни у кого коровы нет. А чтобы было сладко – кленовый сироп.

– Здорово, – проговорил гоблин, вращая глазами.

– Вот только разведу огонь. Кажется, угли еще не потухли. А путь тебе выпал неблизкий, мастер гоблин.

– Мой путь был долог и труден, – произнес гоблин. – Мои ноги стерлись, и я чуть было не пал духом. Мне пришлось провести много времени на свежем воздухе, а я к нему непривычен.

Хэл поворошил угли. В глубине очага замерцал красноватый огонек. Хэл сунул туда гнилушек и, нагнувшись, сильно дунул. Над гнилушками взметнулся было язычок пламени, исчез и появился снова. Хэл подбросил в огонь веток.

– Ну вот, – сказал он, усаживаясь на корточки перед очагом, – все в порядке. Надо бы принести кукурузу, ну да успеется. Ты мне поможешь?

– С удовольствием, – откликнулся Оливер.

Хэл подошел к буфету, взял с полки миску и деревянную ложку, которой зачерпнул из сундука за буфетом кукурузную муку.

– Ты сказал, что пришел ко мне.

– Да, мне говорили: «Иди к Хэлу из Дерева-с-дуплом. Он знает все, что творится на свете. Он знает леса и то, что в них происходит». Дровосек объяснил мне, как найти твое дерево. Быть может, это был тот самый дровосек, у которого ты берешь молоко, хотя коровы я, признаться, не видел.

– О чем же ты хотел меня спросить?

– Я ищу человека, – проговорил гоблин. – Книжника по имени Корнуолл. Мне сообщили, что он путешествует с торговцами и идет на север. Мне необходимо его отыскать.

– Почему необходимо?

– Потому что ему угрожает опасность, которой я и не предполагал.

Глава 8

Солнце село, но в лесу было еще достаточно светло. Небо на западе отливало алым, и темнота, наползавшая с востока, была пока бессильна справиться со светом.

Джиб торопился. Ему предстояло пройти милю с лишним, а осенью ночь наступает быстро. Тропа вела под уклон, но бежать не получалось: Джиб был вынужден постоянно смотреть себе под ноги, чтобы не споткнуться о камень или торчавший из земли корень. На обратном пути он успел заглянуть к гномам, рассказал Плакси о смерти отшельника, но от предложения переночевать в пещере отказался, так как спешил домой. Он знал, что гномы распространят весть о кончине отшельника и предупредят всех, чтобы не пытались разобрать завал у входа в пещеру, ставшую отшельнику могилой.

Сумерки сгущались. Джиб достиг утоптанной тропинки и начал спускаться к болоту, и тут до его ушей донеслось далекое рычание. Он застыл как вкопанный и прислушался. «Может, – подумалось ему, – мне померещилось?» Однако рычание повторилось; это был полурок, полувои, к которому примешивались другие звуки: клацанье зубов, треск раздираемого мяса, отвратительное чавканье.

Волки! Волки на охоте! Почти не сознавая, что делает, Джиб взмахнул топором и, крича во все горло, устремился вниз по тропинке. Размышляя позднее над своим поведением, он пришел к выводу, что ничего другого ему не оставалось. Если бы он попытался убежать или обойти волков стороной, они наверняка учуяли бы его и напали. Однако в тот миг он ни о чем не думал, а просто кинулся на вырубку, потрясая своим новым топором.

Густой подлесок внезапно кончился. Тропинка вывела болотника на поляну. Ему хватило одного взгляда, чтобы понять, что здесь произошло. На поляне и на дороге громоздились тела – тела людей и лошадей, а над ними, скаля зубы и рыча, стояли волки, громадные хищные звери, которые мгновенно повернулись навстречу Джибу, оторвавшись от своего гнусного пиршества. Но люди погибли не все: какой-то мужчина, стоя на коленях, сражался с волком, норовя крепче стиснуть горло косматой твари.

Охваченный яростью, Джиб прыгнул вперед и занес над волком топор. Волк попытался увернуться, но не сумел вырваться из рук человека, и топор раскроил ему череп. Судорожно дернув задними лапами, волк упал, а следом за ним повалился ничком и человек. Джиб повернулся лицом к стае. Волки попятились и зарычали. Один из них попробовал подобраться к Джибу справа. Джиб замахнулся топором, и волк проворно отскочил. Всего зверей было то ли восемь, то ли десять; сосчитать точнее не представлялось возможным. Ростом они были с Джиба, их морды приходились вровень с его головой.

Джиб понимал, что долго так продолжаться не может. Сейчас волки выжидают, так сказать, примеряются к нему, а вскоре набросятся разом, собьют с ног и раздерут в клочья. Бежать смысла нет, они без труда его догонят. Значит, выход только один. Издав душераздирающий вопль, Джиб рванулся к самому крупному зверю, которого принял за вожака стаи. Тот не успел уклониться от удара, и лезвие топора рассекло ему плечо. Увидев краем глаза, что на него летит другой волк, Джиб отпрянул; его топор описал в воздухе короткую дугу и вонзился нападавшему в морду. Волк мгновенно испустил дух.

Прочие неожиданно будто провалились сквозь землю. Они растаяли в темноте, и о том, что они тут были, напоминали теперь лишь мертвые тела. Джиб повернулся к человеку, который сражался с волком.

Мужчина лежал лицом вниз. Джиб подхватил его под мышки и потащил на тропинку, что вела к болоту. Человек был тяжел, но Джиб не отчаивался; главное – добраться до болота, пока не вернулись волки. В том, что звери вернутся, у него не было ни малейшего сомнения. Наконец он выбрался на обрывистый берег, потянул что было сил и спихнул человека вниз. Тот

с шумом плюхнулся в воду. Джиб сделал еще два-три шага, потом остановился и постарался придать человеку сидячее положение. Что ж, на какое-то время они в безопасности. Вряд ли волки, которых ожидает на поляне столь роскошное угощение, последуют за ними в болото. В любом случае вода должна их отпугнуть.

Человек махнул рукой, словно пытался отогнать Джиба. Джиб потряс его за плечо.

– Не падай, – проговорил он, – и не шевелись. Я приведу лодку.

Он знал, что его лодка, длиной всего в шесть футов, не выдержит такой тяжести, но если человек окажется в состоянии использовать ее как опору, то все будет в порядке. Если плот Друда по-прежнему там, где был сегодня утром, далеко плыть не придется.

Глава 9

Небо поражало своей голубизной. Ничто не мешало ему глядеть на небо; оно было единственным, что он мог видеть. Он лежал на чем-то мягком и слегка покачивался; откуда-то доносился звук, похожий на плеск воды. Его так и подмывало повернуть голову, поднять руку, попытаться определить, где он находится, но нечто вроде наития убедило не поддаваться подобным мыслям и не привлекать к себе внимания. Он напряг память и вспомнил страшную морду с оскаленной пастью. Пальцы его как будто до сих пор сжимали волчью шею. Воспоминание походило на кошмар, и он никак не мог понять, произошло ли это на самом деле или всего лишь померещилось.

Сохранять неподвижность стоило немалых усилий. Он попробовал сосредоточиться. Судя по всему, он не там, где на него, в воображении или в действительности, напал волк. Там были деревья, они нависали над дорогой, клонились к ней, а сейчас над ним нет ни веточки. Поодаль раздался хриплый крик. Он осторожно повернул голову и увидел примостившуюся на стебле рогоза птицу, краснокрылого дрозда, который отчаянно цеплялся когтями за растение, стараясь сохранить равновесие. Вот дрозд расправил крылья, распушил хвост, снова хрипло закричал и уставился на него глазами-бусинками. Послышалось шарканье ног. Он приподнял голову. К нему приближалась низкорослая, кругленькая женщина в клетчатом платье. Если бы не заросшее шерстью лицо, она вполне могла бы сойти за хорошо сложенного карлика. Она подошла и встала рядом. Он уронил голову на подушку и вопросительно посмотрел на свою необычную няньку.

– Я принесла суп, – сказала та. – Раз ты проснулся, голубчик, я накормлю тебя супом.

– Мадам, – выдавил он, – я не знаю...

– Зови меня матушкой Друд, – перебила женщина. – И не вздумай отказываться от супа.

Тебе нужно набираться сил.

– Где я?

– На плоту посреди болота. Здесь тебе ничто не угрожает. Никто не сможет до тебя добраться. Ты с Народом Болот. Знаешь о Народе Болот?

– Я слышал про вас, – пробормотал Корнуолл. – А волки...

– Джиб спас тебя от них. Отбил своим новым топором, который ему выковали гномы.

– Он... Я имею в виду, Джиб... Он тут?

– Нет, он поплыл за улитками для похлебки. А я пока сварила суп из утки. Ты ешь такой суп? Смотри, в нем мясо.

Матушка Друд заковыляла прочь. Корнуолл оперся на правый локоть и только теперь заметил, что левая рука перевязана. Кое-как усевшись, он прикоснулся к голове – и нащупал повязку. Картина ночных событий становилась все отчетливее. Скоро она, вероятно, станет полной. Корнуолл огляделся по сторонам. По положению солнца на небосводе он определил, что сейчас где-то середина утра. Болото простиралось до самого горизонта. Тут и там из него торчали чахлые деревца, что росли, скорее всего, на неразличимых отсюда островках. Вдалеке выпорхнула из зарослей камыша стая птиц, описала в воздухе идеальную окружность и возвратилась на прежнее место.

В протоку, что вела к плоту, вошла лодка. Ее направлял короткими взмахами весла седоватый болотник.

– Я Друд, – представился он, причалив к плоту. – А ты ничего, бодренький.

– Я вполне здоров, – сказал Корнуолл.

– Тебе здорово досталось, – продолжал Друд. – Голова разбита, а рука прокушена до кости. – Он выбрался из лодки, привязал ее к плоту, потом подошел к Корнуоллу и присел перед ним на корточки. – Однако считай, что тебе повезло. Все остальные погибли. Мы с

утречка пораньше обыскали лес: никого живого. Верно, бандиты, к тому же издалека. Раньше у нас были свои, всё шныряли по холмам, но мы их извели, так что это чужие. А что вы везли с собой?

– Не знаю, – покачал головой Корнуолл. – Всякое добро на продажу. В основном, по моему, ткани. Я не из торговцев, просто путешествовал вместе с ними.

Из-за хижины с миской в руках показалась матушка Друд.

– А вот и матушка, – проговорил Друд. – Несет тебе супчику. Ешь сколько влезет. Силы в тебе совсем не осталось.

– Держи, голубчик, – сказала матушка Друд, протягивая Корнуоллу ложку. – Одной рукой тебе не управиться, так что ты ешь, а я подержу миску.

Суп был горячий и вкусный, и, проглотив одну ложку, Корнуолл понял вдруг, что ужасно голоден. Он попытался вспомнить, когда ел в последний раз, но не смог.

– До чего ж приятно, – заявил Друд, – смотреть на того, кто уплетает за обе щеки.

Корнуолл опустошил миску.

– Может, добавки? – спросила матушка Друд. – У меня полный котелок.

– Нет, спасибо, не надо.

– А теперь ложись, – велела она. – Хватит тебе сидеть. А с па можно поговорить и лежа.

– Мне не хочется доставлять вам лишних хлопот. Я уйду, как только увижусь с Джибом и поблагодарю его.

– Никуда ты не уйдешь, – возразил Друд. – Ты не в том состоянии, чтобы куда-то идти. И потом, с чего ты взял, что стал для нас обузой? Мы рады приветить тебя.

Корнуолл лег и повернулся на бок, лицом к старому болотнику.

– Чудесное местечко, – сказал он. – Вы давно здесь живете?

– Всю жизнь, – ответил Друд. – До меня тут жили мой отец, и отец моего отца, и много-много других. Мы, болотники, не любители бродяжничать. А ты сам-то? Далеко твой дом?

– Далеко, – признался Корнуолл. – Я родом с запада.

– Дикие края, – заметил Друд.

– Да, пожалуй.

– И что, возвращался туда?

– Можно сказать и так.

– Ну и скрытный же ты, – упрекнул Друд. – Лишнего слова из тебя не вытянешь.

– Это потому, что мне особенно нечего рассказывать.

– Ладно, ладно, – буркнул Друд. – Не принимай близко к сердцу. Ну, отдыхай. Джиб вот-вот вернется. – Он встал.

– Минутку, папаша Друд, – окликнул его Корнуолл. – Спасибо за все.

– Отдыхай, парень, – повторил Друд, весело глядя на человека. – Чувствуй себя как дома.

Солнце поднималось все выше и пригревало весьма ощутимо. Корнуолл зажмурился, и тут же перед его мысленным взором промелькнули события прошлой ночи: неожиданное нападение из-за деревьев, дождь стрел, притененный блеск клинков. Все совершалось в тишине, редко кому из умирающих удавалось вскрикнуть до того, как распротиться с жизнью. Благодаря какому стечению обстоятельств он уцелел в этой бойне? Да, над ним занесли меч, он выставил вперед руки, чтобы отвести удар, потом упал... Корнуолл обнаружил, что помнит, как падал с лошади, а как повалился на землю – уже нет. «Быть может, – подумалось ему, – я угодил в кусты у дороги и меня потеряли из виду?»

Раздался глухой стук. Корнуолл открыл глаза. К плоту причалила новая лодка, на корме которой сидел молодой болотник. На дне лодки стояла полная корзина улиток.

– Ты, должно быть, Джиб, – проговорил Корнуолл, усаживаясь.

– Он самый, – отозвался Джиб. – Я рад, что тебе лучше.

– Меня зовут Марк Корнуолл. Мне сказали, ты спас меня.

– Пустяки, я просто вовремя подоспел тебе на подмогу. Ты в одиночку, голыми руками сражался с волком. Вот это настоящая храбрость! Ты что-нибудь помнишь?

– Так, смутно.

Джиб выбрался из лодки и перетащил на плот корзину.

– Похлебки наварим, – сказал он. – Ты как насчет похлебки?

– Вполне.

– Матушка Друд приготовит ее так, что тебе больше ничего не захочется. – Джиб подошел к Корнуоллу. – Мы с Друдом с утра побывали в лесу. Нашли семь трупов. На них не осталось ни единой ценной вещи – ни ножа, ни кошелька. Срезали все подчистую, утащили весь товар, даже седла с лошадей сняли. В общем, бандиты.

– Не уверен, – возразил Корнуолл.

– То есть?

– Послушай, ты спас мне жизнь, значит я тебе кое-чем обязан. Друд приставал ко мне с расспросами, но ему я ничего не открыл, а тебе открою.

– Друду можно доверять, – сказал Джиб. – Болотники не выдают чужих тайн. А мне можешь не рассказывать. Зачем мне это знать?

– По-моему, тебе следует знать правду. Я не торговец, я студент университета в Вайялузинге, вернее, был когда-то студентом. Я украл из университетской библиотеки один документ. Мой приятель гоблин посоветовал мне бежать, потому что на этот документ могли позариться другие. Потому-то я отыскал торговцев и заплатил им, чтобы они взяли меня с собой.

– Ты думаешь, кто-то напал на торговцев из-за того, что с ними был ты? Кто-то хотел завладеть документом? Кто-то убил всех, чтобы избавиться от одного тебя? А документ цел?

– Надеюсь, – отозвался Корнуолл. – Сними с меня, пожалуйста, правый сапог. Я одной рукой не справлюсь.

Джиб выполнил его просьбу.

– Теперь, – продолжал Корнуолл, – сунь в него руку.

– Тут что-то есть, – проговорил Джиб, вынул из сапога листок и протянул его Корнуоллу.

Тот осторожно развернул пергамент и показал Джибу.

– Я не умею читать, – сказал Джиб. – Никто из болотников не умеет.

– Здесь написано по-латыни, – объяснил Корнуолл.

– Не понимаю, – пробормотал Джиб. – Они же должны были обыскать тебя.

– Ошибаешься, – возразил Корнуолл. – Они полагают, что документ у них. Я оставил в библиотеке копию.

– Копию?

– Да, но слегка подправленную – там, где речь идет о самом важном. Если бы я изменил больше, они могли бы заподозрить. Мало ли вдруг кому-то из них было известно содержание документа? Так что они охотились не за пергаментом, а за мной.

– Ты доверился мне, – проговорил Джиб, – но с какой стати? Тебе не следовало этого делать.

– Нет, следовало, – не согласился Корнуолл. – Без тебя я давно был бы уже мертв. Другое дело, что я подвергаю вас опасности. Помогите мне добраться до берега, и я уйду. Если кто-нибудь спросит, скажи, что никогда меня не видел. Не хочу, чтобы вы рисковали из-за меня.

– Нет, – буркнул Джиб.

– Что «нет»?

– Мы не пустим тебя на берег. Никто не знает, что ты здесь. Ты никому не попадался на глаза, а я ни с кем не разговаривал. И потом, твои враги считают ведь, что ты погиб.

– Да вроде бы.

– В общем, ты останешься у нас до тех пор, пока не поправишься. А там иди куда хочешь, поступай как знаешь.

- Я не могу задерживаться. Мне предстоит долгий путь.
- Мне тоже.
- Тебе тоже? Я думал, вы никогда не покидаете свое болото. Друд говорил мне...
- Обычно так и есть. Но вон в тех холмах жил старый отшельник. Перед смертью он дал мне книгу и топорик и попросил передать их тому, кого назвал епископом Башни...
- На северо-запад отсюда?
- Да, так сказал отшельник. Вверх по реке, на север, потом на запад. Ты знаешь епископа Башни?
- Слышал про него. Это на границе Пустынного Края.
- Пустынный Край? Ну и ну! Колдовской мир?
- Верно, – проговорил Корнуолл. – Туда-то я и направляюсь.
- Значит, идем вместе?
- По крайней мере до Башни. Мне дальше.
- Ты знаешь дорогу? – спросил Джиб.
- Нет, только общее направление. Я смотрел карты, но они не слишком надежны.
- У меня есть друг, Хэл из Дерева-с-дуплом. Он много странствовал по свету, и, наверно, дорога ему известна. Может, он согласится пойти с нами.
- Ты вызвался идти со мной, но подумай вот о чем: одно покушение на меня уже состоялось, а сколько их может быть еще?
- Но тебя же считают мертвым.
- Пока считают. Но вокруг полным-полно любопытных глаз и болтливых языков. Молва о путниках распространяется быстро.
- Если к нам присоединится Хэл, ты сможешь забыть про дороги. Мы пойдем лесом, а там нас мало кто увидит.
- Похоже, тебя не пугает...
- Мы, болотники, существа робкие, нам страшно забираться далеко от болота. Честно говоря, я дрожу как осиновый лист. Но с тобой и Хэлом...
- Он хороший друг?
- Хэл – мой лучший друг. Мы ходим в гости, разговариваем. Мы с ним почти ровесники, но он сильнее меня и знает лес. Страх ему неведом. Он крадет с полей кукурузу, обирает сады...
- Судя по твоему описанию, он хороший малый.
- Он такой на самом деле, – заверил Джиб.
- Думаешь, он пойдет с нами?
- Надеюсь. Он не из тех, кто поворачивается спиной к приключению.

Глава 10

– Значит, ты хочешь купить меч, – проговорил гном Плакси. – Зачем он тебе понадобился? Он не для таких, как ты. Ты едва ли сможешь его поднять. Он выкован для человеческой руки, для руки бойца.

– Мы с тобой давние знакомые, – сказал Джиб. – Ты давно знаешь моих соплеменников и Народ Холмов. Могу ли я довериться тебе?

Плакси шевельнул ушами и почесал в затылке.

– Мог бы и не спрашивать. Никто не назовет нас, гномов, болтунами. Мы заняты делом, и распускать языки нам просто некогда. Мы многое слышим, но отнюдь не все передаем дальше. Болтливость может навлечь беду, а этого нам не надо. Тебе ведь известно, что мы, члены Братства – гоблины, эльфы и все остальные, – живем на земле людей только из их милости. Если мы станем излишне любопытны, начнем лезть туда, куда не просят, их терпение быстро истощится. Инквизиция и так шныряет вокруг нас, но не трогает, пока мы ухитряемся оставаться, так сказать, невидимыми. Но стоит нам вылезти на свет, наверняка найдется какой-нибудь доброжелатель, который натравит на нас церковников, – и тогда держись. Кстати, то, о чем ты хочешь рассказать, ничем нам не грозит?

– Вряд ли, – отозвался Джиб. – Иначе бы я не пришел к тебе. Мы, болотники, нуждаемся в вас, и долгие годы вы торговали с нами прибыльно и без обмана. Ты слышал, конечно, о нападении на торговцев две ночи тому назад?

– Ужасно! – воскликнул Плакси. – Вы похоронили их?

– Мы похоронили то, что от них осталось, потом разровняли землю, присыпали ее для отвода глаз хвоей, а мертвых животных оттащили в болото, то есть скрыли все следы происшедшего.

– Правильно, – одобрил Плакси. – Торговцев, разумеется, хватятся, и власти, какие бы они ни были, затеют расследование. Правда, мне думается, они будут действовать спустя рукава, потому что здесь пограничный край, а его они стараются без крайней надобности не посещать. Если бы они отыскивали доказательства, нам всем пришлось бы плохо. Кому понравится, что в его доме рыскают ищейки?

– Меня смущает только одно, – продолжал Джиб. – Мы не смогли произнести над могилами нужных слов, потому что мы их не знали. Да даже если бы и знали, кто мы такие, чтобы произносить их? В общем, мы похоронили торговцев без отпущения грехов.

– Они умерли без отпущения грехов, – возразил Плакси, – и потом, это такая глупость!

– Может, и глупость, – ответил Джиб, – но и у нас, и у вас тоже имеются странные обычаи.

– Что возвращает нас к делу, – буркнул Плакси. – Итак, зачем тебе меч?

– Торговцы погибли не все, – сказал Джиб. – Я случайно набрел на того, кто уцелел. Меч нужен не мне, а ему.

– А его собственный что, украли?

– Да, вместе с ножом и кошельком. Убийцы забрали товары и вдобавок ограбили мертвецов. По-моему, его меч был не слишком хорош. Он достался ему от прадеда. Но теперь ему нужен настоящий клинок.

– У меня хватает других мечей.

– Ему нужен самый лучший, – проговорил Джиб, качая головой. – Он идет в Пустынный Край, чтобы разыскать Древних.

– Безумец, – пробормотал Плакси. – С чего он взял, что Древние существуют? Мы, гномы, знаем о них из старинных сказаний. Но даже если он найдет их – что с того?

– Он хочет поговорить с ними. Он книжник и хочет...

– Никому не дано говорить с ними, – перебил Плакси. – Никто не знает их языка.

– Много лет назад, быть может несколько тысяч, среди них жил человек, который записал их язык, по крайней мере отдельные слова.

– Очередная сказка, – хмыкнул Плакси. – Если бы Древним попался человек, они разорвали бы его на кусочки.

– Не знаю, не знаю, – сказал Джиб. – Я повторяю тебе то, что рассказывал мне Марк.

– Марк?

– Марк Корнуолл. Он пришел с запада, а последние шесть лет провел в университете в Вайалузинге. Он украл манускрипт...

– А, так он еще и вор?

– Не столько вор, сколько открыватель. Манускрипт был спрятан и пролежал в тайнике не одно столетие. Если бы не Марк, вполне возможно, что его не нашли бы до сих пор.

– Подожди-ка, – проговорил Плакси. – Ты показывал мне книгу и топорик, которые отшельник велел отнести какому-то епископу. Выходит, ты отправляешься с этим своим Марком?

– Да, – ответил Джиб. – Вдвоем мы доберемся до епископа Башни, но дальше, в Пустынный Край, Марк пойдет один.

– И ты позволишь ему?

– Я хотел бы сопровождать его, но он мне не разрешает.

– Очень разумно с его стороны, – заявил Плакси. – Тебе известно, что такое Пустынный Край?

– Волшебная страна, – отозвался Джиб.

– Верно, последняя твердыня Братства.

– Но вы...

– Да, мы из Братства. Мы уживаемся с вами потому, что здесь – Пограничье. Тут ты можешь встретить людей, но их немного – мельники, дровосеки, угольщики, крестьяне, самогонщики. Человеческие установления, вроде правительства или церкви, нас не затрагивают. Тебе не приходилось бывать в землях к востоку или югу отсюда?

Джиб покачал головой.

– Там таких, как мы, раз-два и обчелся. Они вынуждены скрываться. А многих попросту изгнали, и они ушли в Пустынный Край. Естественно, любви к человечеству они не испытывают. В Пустынном Краю обитают те, кого изгнали, и те, кто никогда не покидал его, те, кто цепляется за старые обычаи, за прежний образ жизни.

– Однако вы ушли.

– Столетия назад гномы-разведчики отыскали в этих холмах рудную жилу. С начала времен гномы были кузнецами и рудокопами. Поэтому мы переселились сюда. Нас мало, но мы не ропщем. Однако если так называемая человеческая цивилизация распространится и на Пограничье, мы вынуждены будем вернуться.

– Как бы то ни было, люди странствовали по Пустынному Краю, – сказал Джиб. – Марк читал записи одного такого странника.

– Он должен был иметь при себе могущественный талисман, – заметил Плакси. – У твоего друга есть талисман?

– Не похоже. Он ни о чем таком не упоминал.

– Тогда он и впрямь безумен. Ведь он направляется туда даже не за сокровищами, а всего лишь чтобы повидать Древних. Скажи мне, что он будет делать, если наткнется на Древних?

– Тот странник тоже не искал сокровища, – проговорил Джиб. – Он шел туда наудачу.

– Все они чокнутые. Ты уверен, что твоего друга не разубедить?

– По-моему, его уже ничто не остановит.

– Что ж, – вздохнул Плакси, – пожалуй, ему не обойтись без меча.

– Так ты продашь мне клинок?

- Продам? Ты представляешь, сколько он стоит?
- Но у меня же есть кредит, – напомнил Джиб, – у меня и у Друда. Наверняка найдутся и другие, которые пожелают...
- Собери хоть три таких болота, как вон то, внизу, – фыркнул Плакси, – и тебе все равно не хватит кредита, чтобы купить этот меч. Ты знаешь, что в него вложено? Знаешь, сколько на него ушло трудов и колдовства?
- Колдовства?
- Его самого. Или ты думаешь, что такое оружие можно выковать молотом на наковальне?
- Но мой топор...
- Твой топор – всего лишь добротная работа. Колдовства в нем нет.
- Извини, что побеспокоил тебя, – сказал Джиб.
- Ты меня ничуть не побеспокоил, – заявил Плакси, вновь шевельнув ушами. – Ты мой старый друг, и клинок я тебе не продам, а отдам просто так. Ты понял, что я сказал? Отдам просто так. А в придачу ты возьмешь у меня пояс и ножны, потому что, сдастся мне, у твоего разлюбезного дружка нет ни того, ни другого. И еще щит, которого он, скорее всего, также не имеет и который ему, несомненно, пригодится.
- Щита у него нет, – подтвердил Джиб. – Он остался вообще без всего. Но я не понимаю...
- Ты недооценил мою привязанность к Народу Болот. Ты недооценил мою гордость, гордость мастера, чей клинок будет противостоять ужасам Пустынного Края, ты недооценил мое восхищение твоим человеком, который, зная по книгам, что такое Пустынный Край, все же идет туда, преследуя несбыточную мечту.
- Все равно я не понимаю тебя, – сказал Джиб. – Однако спасибо, большое спасибо.
- Сейчас принесу меч.
- Плакси поднялся со стула, но не успел сделать и шага, как в пещеру ворвался другой гном, в кожаном фартуке, весь перемазанный сажей.
- У нас гости! – воскликнул он.
- И что? – процедил сквозь зубы Плакси. – Это повод для переполоха? Разве гости – такая уж невидаль?
- Но среди них гоблин!
- Ну и что?
- Ближайшие гоблины обитают в Кошачьем Логове, а до него миль двадцать с хвостиком.
- Приветствую вас, – проговорил Хэл из Дерева-с-дуплом. – Из-за чего шум?
- Привет, Хэл, – отозвался Джиб. – Я как раз собирался заглянуть к тебе.
- Хочешь, пойдем обратно вместе, – предложил Хэл. – Как поживаешь, Плакси? Знакомьтесь, это Оливер, чердачный гоблин.
- Здравствуй, Оливер, – сказал Плакси. – Объясни мне, пожалуйста, что такое «чердачный гоблин». Я никогда о таком не слышал.
- Мой дом, – ответил Оливер, – находится на чердаке над библиотекой университета в Вайялузинге. Я пришел к вам по делу.
- Енот, которого до сих пор не было видно, выбрался из-за спины Хэла, пересек пещеру, вскочил на колени Джибу, ткнулся носом ему в шею и легонько укусил за ухо.
- Отстань, – сказал Джиб. – Мне щекотно и даже больно.
- Енот как будто не слышал.
- Ты ему нравишься, – заметил Хэл. – Ты всегда ему нравишься.
- Нам известно о нападении на торговцев, – продолжал гоблин Оливер. – Честно говоря, я сильно перепугался. Нам хотелось бы узнать подробности.
- Спросите у него. – Плакси ткнул пальцем в Джиба. – Он нашел единственного человека, который спасся.

- Спасся? В самом деле? – Оливер уставился на Джиба. – А ты не знаешь, как его зовут?
- Марк Корнуолл, – ответил Джиб.
- Слава всему, что правит нами, – пробормотал Оливер, опускаясь на пол. – Он здоров?
- Его ударили по голове и поранили руку, но он быстро поправляется. А ты – тот гoblin, про которого он рассказывал?
- Ну да. Я посоветовал ему присоединиться к торговцам, но тогда я еще не знал, с кем связался проклятый монах. Впрочем, он свое получил: ему перерезали горло.
- Что происходит? – спросил Плакси. – Какие-то монахи, убийства... Мне это не по душе. Оливер кратко пересказал ему историю Корнуолла.
- Я чувствую себя ответственным за него, – прибавил гoblin. – К тому же я и сам оказался замешан...
- Ты упоминал о человеке, с которым связался монах, – вставил Джиб.
- В том-то все и дело, – отозвался Оливер. – Он называет себя Лоуренсом Бекеттом и рядится под бродячего торговца. Мне не известно его настоящее имя, да оно нам и ни к чему, но я твердо знаю, что никакой он не торговец. Он агент Инквизиции, самый гнусный мерзавец во всем Пограничье.
- Инквизиция, – прошептал Плакси. – Она...
- Вот именно, – перебил Оливер. – Карающая рука церкви, призванная выкорчевывать ересь. Надо сказать, частенько ересь толкуется весьма своеобразно. Когда агенты Инквизиции забываются – а такое случается сплошь и рядом, – они переступают через законы, плюют на них. Они видят еретика в каждом, кто попадает им навстречу...
- По-твоему, торговцев убил этот самый Бекетт со своими людьми? – спросил Джиб.
- Я сильно сомневаюсь, что убивали они, но замысел наверняка принадлежит Бекетту. Он просто нанял исполнителей.
- В надежде убить Марка?
- Нападение затевалось с одной-единственной целью – прикончить Марка, а заодно – возможных свидетелей. Судя по твоему рассказу, они дочиста обобрали его и, должно быть, посчитали мертвым. Впрочем, они, может, и не знали, что он – причина всего.
- Но манускрипта они не нашли. Марк спрятал его в сапог.
- Они и не искали. Бекетт думает, что манускрипт у него. Он украл его из комнаты Марка.
- Подделка, – проговорил Хэл. – Копия.
- Совершенно верно, – подтвердил Оливер.
- И ты пришел сюда, чтобы предостеречь Марка?
- Я должен был предостеречь его, но опоздал. В том, что он спасся, моей заслуги нет.
- Мне кажется, – произнес Плакси, – что ключ ко всему лежит в тексте той подделки, которая находится сейчас в руках Бекетта. Ты не поведаешь нам, что там написано?
- Охотно, – отозвался Оливер, – благо мы с Марком сочиняли ее вместе и, помнится, радовались, как хорошо у нас получается. Кое-что нам пришлось оставить, поскольку монах наверняка должен был рассказать тому, кому он передавал информацию, что Корнуолл нашел манускрипт в повествовании Тэйлора о странствиях по Пустынному Краю. Впрочем, на мой взгляд, там полным-полно небылиц. Мне даже не очень верится, что он бывал в Пустынном Краю. Так или иначе, мы сохранили текст в целостности, изъяв из него лишь упоминания о Древних. Вместо них мы вставили сказание, которое Марк вычитал в каком-то старинном фолианте. Там говорится об университете, в библиотеке которого хранятся книги, написанные в незапамятные времена, и прочие поистине бесценные сокровища. Мы намекнули вскользь, что этот университет – в Пустынном Краю и что Тэйлор слышал...
- Ты что, спятил? – взревел Плакси. – Ты воображаешь, что натворил? Из всех бредовых идей...
- Извини, – смутился Оливер, – но я что-то не пойму.

– Остолоп! – воскликнул Плакси. – Идиот! Тебе-то уж следовало знать, что такой университет существует в действительности! – Он пристально посмотрел на Джиба, потом перевел взгляд на Хэла. – Вам двоим этого знать не положено, ибо вы не из Братства. Мы берегли тайну как святыню. – Он схватил Оливера за плечи и рывком поднял на ноги. – Ты что, правда не знал?

– Пощади меня, пощади. Откуда мне было знать? Я всего лишь обыкновенный чердачный гоблин. Кто мог мне сказать? Мы всегда считали это выдумкой.

Плакси отпустил Оливера. Енот тихонько заскулил.

– Никогда раньше, – сказал Хэл, – я не видел тебя таким рассерженным.

– А как тут не сердиться? – пробурчал Плакси. – Глупцы! Кучка глупцов, забравшихся туда, куда им и носа совать не следовало! Хуже того, теперь агент Инквизиции знает то, чего не должен был узнать ни в коем случае. Как по-вашему, что он будет делать? А вот что: отправится напрямик в Пустынный Край! Не за сокровищами, а за книгами. Ведь как только не обласкают того церковника, который найдет древние языческие книги и предаст их огню!

– Может, он не найдет их, – сказал Джиб. – Может, у него ничего не выйдет.

– Разумеется, у него ничего не выйдет, – хмыкнул Плакси. – Его затея обречена на провал. За ним погонятся все чудовища Пустынного Края, и если он и спасется, то по чистой случайности. Но меня тревожит другое: столетиями между людьми и Братством поддерживался мир, каким бы он ни был худым. Но теперь вспыхнет пожар, все Пограничье окажется охваченным пламенем, и снова начнется война!

– Что-то я совсем запутался, – проговорил Джиб. – Ты ничуть не возражал против того, чтобы Корнуолл шел в Пустынный Край, называл его безумцем, но не возражал. Ты даже согласился отдать ему меч...

– Видишь ли, мой друг, – пустился в объяснения Плакси, – существует громадная разница между книжником, который идет в Пустынный Край, скажем так, из научного любопытства, и церковником, который угрожает ему огнем и мечом. Книжник, про которого известно, что он книжник, может даже благополучно вернуться. Не то чтобы он будет в полной безопасности, ибо в Пустынном Краю хватает тварей, к которым лично я не испытываю ни малейшей симпатии, однако его станут терпеть, поскольку он не представляет собой угрозы. Если его убьют, то убьют тихо, и никто никогда не узнает, как это произошло. Откровенно говоря, мало кто заметит его появление, так что он вполне может возвратиться живым и здоровым. Чувствуешь разницу?

– Да вроде бы, – отозвался Джиб.

– Итак, что мы имеем? – спросил Плакси. – Тебе предстоит путешествие, к которому вынуждает тебя твоя честь: ты должен доставить книгу и топор епископу Башни. Тебя будет сопровождать твой драгоценный книжник, который затем отправится один в Пустынный Край. Правильно?

– Правильно.

– Ты не собираешься пойти вместе с ним?

– Пожалуй, нет.

– Я собираюсь, – подал голос гоблин. – Я видел начало, если повезет, увижу и конец, каким бы он ни был. Я зашел так далеко, что поворачивать обратно нет никакого смысла.

– Ты говорил мне, что боишься открытого пространства, – вмешался Хэл. – Еще называл это каким-то мудреным словом...

– Агорафобия, – сказал Оливер. – Увы, от нее никуда не денешься. Я дрожу всякий раз, когда выхожу наружу. Небо словно давит на меня. Но я должен идти. Все началось с меня, и я не могу бросить Марка на полпути.

– Ты будешь чужаком, – предупредил Плакси. – Ты принадлежишь к Братству всего лишь наполовину, поэтому будешь в не меньшей опасности, чем человек.

– Знаю, – ответил Оливер, – и все равно иду.

– А что это за разговор о епископе Башни? – спросил у Джиба Хэл. – Впервые слышу, что ты куда-то уходишь.

– Я хотел попросить тебя, чтобы ты показал нам дорогу, – сказал Джиб. – Мы собираемся идти лесом, и я боюсь заблудиться. А ты наверняка знаешь дорогу.

– Я ни разу в жизни там не бывал, – ответил Хэл, – но те холмы мне известны. Нам придется избегать проселков и тропинок, тем более что агент Инквизиции движется в ту же сторону. Очевидно, он пройдет через Пограничье. Пока о нем ничего не слышно.

– Если бы он прошел, – сказал Плакси, – мне бы донесли.

– Когда выходим? – спросил Хэл.

– Ну, не завтра, – отозвался Джиб. – Марку надо подлечиться, и к тому же я обещал помочь Друдру с дровами.

– Мне это не нравится, – покачал головой Плакси. – Совершенно не нравится. Ветер предвещает беду. Но если книжник держит путь в Пустынный Край, ему нужен меч. Я обещал ему меч и не нарушу своего слова, ибо день, когда гном откажется от своей клятвы, станет для него черным днем.

Глава 11

Они шли уже пятый день. Солнце пригревало. Листва на деревьях мало-помалу меняла цвет, становилась золотистой, багряной, коричневой или розовой, и от богатства красок невольно захватывало дух. Марк Корнуолл убеждался, что за последние шесть лет кое-что утратил. Замурованный в холодных каменных стенах университета, он забыл о цвете, запахе и прелести осеннего леса и даже не подозревал до сих пор, что он это забыл.

Хэл вел их большей частью вдоль цепи холмов, но время от времени им приходилось пересекать возвышенности или обходить стороной пригорки, на которых стояли невзрачные дома – убогие крестьянские хозяйства. В общем-то, крестьян или, скажем, дровосеков можно было не опасаться, скорее можно было рассчитывать на радушный прием, однако путники решили, что чем меньше они будут попадаться на глаза, тем лучше. Компания наподобие той, что сложилась у них, обязательно привлечет внимание, а слухи расходятся по округе с удивительной быстротой. Спускаясь с гребней холмов в глубокие распадки, они словно попадали в другой мир: мир, где было темно, покойно и тихо. Деревья росли едва ли не вплотную друг к другу, крутые склоны холмов незаметно переходили в скалистые выступы, огромные валуны перегораживали русла многочисленных ручейков. Высоко над головами посвистывал ветер, а внизу на него не было и намека. В лесу царил такая тишина, что перепуганное цоканье белки, шнырявшей среди листвы в поисках припасов, отдавалось в ушах раскатом грома и повергало на мгновение в панику, так же как и шум, поднимаемый тетеревом, что срывался вдруг этаким сумеречным призраком с какой-нибудь малоприметной ветви.

Ближе к вечеру они принимались подыскивать место для ночлега в одной из лощин. Хэл обычно приводил их туда, где имелась трещина в скалистой породе или где склон холма выдавался немного вперед, образуя уступ, под которым можно было укрыться от непогоды. Они разводили костерок, и тот отгонял ночной холод и тьму и будто оберегал их от леса, что с наступлением темноты словно преисполнялся враждебности. Хэл, опытный следопыт и охотник, добывал по дороге белок, кроликов или тетеревов, которых потом жарили на костре, а на второй день пути ему случилось подстрелить оленя. Иными словами, мяса у них было в избытке, а потому они почти не трогали припасы, которые захватили с собой: дикий рис, копченую рыбу, кукурузу, то есть то, что не тяжело было нести.

Сидя у костра, Корнуолл всякий раз вспоминал разочарование матушки Друд, когда ей сказали, что прощальной пирушки на все болото не предвидится. Достойная матушка принялась было возражать, но ей объяснили, что такая пирушка обязательно возбудит нездоровый интерес к цели их путешествия, чего следует всячески избегать.

Пять дней светило солнце, а на шестой, где-то, наверно, с полудня, начался дождь. Сперва он не шел, а лишь моросил, но ветер с запада задувал все сильнее, и под вечер дождь превратился в самый настоящий ливень, капли которого вонзались в лицо точно иголки. Несмотря на все старания Хэла, отыскать укрытие пока не удавалось. Корнуолл шагал последним, за Енотом, который, насквозь промокший, уныло тащился по лесу, подметая хвостом палую листву. Впереди виднелись фигуры Джипа и Оливера. Шерсть болотника отливала серебром, он не выказывал ни малейших признаков усталости, тогда как гоблин, судя по всему, с трудом держался на ногах. «А ведь ему здорово досталось, – подумал Корнуолл. – Бегство из Вайалузинга, блуждания в поисках дерева Хэла, этот шестидневный переход – жизнь на университетском чердаке не могла подготовить его к подобным испытаниям».

Корнуолл обогнал Енота и тронул Оливера за плечо.

- Садись, – сказал он, указывая себе на загривок. – Тебе надо передохнуть.
- Добрый сэр, – запротестовал гоблин, – в том нет никакой необходимости.
- Я настаиваю.

Корнуолл присел на корточки. Гоблин вскарабкался ему на плечи и обхватил рукой за шею.

– Уф! – выдохнул он.

– Тебе выпала дальняя дорога, – сказал Корнуолл.

– То, что началось в Вайалузинге, – ответил гоблин со смешком, – закончится еще не скоро. Тебе, разумеется, известно, что я иду с тобой в Пустынный Край?

– Я ждал от тебя глупости вроде этой, – буркнул Корнуолл. – По правде говоря, я очень рад.

– Страх потихоньку отпускает, – продолжал Оливер. – Небо страшит меня уже не так сильно. Боюсь, я настолько привыкну к открытому пространству, что оно будет мне нравиться. Хорошенькая привязанность для чердачного гоблина!

– Ужасно, – поддержал его Корнуолл.

Дождь не прекращался. Хэл куда-то исчез. Мало-помалу в лес стала просачиваться темнота. «Нам что, – мысленно спросил себя Корнуолл, – придется идти всю ночь?» Ветер переменялся с западного на северо-западный, но облегчения это не принесло: он сделался холоднее и задувал теперь резкими порывами. Неожиданно из мрака вынырнул Хэл – он появился словно призрак из тьмы под деревьями. Путники остановились.

– Я учуял запах дыма, – сообщил Хэл, – и отправился на разведку. Сами понимаете, одно дело, если горит древесный уголь или топится печь в крестьянском доме, и другое – если дымит костер, разведенный Бекеттом и его людьми. Когда пахнет дымом, проверка лишней не будет.

– Ты достаточно нас напугал, – хмыкнул Джиб. – Давай выкладывай, что увидел.

– Трактир, – ответил Хэл.

– Да, нам он не подходит, – пробормотал Джиб. – Они ни за что не пустят на ночлег болотника, холмовика, гоблина и енота.

– Зато примут Марка, – возразил Хэл. – Смотри, он весь промок и замерз, и у него болит рука.

– Меня они тоже не пустят, – покачал головой Корнуолл. – За ночлег надо платить, а у меня в кармане ни гроша. И потом, я не соглашусь разлучаться с вами.

– Там есть конюшня, – сказал Хэл. – Когда окончательно стемнеет, мы можем укрыться в ней, а если уйдем до рассвета, никто и не догадается о нашем присутствии.

– Ничего другого ты не нашел? – спросил Корнуолл. – Пещер поблизости нет?

– Нет. Придется нам удовлетвориться конюшней.

Глава 12

В конюшне стояла одна-единственная лошадь, которая тихонько заржала, будто приветствуя ночных гостей.

– Кляча трактирщика, – сказал Хэл. – Кожа да кости.

– Значит, мы здесь одни.

– Точно, – подтвердил Хэл. – Я заглянул в окошко. Трактирщик был вдрызг пьян и швырялся стульями и посудой. Видно, ему не на ком было сорвать свою злость.

– Пожалуй, – произнес Джиб, – даже к лучшему, что мы ночуем в конюшне.

– Я думаю, ты прав, – отозвался Корнуолл. – По-моему, надо подняться на чердак. Похоже, там есть сено, зарывшись в которое мы не замерзнем. – Он попробовал на прочность лестницу. – Кажется, выдержит.

Енот, не дожидаясь приглашения, устремился вверх.

– Он знает, куда бежать, – похвалил своего любимца Хэл.

– Что ж, тогда я пойду за ним, – сказал Корнуолл.

Он поднялся по лесенке, просунул голову в отверстие в потолке и огляделся. Сеновал был не слишком просторным. Енот деловито рылся в груде сена у стены. Внезапно одна из кип сена вскочила и испустила истошный вопль. Корнуолл одним движением взлетел наверх. Доски пола прогнулись под тяжестью его тела. Восставшая из сена фигура размахивала руками и продолжала вопить. Корнуолла прошиб пот; он воочию представил себе, как мчится к конюшне разъяренный трактирщик, оглашая воздух криками, которые наверняка перебудят всю округу – если в этой глуши есть кого будить. Он прыгнул на фигуру. Та попыталась увернуться, но он схватил ее, притянул к себе и зажал ей ладонью рот. Вопли смолкли, зато на пальце его сомкнулись острые зубы. Он отдернул руку, ударил, не глядя, кулаком и снова прижал ладонь к губам. Нового укуса не последовало.

– Тихо, – проговорил Корнуолл. – Я не причиню вам зла. Вы обещаете не кричать?

Кивок головой, очевидно, выражал согласие. За спиной Корнуолла раздался шорох: по лесенке поднимались остальные.

– Сейчас вы увидите моих друзей, – сказал он. – Они тоже не сделают вам ничего плохого. Пожалуйста, не кричите.

– Что стряслось, Марк? – справился Оливер.

– Здесь женщина. Должно быть, от кого-то пряталась. Так ведь, мисс?

– Да, – ответила она, – я пряталась.

На сеновале было не совсем темно: слабый свет сочился в два крохотных окошка под потолком. Женщина отступила было от Корнуолла, но потом, увидев Оливера, вновь прильнула к нему. Она дрожала.

– Не бойтесь, – сказал Корнуолл. – Оливер – весьма дружелюбный чердачный гоблин. Вы знаете, кто такие чердачные гоблины?

– Тут было еще какое-то животное, – прошептала она, качая головой.

– Енот. Не бойтесь, он не кусается.

– Мухи не обидит, – заявил Хэл. – Настолько добрый, что даже противно.

– Мы беглецы, – объяснил Корнуолл, – или почти беглецы, но все равно не опасные. Это Хэл, а вон там Джиб. Джиб – болотник, а Хэл – холмовик.

– А вы? – спросила она, делая шаг назад. – Кто вы такой?

– Зовите меня Марком. Я студент.

– Книжник, – поправил дотошный Оливер, – не студент, а ученый. Провел шесть лет в университете Вайалузинга.

– Мы искали, где бы укрыться от бури, – продолжал Корнуолл. – В трактир бы нас не пустили, к тому же мы без денег.

– Он пьян, – проговорила девушка, – напился и начал крушить мебель. Хозяйка закрылась в погребе, а я прибежала сюда. Я испугалась, я боялась его с самого первого дня.

– Вы прислуживаете в трактире?

– Да, – сказала она с горечью, – прислуживаю. Девочка на побегушках. Я не вернусь к нему, – прибавила она, садясь на пол. – Мне все равно, что со мной будет, но я не вернусь. Я не желаю тут оставаться. Хозяин вечно пьяный, а хозяйка только и знает, что грозить розгами. Зачем они мне нужны?

– Присоединяйтесь к нам, – пригласил Оливер. – Компания у нас подобралась славная, и мы с радостью вас примем.

– Но мы идем далеко, – предупредил Хэл, – и путь не из легких.

– После трактира все легко, – сказала девушка.

– Там никого? – осведомился Корнуолл.

– Вряд ли кто-то придет в такую ночь. Да и вообще, посетители нас не балуют, так, заглядывают иногда путники, заходят промочить горло дровосеки и угольщики, но у них обычно не бывает денег.

– Значит, – подытожил Джиб, – мы можем спокойно спать до утра.

Енот, который исследовал углы сеновала, вернулся к товарищам и уселся рядом, обернув хвост вокруг задних лап.

– Сторожить будем по очереди, – решил Корнуолл. – Если никто не возражает, я предпочел бы быть первым.

– Ну так вы идете с нами? – спросил у девушки Джиб.

– Не думаю, что это разумно, – сказал Корнуолл.

– Разумно или нет, – ответила она, – я уйду отсюда, как только рассветет, с вами или сама по себе. Здесь я не останусь.

– Пожалуй, – произнес Хэл, – ей лучше идти с нами. Лес – неподходящее место для прогулок, особенно для молодой девушки.

– Если вы пойдете с нами, – сказал Оливер, – нам хотелось бы узнать ваше имя.

– Меня зовут Мэри.

– Кто-нибудь хочет есть? – спросил Джиб. – Могу предложить кукурузные лепешки и грецкие орехи. Чтобы обмануть желудок, хватит.

Хэл жестом велел всем замолчать.

– Что такое?

– Мне почудился какой-то звук.

Они прислушались. Снаружи глухо стучал по крыше и по земле дождь да завывал в кронах деревьев ветер.

– Ничего не слышу, – сказал Корнуолл.

– Подождите. Вот, опять.

Сквозь вой ветра донесся еле слышный цокот.

– Лошадь, – заявил Хэл, – подкованная лошадь. Это чиркнула о камень подкова.

Звук повторился, к нему добавилось неясное бормотание, затем послышался скрип отворяемой двери, и в конюшне зазвучали голоса:

– Гнусное местечко.

– Все лучше, чем снаружи. Уж слишком бурная выдалась ночька.

– Трактирщик вдребезги пьян.

– Мы и сами найдем себе еду и постели.

Судя по всему, в конюшню завели не одну, а нескольких лошадей. По скрипу кожи можно было догадаться, что с животных снимают седла. Лошади фыркали, одна тихонько заржала.

– Найди вилы и набери наверху сена.

Корнуолл огляделся. Спрятаться было негде. Разве что зарыться в сено. Да – и получить в бок вилами?

– Все сразу, – прошептал он. – Как только он поднимется, кидаемся на него. – Он повернулся к девушке. – Вы поняли? Бегите изо всех сил.

Она кивнула.

Послышался шорох. Корнуолл потянулся за мечом. Мимо него пролетел мохнатый комок. Краем глаза он разглядел Енота: тот прыгнул, растопырив лапы, на человека, голова которого высунулась из отверстия в полу сеновала. Раздался вопль. Корнуолл скатился по лесенке, заметил на полпути, что внизу лежат зубьями вверх вилы, и каким-то образом умудрился не напороться на них. Человек, которому велено было набрать сена, отчаянно сражался с Енотом, а тот нападал, умело пользуясь как зубами, так и когтями. Корнуолл подобрал вилы, и как раз вовремя: от двери к нему устремились три тени, одна из которых размахивала мечом. Он перехватил вилы поудобнее, а потом швырнул их в противников, выставил перед собой клинок и ринулся в атаку. Щит висел у него на спине, перебрасывать его на руку было некогда. И слава богу, мелькнула у Корнуолла мысль, ведь иначе он не сумел бы схватить вилы и на них наверняка налетел бы кто-то из его друзей.

Один из трех нападавших испустил крик, в котором слышались удивление и боль: вилы вонзились ему прямо в грудь. Корнуолл скорее почувствовал, чем увидел, что над его головой занесен меч, прыгнул и сделал выпад. Его меч погрузился в чью-то плоть, и тут же на плечо Корнуолла обрушился удар, который едва не сбил его с ног. Он шарахнулся в сторону и наткнулся на лошадь. Та дернулась и ударила его копытом в живот. Корнуолл задыхаясь упал на четвереньки. Кто-то подхватил его под мышки и помог встать. Он с удивлением обнаружил, что по-прежнему сжимает в руке меч.

– Уходим! – крикнул кто-то ему в ухо. – Нам с ними не справиться.

Все еще сгибаясь от удара в живот, Корнуолл заставил себя подковылять к двери. Он споткнулся о неподвижное тело, чуть было не потерял равновесие, но устоял на ногах. Ветер швырнул ему в лицо капли дождя, и он понял, что выбрался на улицу. На фоне освещенных окон трактира он разглядел бегущих людей, а справа от себя заметил Хэла: опустившись на одно колено, тот выпускал стрелу за стрелой. Из темноты слышались вопли и проклятия: люди старались извлечь поразившие их стрелы.

– Пошли, – произнес голос Джиба. – Мы все тут. Хэл их задержит.

Джиб взял Корнуолла за руку, развернул его и подтолкнул. Тот побежал; дышать стало легче, и лишь тупая боль в животе напоминала об ударе копытом.

– Стойте, – проговорил Джиб какое-то время спустя. – Давайте разберемся, никто не отстал? Мэри, ты здесь?

– Да, – отозвалась насмерть перепуганная девушка.

– Оливер?

– Здесь.

– Енот? Енот, где тебя черти носят?

– За Енота можешь не волноваться. Он нас догонит.

– Хэл, это ты?

– Я. Они не станут нас преследовать. Им здорово досталось.

Корнуолл плюхнулся на землю. Брюки его мгновенно промокли. Он попытался вложить меч в ножны.

– Вы молодцы, ребята, – сказал Хэл. – Марк прикончил одного вилами, а второго – мечом. Третий подвернулся как раз под топор Джиба. Мне совсем нечего было делать.

– Не скромничай, на твою долю тоже осталось, – хмыкнул Джиб.

– И не забудьте Енота, – подал голос Корнуолл. – Он избавил нас от лишнего противника.

– А теперь расскажите мне, как это случилось, – попросил Джиб. – Я не боец...

– Никто из нас не боец, – отозвался Корнуолл. – Что до меня, то я не сражался с оружием в руках ни разу в жизни, так, участвовал в пьяных драках, и не более того.

– Нам нужно идти, – сказал Хэл, – и чем дальше мы уйдем, тем в большей безопасности окажемся. Пойдем без остановок, но особенно спешить не будем, чтобы не налететь в темноте на камень или дерево. Возьмитесь за руки и не разжимайте их. Если кто-нибудь потеряется или упадет, кричите – и мы остановимся.

Глава 13

Притаившись за березой, Хэл внимательно изучал окрестности. Рассвет явил ему печальное зрелище: трактир и конюшня исчезли. На том месте, где они стояли, дотлевали уголья, от которых тонкими струйками поднимался к небу едкий дымок. Дождь прекратился, небо было ясным, но с ветвей до сих пор капало. «А денек-то будет погожий», – сказал себе Хэл. Однако утро выдалось холодным. Хэл скрестил руки на груди и зябко сунул ладони под мышки. Он напряженно прислушивался, но все было тихо. Похоже, опасность миновала. Люди, с которыми они столкнулись ночью, исчезли.

Хэл окинул взглядом местность, высматривая что-нибудь необычное, то, чего не было здесь накануне вечером. Но все как будто осталось таким, как раньше, за исключением сожженных трактира и конюшни. Хэл осторожно выбрался из-за березы, быстро вскарабкался по склону холма к огромному дубу, что рос на его вершине, и взглянул оттуда на возвышенность, которую снизу не было видно. На ней происходило нечто весьма интересное: громадный серый волк остервенело рыл землю, а двое других сидели рядом и наблюдали за своим собратом. Волк рылся в куче сырой земли, позади него виднелось еще несколько таких же холмиков.

Хэл достал было лук и наложил на тетиву стрелу, но потом передумал. Он решил, что хватит убивать; кроме того, волки заняты обычным делом: под холмиками находится мясо, и им не терпится его достать. Хэл пересчитал холмики. То ли пять, то ли шесть. Трое погибли в конюшне. Или их было четверо? Если трое, то троих остальных уложили его стрелы. Он состроил гримасу. Что ж, им повезло, что они застали врагов врасплох. А может, если бы они не напали первыми, никакой схватки и не было бы? Ну да ладно, что было, то было, и ничего уже не изменить. Кости были брошены в тот самый миг, когда Енот прыгнул на человека, который взбирался по лестнице. Учитывая все обстоятельства, можно сказать, что они счастливо отделались. Пострадал только Марк: его ударили плашмя клинком по плечу, а затем лошадь лягнула в живот.

Хэл сидел на корточках и следил за волками. Он знал: их присутствие означает, что поблизости никого больше нет.

Наконец он встал и вышел из-за дерева, нарочно загребая ногами палую листву. Волки повернулись в его сторону, вскочили и в мгновение ока словно растворились в лесу. Хэл спустился с холма и направился к тлеющим угольям. От них все еще исходило тепло, что было как нельзя кстати в столь холодное утро, и он задержался немного, чтобы погреться. Издалека донесся крик сойки, среди листьев прошмыгнула белка – и снова все смолкло и воцарился прежний покой.

На земле отпечатались следы, оставленные людьми и их животными. Хэл призадумался над тем, где могут быть трактирщик и его жена. Он вспомнил слова служанки, что хозяйка закрылась от пьяного мужа в погребе. Неужели она продолжала сидеть там даже тогда, когда трактир охватило пламя? Если так, значит ее тело лежит где-то под угольями, ибо, когда дом запылал как свечка, спастись у нее не было ни малейшей возможности.

Он прошел по следам на дорогу. Похоже, что ночные всадники ускакали на северо-запад. Хэл воротился к холму, бросил взгляд на свежие могилы, снова обошел пепелище, гадая, что за люди могли сотворить такое, и опасаясь в душе, что знает ответ на свой вопрос. Он постоял минуту-другую в нерешительности, а затем двинулся по склону холма в том же направлении, в котором умчался отряд воинов. Уши его настороженно ловили звуки, он пристально глядел себе под ноги. В паре миль от того места, где стоял трактир, Хэл обнаружил его хозяина, того самого человека, которого видел через окно накануне вечером, когда он колотил посуду и крушил мебель. Трактирщик болтался на короткой веревке на нависавшем над дорогой суку исполдинского дуба. Руки его были связаны за спиной, голова неестественно вывернулась набок.

Легкий ветерок раскачивал тело взад и вперед. На плече мертвеца примостилась серая с белым птичка: она пила кровь, что бежала струйкой у трактирщика изо рта. «Скоро, – подумал Хэл, – налетят и другие птицы».

Запрокинув голову, он глядел на повешенного. Ему было горько – и страшно.

Оставив мертвеца висеть на дубу, Хэл пошел дальше. Судя по следам, всадники торопились. Лошадиные копыта глубоко впечатались в грязь – значит отряд двигался галопом.

Хэл покинул дорогу и полез на холм. Заблудиться он не боялся, ибо отчетливо помнил все ориентиры, которые наметил себе по пути сюда. Вскоре, миновав бурелом и продравшись сквозь кустарник, он вышел к скалистому уступу, где путешественники устроились вчера на ночлег за несколько часов до рассвета. Чердачный гоблин Оливер и Енот еще спали, тесно прижавшись друг к другу. Трое остальных сидели у края уступа, закутавшись в одеяла. Хэл подошел к ним почти вплотную, прежде чем они заметили его.

– Ты вернулся, – проговорил Джиб. – А мы-то все спорили, куда ты подевался. Ну что, разведем костер?

Хэл отрицательно помотал головой.

– Надо спешить, – сказал он. – Пора уносить ноги.

– Но я набрал хвороста, – возразил Джиб. – Дыма от него будет совсем мало. Мы продрогли и проголодались...

– Надо спешить, – повторил Хэл. – Трактир и конюшня сгорели дотла. Хозяйки я не нашел, а хозяин болтается на дереве. Так что медлить нельзя никак.

– Я разбужу Оливера и Енота, – сказал Джиб, – и тронемся в путь.

Глава 14

Они шли без остановки, не тратя времени ни на отдых, ни на еду. Корнуолл беспокоился за девушку, но та как будто без труда поспевала за остальными; по крайней мере, она не жаловалась.

– Вы, наверно, корите себя за то, что связались с нами, – сказал он, но Мэри лишь покачала головой.

Корнуолл мысленно похвалил ее: молодец, что промолчала, бережет дыхание для утомительных подъемов по склонам холмов и не менее утомительных спусков.

Им пришлось сделать один обход, когда вдалеке показалась хижина дровосека. Наконец, уже под вечер, они остановились на берегу ручья, вернее, прямо в его высохшем русле. Когда-то здесь текла вода и выбила в камне чашу с узким отверстием, куда изливался в незапамятные времена поток. На дне чаши, в самой ее середине, еще стояла крохотная лужица. Путники расположились у стены из песчаника, над которой нависал известняковый выступ, откуда низвергался когда-то водопад, и разожгли костер. До еды, которую они, изголодавшись, проглотили в один присест, разговор как-то не клеился, зато теперь, у огня, можно было и поболтать.

– Ты уверен, – спросил Корнуолл у Хэла, – что это был Бекетт?

– Я не могу утверждать, – отозвался Хэл, – но посуди сам, кто же еще? Торговцы не подковывают своих лошадей, и потом, они гораздо охотнее пользуются мулами. А у тех, с кем мы столкнулись, были одни лошади. И кто еще, скажи на милость, способен на такие зверства?

– Они же не знали, что трактирщик и его жена ни при чем, – возразил Корнуолл.

– Разумеется, не знали, – согласился Хэл. – Они просто решили заранее, что те виноваты, и все. Хозяина они, должно быть, пытали, а затем, ничего от него не добившись, повесили. Хозяйка же, вполне вероятно, сгорела заживо, когда они подожгли дом. – Он посмотрел на Мэри, сидевшую напротив. – Извините, мисс.

– За что? – спросила девушка, проводя ладонью по волосам. – Мне жаль их, по-человечески жаль, что они умерли такой смертью, но, по совести говоря, они мне никто. Нехорошо так говорить, однако, сдается мне, они пострадали заслуженно. Хозяина я боялась; в моей жизни не было ни мгновения с тех пор, как я пришла в трактир, чтобы я его не боялась. А хозяйка была немногим лучше. Всякий раз, когда я подворачивалась ей под горячую руку, она дубасила меня поленом. Хотите, покажу вам синяки?

– Почему же ты не ушла раньше? – удивился Джиб.

– А куда? – ответила она вопросом на вопрос. – Когда вы нашли меня на сеновале, я уже решила, что сбегу, но куда, по-прежнему не представляла, и тут подвернулись вы.

– Ты говоришь, Бекетт движется на северо-запад, – произнес Корнуолл, обращаясь к Хэлу. – А что, если он опередит нас и первым доберется до епископа Башни? Пускай даже он там не задержится, но может настропалить епископа против нас, и мы встретим у него холодный прием, а в худшем случае нас закуют в кандалы.

– Знаешь, Марк, – отозвался Хэл, – по-моему, опасность невелика. В нескольких милях к северу от того места, где повесили трактирщика, дорога разветвляется на две: левая ведет к Башне, а правая – в Пустынный Край. Готов поспорить, что Бекетт выбрал правую. Мне бы, пожалуй, надо было проверить, но я торопился увести вас оттуда.

– Пустынный Край? – переспросила Мэри. – Он направляется в Пустынный Край?

Хэл кивнул.

– А вы тоже идете туда? – поинтересовалась она, оглядывая своих спутников одного за другим.

– Почему ты спрашиваешь? – осведомился Оливер.

– Потому что я, может быть, родилась в Пустынном Краю.

– Что?

– Я точно не знаю, – проговорила Мэри, – не помню. Я была тогда совсем крохотной, и воспоминаний почти не сохранилось. Правда, кое-что в памяти всплывает: большой дом на вершине холма, люди, которые были, наверно, моими родителями, странные товарищи по играм... Однако был ли то в действительности Пустынный Край? Мои родители – не настоящие, а те, что взяли меня к себе и заботились обо мне, рассказывали, что встретили меня на тропинке, которая бежала из Пустынного Края. Они жили по соседству, двое стариков, очень бедных, и у них никогда не было ребенка, которого они могли бы назвать своим собственным. Они взяли меня к себе и воспитали, а я любила их так, словно они были моими настоящими родителями. – Мэри перевела дыхание, потом продолжила: – Они упорно трудились, но оставались бедняками. Жили они в одиночестве, потому что их домик стоял чуть ли не на границе Пустынного Края, а мало кто из людей рискует селиться в такой близости от него. Но с нами ничего плохого не случилось. Мы сеяли рожь и пшеницу, сажали картошку, растили садик, ходили за дровами в лес, доили корову, но скоро она умерла от ящура, а купить другую не было возможности. Еще у нас были свиньи. Мой отец – я всегда называла его отцом, хоть он им и не был, – охотился на оленей и медведей и ставил капканы на пушных зверьков. На меха он выменивал поросят, таких симпатичных маленьких свинок. Мы держали их в доме, чтобы они не достались волкам, до тех пор пока они не вырастали. Я помню: вот отец возвращается домой, а в руках у него поросята. Он приносил их издалека, ведь поблизости не было ни единого хозяйства, кроме нашего.

– И все же вы ушли, – сказал Корнуолл. – Ваша жизнь была счастливой, и все же вы ушли.

– Прошлая зима выдалась морозной и снежной. Мои старики-родители простудились и умерли. Я выхаживала их как могла, но у меня ничего не получилось. Первой умерла мама, а на следующий день – отец. Я развела костер, чтобы растопить лед и отогреть землю, и вырыла могилу, одну на двоих. Она получилась мелкой, потому что земля так и не оттаяла. Я не в силах была оставаться там. Понимаете, просто не в силах!

– И вы пришли в трактир, – попытожил Корнуолл.

– Да, – сказала Мэри. – Они обрадовались моему приходу, хотя по тому, как они со мной обращались, этой радости не чувствовалось. Я была молодой и сильной и хотела работать. Но они все равно шпыняли меня.

– Когда мы достигнем Башни, вы сможете передохнуть, – заметил Корнуолл, – передохнуть и решить, как вам быть дальше. Никто не знает, что такое эта Башня?

– Ничего примечательного, – отозвался Хэл. – Старинное укрепление на границе с Пустынным Краем. Когда-то там стоял гарнизон, а сейчас живет один епископ, хотя зачем он там нужен и чем занимается, никому не известно. Быть может, у него наберется двое-трое слуг. Они да пара крестьян – вот и все обитатели Башни.

– Вы мне не ответили, – напомнила Мэри. – Вы идете в Пустынный Край?

– Не все, – сказал Корнуолл. – Я иду. Оливер, по-моему, тоже. Его не удержать, но, будь моя воля, я бы попытался.

– Я наблюдал начало, – заявил Оливер, – и ни за что не пропущу конец.

– Далеко еще? – спросил Джиб. – Сколько нам осталось идти?

– Три дня, – сказал Хэл. – Мы будем у Башни через три дня.

Глава 15

Епископ Башни был стар. «Выглядит он, – подумал Джиб, – моложе отшельника и все-таки дряхлый старец». Ряса, которую он носил – златотканая, из тончайшего шелка, – за долгие годы изрядно пообтрепалась. Впрочем, при взгляде на лицо епископа поношенные одежды как-то сразу забывались. Старца словно окутывал незримый покров доброты и могущества; то был не просто епископ, а епископ-воин. Стоило мысленно слегка подправить его заострившиеся черты, вообразить здоровый цвет кожи и румянец на щеках, и на месте старика возникал вдруг суровый ратник. Седые волосы на голове епископа были столь редкими, что казались случайно прицепившимся к ней пухом, который вот-вот сорвется и улетит, подгоняемый ветерком, проникавшим внутрь Башни сквозь многочисленные трещины в стенах. Огонь в очаге бессилён был справиться с холодом. Комната была обставлена весьма скудно: грубый стол, за которым сидел на колченогом стуле епископ, в углу неприятзательное ложе, шаткий обеденный стол со скамьями вдоль него; в самодельном шкафчике стояла дюжина-другая книг, внизу громоздились свитки, некоторые из них были изгрызены мышами.

Епископ взял книгу в кожаном переплете, раскрыл ее и принялся медленно перелистывать страницы. Потом закрыл и отложил в сторону.

– Ты говоришь, мой брат во Христе отошел с миром? – спросил он у Джиба.

– Он знал, что умирает, – ответил тот, – знал и не боялся. Он был таким старым...

– Да, старым, – произнес епископ. – Я помню его с тех пор, когда сам был еще мальчишкой, а он – человеком зрелого возраста. Наверно, ему тогда исполнилось тридцать или около того. Впрочем, я могу ошибаться. Уже тогда он служил Господу. Я в его годы воевал, был капитаном здешнего гарнизона, оборонявшего Пограничье от демонов Пустынного Края. Лишь постарев и расставшись со своими солдатами, которых отозвали отсюда, я стал слугой Господа. Ты говоришь, мой друг пользовался всеобщей любовью?

– Никто не желал ему зла, – сказал Джиб. – Он дружил со всеми: с Народом Болот и Народом Холмов, с гномами...

– Но вы не его веры. Я подозреваю, вы не придерживаетесь никакой веры вообще.

– Знаете, ваша милость, если я правильно понял, что вы имеете в виду, то вы угадали.

– Как это на него похоже! – Епископ покачал головой. – Как похоже! Он никогда не спрашивал у человека о его вере. По-моему, ему было все равно. Даже если его воззрения были ошибочны, он заслуживает уважения. И то, что вы все вместе принесли мне предметы, которые он поручил передать, – лишнее тому доказательство. Только не подумайте, что я вам не рад. Мы всегда рады гостям, они бывают у нас так редко!

– Ваша светлость, – сказал Корнуолл, – по поручению отшельника к вам явился только Болотный Джиб. Хэл из Дерева-с-дуплом был нашим проводником.

– А дама? – спросил епископ.

– Она под нашим покровительством, – ответил Корнуолл с запинкой.

– Вы очень ловко избегаете говорить о себе.

– Мы с гоблином направляемся в Пустынный Край. Что касается Енота, он – приятель Хэла.

– Еноты меня не интересуют, – заметил довольно-таки раздраженно епископ, – хотя я против них ничего не имею. Любопытное создание, этакая мохнатая игрушка.

– Он не игрушка, ваша светлость, – возразил Хэл, – он друг.

Епископ сделал вид, что не расслышал, и обратился к Корнуоллу:

– Вы сказали, в Пустынный Край? Не многие люди ныне отваживаются проникать туда. Позвольте предупредить вас: там небезопасно. Что вами движет?

– Он ученый, – объяснил Оливер, – ищет истину. Он идет туда, чтобы провести исследования.

– Хорошо, – одобрил епископ. – Человеку не пристало гнаться за мирскими богатствами. Искать знания – значит угождать душе, хотя, боюсь, ваше стремление к истине будет вам не слишком надежной защитой.

– Ваша светлость, – проговорил Корнуолл, – книга...

– Ах да, книга. Праведная книга и весьма, весьма полезная. Сотни лекарственных рецептов, большинство из которых, я уверен, были до сих пор известны лишь отшельнику. Но скоро о них узнает все человечество.

– Кроме нее, – продолжал Корнуолл, – отшельник послал вам еще один предмет.

– Конечно, конечно. – Епископ как будто смутился. – Я совсем забыл. Увы, старость не радость. Память с возрастом, к сожалению, лучше не становится.

Он взял завернутый в ткань топорик, развернул его – и застыл в изумлении. Потом молча повертел в руках и наконец положил перед собой на стол, поднял голову, оглядел путников и остановил свой взгляд на Джибе.

– Ты знал, что несешь? – спросил он у болотника. – Отшельник тебе рассказал?

– Он сказал, что это ручной топорик.

– А тебе известно, что такое ручной топорик?

– Нет, ваша светлость.

– А вам? – Епископ посмотрел на Корнуолла.

– Да, ваша светлость. Старинный инструмент. Кое-кто считает...

– Знаю, знаю. Таких «кое-кого» всегда хоть пруд пруди, равно как и тех, кто вечно пристаёт с вопросами. Интересно, почему отшельник его хранил, да еще столь бережно, и почему завещал передать мне? Топорик-то не из тех вещей, что подобает иметь служителю Господа. Он изготовлен Древними.

– Древними? – переспросил Корнуолл.

– Да, Древними. Вы никогда о них не слышали?

– Наоборот, их я и ищу! Поэтому и направляюсь в Пустынный Край. Вы можете мне сказать, существуют ли они на самом деле или их выдумали?

– Существуют, – ответил епископ, – и этот инструмент надо им возвратить. Когда-то кто-то, наверно, украл его...

– Я могу взять его, – предложил Корнуолл. – Я возьму его и передам по назначению.

– Нет, – возразил Джиб. – Отшельник доверился мне, а потому я верну топорик...

– Но тебе нет никакой необходимости идти туда! – воскликнул Корнуолл.

– Не было, – поправил Джиб. – Возьмешь меня с собой?

– Я Джиба не брошу, – проговорил Хэл. – Мы с ним дружим слишком давно, чтобы я отпустил его одного навстречу опасностям.

– Похоже, – заметил епископ, – вы все торопитесь умереть, за исключением дамы.

– Я тоже иду, – сказала Мэри.

– И я, – раздался голос от двери.

Услышав его, Джиб резко обернулся.

– Плакси! – воскликнул он. – А ты что здесь делаешь?

Глава 16

Обычно епископ питался скромно: тарелка кукурузной каши или, скажем, ломтик бекона. Умерщвляя плоть, он, как ему казалось, питал дух и одновременно подавал достойный пример своей немногочисленной пастве. Однако, будучи по натуре чревоугодником, он радовался гостям, ибо их прибытие позволяло ему как следует наесться; к тому же проявляемые им радушие и хлебосольство шли во благо матери Церкви.

На столе чего только не было: молочный поросенок с яблоком в пасти, оленина, ветчина, седло барашка, пара гусей, пирог с фазанятиной, сладкие пирожки, горячие хлебцы, огромное блюдо с фруктами и орехами, приправленный коньяком пудинг с изюмом и четыре сорта вина.

Отодвинувшись от стола, епископ вытер губы льняной салфеткой.

– Вы уверены, – обратился он к гостям, – что вам больше ничего не хочется? Мои повара...

– Ваша светлость, – сказал Плакси, – вы нас закормили. Мы не привыкли к столь обильному угощению, столь обильному и столь вкусному. Лично я роскошнее пиршества не видывал.

– Дело в том, – пояснил епископ, – что к нам редко кто заглядывает. Поэтому мы стараемся принимать путников так тепло, как только можем. – Он откинулся на спинку стула и похлопал себя по животу. – Когда-нибудь мой аппетит сведет меня в могилу. Как я ни пытаюсь, настоящий церковник из меня не получается. Я истязую плоть, дисциплинирую дух, но меня постоянно снедает голод, который не уменьшается даже с возрастом. Я говорю о голоде в широком смысле слова. Ваша затея представляется мне безумной, но меня так и подмывает бросить все и присоединиться к вам. Должно быть, причиной тому эта башня, в которой обитали в былые времена доблестные воины и творились великие дела. Сейчас на границе царит покой, а ведь не так давно солдаты Империи сражались с существами из Пустынного Края. Башня наполовину развалилась, но я помню ее гордой и неприступной: сторожевая башня, окруженная стеной, которая спускалась к реке. Теперь той стены нет и в помине, ее разобрали по камушку на дома, курятники и изгороди местные жители. Когда-то здесь, в башне и на стене, находились люди, воины, которые отражали набеги тех нечестивцев, что населяют Пустынный Край, но то было давно.

– Ваша светлость, – перебил Плакси, – вы отступаете от истины. В прошлом Братство вполне уживалось с людьми. Но потом те начали вырубать леса, не щадя ни священных деревьев, ни волшебных лощин, начали прокладывать дороги и строить города, и вот тогда возникла вражда. Как же можно говорить о нечестивцах, когда именно люди...

– Человек вправе поступать с землей так, как ему представляется нужным, – провозгласил епископ. – Он обладает божественным правом. А всякие безбожные твари...

– Не безбожные, – возразил Плакси. – У нас были свои священные рощи, которые вырубали под корень ваши топоры, феи танцевали на зеленых лужайках, которые вы потом распахали и превратили в поля. Даже столь безобидные существа, как феи...

– Ваша светлость, – прервал гнома Корнуолл, – боюсь, нам с вами не устоять. Нас, христиан, тут всего двое. Однако остальные – верные, преданные друзья. Я рад, что они вызвались идти вместе со мной, хотя, признаться, меня терзают опасения...

– Полагаю, вы правы, – отозвался епископ добродушнее, чем можно было ожидать. – Не пристало ссориться тем, кто сживал за одним столом, тем более – за таким. Нам и без того хватает что обсуждать, чтобы еще приниматься за выяснение отношений. Значит, сэр книжник, вы ищите Древних из научного любопытства? Должно быть, вы о них читали?

– Это уж точно, – подтвердил Оливер. – Я наблюдал за ним ночь за ночью. Он сидел за столом, изучал старинные манускрипты, брал с полок книги, к которым не прикасались на протяжении столетий, сдувал с них пыль, перелистывал страницы при свете свечного огарка,

потому что не мог позволить себе покупать новые свечи слишком часто. Зимой он дрожал от холода, ибо, да будет вам известно, все университетские помещения, и библиотека в том числе, – просто-напросто каменные мешки, по которым привольно гуляет ветер.

– Так поведайте нам, что вы нашли, – попросил епископ.

– Не много, – ответил Корнуолл. – Предложение тут, другое предложение там, но достаточно – по крайней мере для меня, – чтобы убедиться в том, что Древние – не совсем миф. Я отыскал книгу, скорее книжицу, настолько она была тонкая и изобиловала досадными пропусками, которая могла при желании послужить самоучителем языка Древних. Я выучил его, хотя до сих пор не знаю, в самом ли деле это язык Древних. К сожалению, мой запас слов невелик, я не способен передавать собеседнику свои мысли во всей их полноте. Как бы то ни было, я убежден, что человек, составлявший самоучитель, искренне верил в то, что обрабатывает язык Древних.

– А откуда он его узнал? Он ничего не объясняет?

– Нет. Но мне кажется, это не фальшивка.

– Вера, – заметил епископ, – весьма разумное основание для поступка.

– По-моему, да, – отозвался Корнуолл, – однако для других, возможно, нет.

– Что касается меня, – подал голос Оливер, – вера – мое оправдание. Я не желаю до конца жизни оставаться чердачным гоблином и тратить отпущенный мне срок впустую!

– Пожалуй, – произнес Корнуолл, – я тебя понимаю. Знаешь, Оливер, в университете есть что-то такое, что словно проникает в плоть и кровь. Он словно не от мира сего, как будто порожден чьей-то фантазией, где-то даже безумен. Погоня за знаниями становится самоцелью, которая не имеет никакого отношения к действительности. Но я беспокоюсь за Джиба и Хэла. Может, ты все-таки отдашь мне топор?

– Ты беспокоишься, – сказал Джиб, – и предлагаешь взять у меня топор потому, что ты не знал отшельника. Он столько для нас сделал, а мы так и не сумели его отблагодарить. Мы глядели на утес, у подножия которого он жил в своей пещере, и нам казалось, что само его присутствие избавляет нас от грехов. Иначе я объяснить не могу, уж не обессудьте. Я сидел рядом с ним в его последний час, я закрыл его одеялом, когда он отошел, и завалил вход в пещеру камнями, чтобы не забрались волки. Мне остается лишь одно, и я исполню его просьбу, потому что он доверился не кому-нибудь, а мне.

– Насколько я могу судить, – проговорил епископ, ерзая на стуле, – переубедить вас мне не удастся: вы твердо решили сложить свои буйные головушки. Но мне не понять, почему так настаивает на том, чтобы идти с вами, это милое дитя...

– Ваша светлость, – сказала Мэри, – у меня есть свои причины. Когда я была совсем маленькой, кто-то поставил меня на тропинку, я пошла по ней, и она привела меня к двум старикам, которым я стала дочерью. Я долго думала, откуда же вела та тропинка. Ведь она шла из Пустынного Края...

– Уж не хочешь ли ты сказать, – воскликнул потрясенный епископ, – что родилась в Пустынном Краю? Прости меня, но это же какая-то нелепость!

– Порой, – продолжала Мэри, – мне кое-что вспоминается: старый дом на вершине высокого холма, товарищи по играм, которые просят меня узнать их, но я никак не могу... Я не знаю, кто они, что они такое.

– Тебе не нужно знать, – заявил епископ.

– По-моему, ваша светлость, вы ошибаетесь, – не согласилась Мэри. – Мне нужно это узнать, и я узнаю.

– Пускай идет, – вмешался Плакси. – Хватит к ней приставать, у нее надежные спутники, и, сдастся мне, ее примут любезнее, чем кого-либо из нас.

– А ты, Плакси? – спросил Хэл делано небрежным тоном. – Собрался навестить родные места?

– Я испугался, что не буду спать по ночам, – фыркнул гном. – Я оказался замешан во всем этом чуть ли не с самого начала. Посуди сам: я выковал тот меч, которым вооружен книжник, я выковал его не иначе как по велению судьбы. А то почему бы мы набрали на залежи руды? Не забывай, мы наткнулись на богатое гнездо в сносной, однако гораздо более бедной породе. Нет, это гнездо очутилось там неспроста, ибо все в мире происходит неспроста. И я не могу отделаться от мысли, что оно изначально предназначалось для клинка.

– Если так, – сказал Корнуолл, – то меч попал не в те руки. Я недостойн носить его, я не боец.

– Ночью в конюшне ты доказал обратное, – возразил Хэл.

– Что такое? – удивился епископ. – Какая такая конюшня? Вы с кем-то дрались?

– Да, у нас вышла небольшая стычка, – ответил Корнуолл. – Мы не стали рассказывать вам о ней, ваша светлость, поскольку, думается, все считали, что так будет лучше. Мы по крупному повздорили с человеком по имени Лоуренс Бекетт. Вы слышали о нем?

– Как же, как же, – угрюмо усмехнулся епископ. – Да, более опасного врага, чем Бекетт, вы выбрать не могли, даже если бы очень постарались. Я никогда с ним не встречался, но слухами, как говорится, земля полнится. Он – чудовище в человеческом облике. Что ж, если вы с ним не поладили, пожалуй, вам и впрямь стоит попытаться счастья в Пустынном Краю.

– Однако он тоже направляется туда, – заметил Джиб.

– Вот как? – Епископ подался вперед. – Почему же вы не сказали мне этого раньше?

– Отчасти потому, – ответил Корнуолл, – что Бекетт принадлежит к Инквизиции.

– И вы решили, что он пользуется доверием и поддержкой всех служителей Святой матери Церкви?

– Наверно, – пробормотал Корнуолл.

– Церковь многолика, – произнес епископ, – в ней находят приют самые разные люди, просветленные, как недавно опочивший отшельник, и, к сожалению, отъявленные мерзавцы. Она слишком велика, и ей уже не под силу изгонять тех, кто ее порочит; она их не замечает. Среди ее служителей достаточно таких, без кого она вполне могла бы обойтись, и Бекетт – первый из них. Он прикрывает плащом инквизитора свои собственные неблагоприятные делишки, применяет его для целей скорее политических, нежели духовных. Вы говорите, он направляется в Пустынный Край?

– Нам так кажется, – отозвался Хэл.

– Мы долго жили в мире, – сказал епископ. – Много лет назад гарнизон, стоявший в башне, покинул ее, ибо необходимость в войсках отпала. Десятилетия ничто не нарушало покой, а теперь... Я опасюсь худшего. Хватит одной искорки, чтобы в Пограничье вспыхнула война, и, вполне возможно, Бекетт окажется той самой искрой. Послушайте меня: сейчас, когда Бекетт бесчинствует где-то по соседству, не время идти в Пустынный Край.

– И все же мы пойдем, – заявил Джиб.

– Тогда ступайте, – сказал епископ. – Похоже, ко мне пожаловала компания помешанных, переубедить которых – лишь расстраивать себя. Будь я помоложе, я бы присоединился к вам, чтобы среди вас был хоть кто-то здравомыслящий. Но мой возраст и сан не позволяют мне сделать это. Однако я не останусь в стороне. Не годится идти к смерти пешком. Я дам вам лошадей и все остальное, что только понадобится.

Глава 17

Плакси и Оливер не скрывали своего возмущения. С ними обошлись крайне несправедливо, они очутились в весьма невыгодном положении, их унизили: посадили вдвоем на одну лошадь.

– Взгляните на меня, – сказал Хэл. – Я же не злюсь из-за того, что со мной Енот.

– Он твой любимчик, – проворчал Оливер.

– Нет, – возразил Хэл, – он мой друг. Мы с ним на пару владеем нашим деревом. Мы делим все, что у нас есть.

– Ты взял его к себе, когда мы перебирались через реку, – проговорил Плакси, – чтобы он не промок. Так что он едет с тобой не всю дорогу. По-моему, он вообще не в восторге от езды.

– Лошадь, – стоял на своем Хэл, – такая же моя, как и его.

– Не думаю, что она разделяет твоё мнение, – заметил Джиб. – Она выглядит норовистой. Видно, ей еще не приходилось возить на себе енота.

Они пересекли реку вброд, под сенью башни, которая этот брод когда-то охраняла. С другого берега башня и стена, что ее окружала, утратили свою внушительность; они выглядели дряхлыми развалинами, эхом тех времен, когда здесь возвышался оборонительный заслон на пути из Пустынного Края. Стена поросла деревьями, а массивные камни башни едва виднелись из-под многочисленных плетей дикого винограда. Со стены путникам махали крошечные фигурки, лиц которых на таком расстоянии было уже не различить.

– Может, передумаете? – спросил Корнуолл у Мэри. – Зачем вам рисковать? Нас впереди наверняка поджидает немало опасностей.

– И что я буду делать, если вернусь? – отозвалась девушка, потрянув головой. – Снова наймусь в служанки? Нет уж, с меня хватит!

Корнуолл поворотил коня и направил его по тропинке, бежавшей по склону невысокого холма, что начинался от самой кромки воды. Характер местности заметно изменился. К югу от реки тянулся лес, а по краям его уходили вдаль рассеченные оврагами гряды холмов. Здесь, на северном берегу, холмы были положе, а лес – реже. Деревья росли отдельными рощицами, между которыми проглядывали лужайки. Бросив взгляд на восток, Корнуолл увидел, что некоторые из холмов начисто лишены какой бы то ни было растительности. «Жаль, – сказал он себе, – что у нас нет карты, пускай даже грубой, изобилующей ошибками, но такой, которая помогла бы хоть немного сориентироваться».

Он говорил о карте с епископом, но тот уверял, что ничего подобного просто не существует в природе. Солдаты гарнизона башни лишь охраняли брод и не предпринимали вылазок на противоположный берег. Единственными, кто отваживался на них, да и то отнюдь не часто, были обитатели Пустынного Края. Служба в башне, судя по всему, являлась делом в высшей степени утомительным, поскольку любое бездействие утомительно само по себе. Очевидно, в Пустынный Край проникали только бродяги вроде Тэйлора, написавшего книгу, которая находится теперь в университетской библиотеке. Но вопрос состоит в том, можно ли доверять рассказам его и других странников? В конце концов, повествование Тэйлора – вовсе не изложение фактов: он только слышал о Древних, но сам с ними не встречался. А ему, Корнуоллу, чтобы услышать о них, не нужно было добираться до Пустынного Края. И потом, разве топорик, который несет Джиб, не доказывает факт существования Древних убедительнее, чем все рассуждения Тэйлора? Странно, что епископ сразу определил принадлежность топорика. Пожалуй, следовало побеседовать с ним подольше, расспросить поподробнее; впрочем, особенно разговаривать было некогда – время-то поджимало.

День выдался на редкость погожим для осени. Выехали они достаточно поздно: солнце успело подняться довольно высоко. На небе не было ни облачка. Маленький отряд достиг вер-

пины холма, и глазам путников предстало восхитительное зрелище: речная долина раскрылась перед ними во всей своей красе, поражая богатством красок, словно ее изобразил некий художник, питающий слабость к самым ярким цветам.

– На гребне кто-то есть, – проговорила Мэри. – Он наблюдает за нами.

Корнуолл огляделся по сторонам.

– Ничего не вижу, – сказал он.

– Я заметила его краешком глаза, – пояснила Мэри. – Так, мимолетное движение. Вот именно, не само существо, а его движение.

– За нами будут следить, – буркнул Плакси, направляя с помощью Оливера лошадь в голову отряда. – В этом можно не сомневаться. Они ни за что не выпустят нас из виду. Что бы мы ни делали, они обо всем узнают.

– Они? – переспросил Корнуолл.

– Ну да, – отозвался Плакси, пожимая плечами. – Конкретнее выразиться не могу. Знаешь, сколько их тут? Гоблины, гномы, баньши. Может статья, брауни и феи – хотя вы, люди, их вроде бы и признаете, однако они тоже входят в Братство. А вдобавок множество других, куда менее приличных и преисполненных благожелательности.

– Мы их ничем не обидим, – сказал Корнуолл. – Мы не поднимем на них руку.

– Все равно, – ответил Плакси, – мы для них непрошенные гости.

– Даже вы? – удивилась Мэри.

– Даже мы, – подтвердил Плакси, – даже мы с Оливером. Мы чужеземцы. Изменники, дезертиры. Мы или наши предки – что одно и то же – покинули отчизну, чтобы поселиться в Пограничье, где живут враги здешних обитателей.

– Посмотрим, – пробормотал Корнуолл.

Вскоре лошади вынесли их на вершину другого холма. Оттуда открывался вид не на плато, как можно было предположить, а на череду холмов, один выше другого, на череду, что застывшей волной тянулась вдаль, насколько хватало взгляда. Тропа вела под уклон. У подножия поросшего буровой травой склона, между холмами, прятался густой лесок. Поблизости не было ни души, куда-то подевались даже птицы. Корнуолл, как, должно быть, и его товарищи, вдруг ощутил себя заплутавшимся в глуши на краю света; тем не менее он чувствовал на себе – или воображал, что чувствует, – чей-то пристальный взор.

Медленно, словно нехотя, его конь ступил на тропу, что огибала исполинский дуб, возвышавшийся в гордом одиночестве посреди травянистой лужайки. Это было громадное и одновременно приземистое дерево с толстым стволом и широко раскинутыми ветвями, нижняя из которых нависала над землей не более чем в дюжине футов. Корнуолл увидел, что в стволе дуба торчит какой-то предмет. Он натянул поводья и пригляделся. Предмет выступал из древесины фута на два; в диаметре примерно пара дюймов, он был витой, как раковина, и имел цвет слоновой кости. За спиной у Корнуолла шумно вздохнул Плакси.

– Что это? – спросила Мэри.

– Рог единорога, – ответил Плакси. – Их самих осталось совсем мало. Мне не доводилось слышать, чтобы они обзавелись привычкой втыкать свои рога в деревья.

– Знак, – торжественно провозгласил Оливер.

Корнуолл подъехал поближе, ухватился за рог и потянул, но тот не желал поддаваться. Корнуолл потянул сильнее – с тем же успехом он мог бы попытаться оторвать от ствола ветку.

– Надо его вырубить, – сказал он.

– Можно я попробую? – проговорила Мэри.

Едва она ухватила за рог, как тот как будто сам выскочил ей в ладонь. В длину он был около трех футов и заканчивался тонким, как у иглы, острием. Никаких повреждений на нем заметно не было.

Путники благоговейно разглядывали рог.

– Я никогда не видела ничего подобного! – воскликнула Мэри. – Конечно, мне рассказывали сказки, но...

– Хороший знак, – сказал Плакси. – Удачное начало.

Глава 18

Они остановились на ночлег поздним вечером. Для лагеря выбрали место на поляне, в горловине очередного оврага. По склону холма бежал говорливый ручеек, питаемый находившимся неподалеку источником. Джиб нарубил сучьев сосны, что лежала на земле в двух шагах от лагеря. Небо на западе было бледно-желтого цвета, который, чем ниже садилось солнце, тем отчетливее, постепенно переходил в зеленый. Травы для лошадей было в избытке; от ветра лагерь защищал лес, окружавший поляну со всех сторон.

– Они повсюду, – проронил Хэл. – Теперь мы без них и шагу не ступим. Они следят за нами.

– Откуда ты знаешь? – спросила Мэри.

– Знаю, – ответил Хэл. – И Енот тоже знает. Посмотри на него. Вон он, у костра. Вроде бы спит, но на самом деле слушает, и хоть они стараются не шуметь, он все равно их слышит. И чувствует.

– Надо не обращать на них внимания, – посоветовал Плакси. – Вести себя так, будто мы не подозреваем об их присутствии. Ничего не попишешь, придется привыкать. Дальше будет хуже. Они пойдут за нами по пятам. Но пока бояться нечего. Сейчас за нами наблюдают малыши – эльфы, тролли, брауни. Самое страшное впереди.

Корнуолл поворошил уголья, собрал их в кучку и поставил на нее сковороду с кукурузными лепешками.

– А что случится потом, когда объявится «самое страшное»? – спросил он.

Плакси, что сидел напротив на корточках, пожал плечами.

– Не знаю, – ответил он. – Однако сдается мне, что ничего хорошего. Впрочем, нам может повезти, ведь у нас рог единорога, а это – могущественный талисман. Через несколько дней о нем узнает весь Пустынный Край. И потом, ты владеешь заколдованным клинком.

– Я рад, что ты вспомнил о нем, – сказал Корнуолл. – Мне давно хотелось выяснить, почему ты отдал его Джибу. Ну да, он объяснил тебе, для кого берет оружие. Но тут ты дал маху, мастер гном. Тебе следовало бы выяснить, что я собой представляю. Тогда бы ты понял, что, обойди хоть целый свет, худшего воина, чем я, не найти. Да, я ношу меч, но что с того? Мой клинок был старым и тупым, фамильной реликвией, которая мало на что годилась, и я не обнажал его много лет подряд.

– Ага, – усмехнулся Плакси, – и в конюшне сражался тоже не ты.

– Я наткнулся на лошадь, – заявил с отвращением Корнуолл, – она лягнула меня в живот, и я выбыл из игры. Если бы не Джиб с его верным топором и не лук Хэла, мы бы ни за что не спаслись.

– А мне говорили, что ты убил своего противника.

– Случайно, уверяю тебя. Он сам напоролся на острие.

– Ну что ж, – сказал Плакси, – по мне, неважно как, главное – что получилось.

– Просто не надо меня хвалить за то, чего я не делал, – буркнул Корнуолл.

– Порой мне кажется, – заметил Плакси, – что вершители великих дел обязаны своей громкой славой времени, которое умудряется превратить обыкновенную резню в героическое деяние.

Енот встрепенулся, поднялся, обошел костер, встал перед Корнуоллом и оперся передними лапами о его колено. Усы зверька шевелились, он возбужденно поводил носом, глядя на сковородку с лепешками.

– Потерпи, – сказал ему Корнуолл, – скоро все будет готово. Можешь не бояться, про тебя не забудут.

– Интересно, – проговорил Плакси, – что он понимает? Разумная зверюга. Хэл постоянно с ним разговаривает и уверяет, что он ему отвечает.

– Меня это несколько не удивляет, – отозвался Корнуолл.

– Они очень привязаны друг к другу, – продолжал Плакси, – ни дать ни взять братья. За Енотом однажды гнались собаки. Он был тогда совсем крохотным. Хэл отбил его у своры и забрал к себе, и с тех пор они неразлучны. Кстати, теперь, когда он вон какой вымахал, никакая собака в здравом рассудке с ним не свяжется.

– Собаки, должно быть, хорошо его знают, – прибавила Мэри. – Хэл рассказывал, что по соседству с ними живет самогонщик, который каждую ночь охотится на енотов. Так вот, его псы предпочитают не брать след нашего приятеля. Бывает, правда, что в азарте они кидаются за ним, но быстро приходят в себя.

– Да, собакам ума не занимать, – признал Хэл. – Но все равно до старины Енота им далековато.

– Они все еще здесь, – сказал Джиб, – шныряют себе по кустам.

– Они увязались за нами, едва мы пересекли реку, – объяснил Плакси. – Мы их не видели, но они были с нами всю дорогу.

Кто-то дернул Мэри за рукав. Она повернулась. Из кустов выглядывало крошечное существо, личико которого выражало крайнюю озабоченность.

– А вот и один из них! – воскликнула девушка. – Ну, выходи. Не шевелитесь, а то вы его перепугаете.

– Я Бромли, тролль, – заявило существо. – Ты меня не помнишь?

– Да как-то не... – Мэри призадумалась. – Ты из тех, с кем я играла в детстве?

– Ты была маленькой девочкой, – сказал Бромли, – не выше любого из нас: меня, брауни Ловкие Пальцы или какого-нибудь залетного эльфа. Ты и думать не думала, что мы разные, потому что была ребенком. Мы строили запруды на ручье; нам с брауни это не слишком нравилось, но мы развлекали тебя. Когда тебе хотелось лепить куличики, мы шли и лепили их вместе с тобой.

– Теперь я вспомнила. Ты жил под мостом, и я считала тебя поэтому очень странным.

– Да будет тебе известно, – в голосе Бромли прозвучало высокомерие, – настоящие тролли обитают исключительно под мостами. Никакое другое место для них не годится.

– Разумеется, – согласилась Мэри. – Я знаю, что так оно и есть.

– Еще мы дразнили людоеда, – продолжал Бромли, – швыряли в его берлогу камни, землю и палки, а потом убегали. Сдается мне, он и не подозревал о наших проделках. Мы были настолько робкими, что боялись собственной тени. Но феи куда пугливее, они шарахаются от каждого куста.

Корнуолл раскрыл было рот, однако Мэри покачала головой.

– Зачем вы следите за нами? – спросила она. – Почему прячетесь? Мы могли бы все вместе погреться у костра и поговорить о том о сем. Мы бы даже потанцевали, а заодно бы перекусили. Кукурузных лепешек много, на всех хватит.

– Они не выйдут, – ответил Бромли, – и лепешки их не соблазнят. Они и меня не хотели пускать, но я должен был прийти. Я не забыл тебя. Ты была в Пограничье?

– Меня туда забрали.

– Я искал тебя и никак не мог понять, почему ты ушла. Если не считать куличиков, которые нагоняли на меня тоску, у нас все было в полном порядке.

– А где сейчас Ловкие Пальцы? – осведомилась Мэри.

– Ушел, – ответил тролль. – Брауни, они все бродяги, не то что мы, тролли. Мы живем оседло. Находим мост, который нас устраивает, поселяемся под ним и...

Внезапно из темноты послышалось пенье дудки. Позже, делаясь впечатлениями, путники выяснили, что внезапности, в общем-то, не было: какое-то время дудка словно сопровождала

разговор Мэри с троллем, но пела негромко, будто кузнечик в траве или кустах. Однако затем звук усилился: раздалась переливчатая трель, перешедшая в раздирающий уши вой, который, похоже, не собирался обрываться. Дикая и грозная музыка разливалась в ночи, напоминая отчасти плач, отчасти боевой клич или возгласы безумца. Мэри вскочила. Корнуолл мгновенно оказался рядом с ней; случайно он задел ногой сковородку, и лепешки попадали в огонь.

Плакси, судя по всему, старался закричать, но из горла у него вырывался только сдавленный шепот:

– Темный Дудочник, Темный Дудочник, Темный Дудочник...

По крутому склону холма с глухим стуком скатилось что-то круглое. Подпрыгивая, это «нечто» подкатилось к костру. На оцепеневших от ужаса путников вытаращились мертвые глаза, скривились в гнусной усмешке губы. Какой-то шутник подбросил в лагерь отрубленную человеческую голову.

Глава 19

К полудню они отыскивали место, с которого скатилась голова. Саму голову, после краткого отпевания, погребли под огромным валуном, возле которого поставили грубый крест, чтобы отметить могилу.

– Они нас не трогают, – возмутился Оливер. – Зачем же мы норовим их оскорбить? Твои дурацкие перекрещенные палки для них хуже проклятия.

Однако Корнуолл не желал ничего слушать.

– Крест – не оскорбление, – заявил он. – И потом, насчет «не трогают» – а голова? Она принадлежала человеку, скорее всего христианину. Ее владелец вправе ожидать от нас молитвы и креста, и мы ему в такой малости не откажем.

– Ты думаешь, он из людей Бекетта? – спросил Джиб.

– Наверно. После трактира мы о Бекетте ничего не слышали. Мы не знаем, перешел ли он границу, однако другим людям, не из его компании, здесь взяться неоткуда. Видно, этот бедняга отстал или заблудился и наткнулся на того, кто не питает особой любви к человечеству.

– Ты упрощаешь, – заметил Плакси. – В Пустынном Краю нет никого, кто любил бы людей.

– Но, кроме происшествия с головой, – возразил Корнуолл, – ничего пока не случилось.

– Подожди – увидишь, – посоветовал Плакси.

– И не забывай, – добавил Оливер, – что ты – единственный среди нас человек. На нас они могут коситься, а вот тебе...

– А Мэри? – спросил Хэл.

– Мэри жила здесь ребенком. К тому же у нее рог, который воткнул в дерево какой-то ошалевший единорог.

– Мы же не грабители и не убийцы, – сказал Джиб, – мы, если хотите, паломники. Им нечего нас бояться.

– Дело тут не в страхе, – буркнул Плакси, – а в ненависти, той самой, что копилась на протяжении столетий.

...На вторую ночь Корнуоллу удалось немного поспать. Правда, лучше бы он не засыпал. Стоило ему закрыть глаза, как начинался один и тот же сон без конца: он вновь видел голову, вернее, ее обезображенного двойника, колдовскую пародию, вырванную из действительности, но не ставшую оттого менее отвратительной. Испуганный, весь в поту, он просыпался, малопомалу успокаивался, укладывался – и все повторялось заново. Опять ему мерещилась отрубленная голова, но уже не кошмарная, а такая, какой она была на самом деле: вот она лежит у огня, так близко, что искорки перепрыгивают на волосы, поджигают бороду, пламя охватывает лицо, волоски скукоживаются и рассыпаются один за другим; глаза выглядят так, словно в глазницы вставлены кусочки мрамора; рот перекошен гримасой, лицо как будто вывернуто набок, оскаленные зубы сверкают в свете костра, в уголке губ и на бороде высохшие струйки слюны. Лишь под утро Корнуолл заснул по-настоящему, измученный настолько, что даже кошмар с головой бессилён был помешать ему погрузиться в забытие.

Оливер разбудил его к завтраку. Он поел, стараясь, по большей части безуспешно, не глядеть на крест, что стоял, слегка покосившись, у подножия валуна. За едой разговаривали мало. Сборы были недолгими, и вскоре отряд продолжил путь.

Тропа, по которой они ехали, судя по всему, не собиралась превращаться в дорогу. Местность становилась все более дикой: глубокие лощины и овраги, по которым вилась тропа, переходили в узкие, каменистые долины, откуда раз за разом начинался изнурительный подъем на вершину холма, а далее снова шел спуск. Разговоры казались неуместными. Если кто-нибудь и произносил какую-либо фразу, то шепотом, не зная, чего страшится: то ли звука собственного

голоса, то ли того, что его может услышать некто затаившийся в своем логове. По дороге не попадалось ни селений, ни вырубок – ни единого намека на то, что тут когда-то кто-то жил. По общему молчаливому согласию остановки днем не делали.

Миновал полдень, когда Хэл, обогнав остальных, подсказал к Корнуоллу, который ехал во главе отряда.

– Посмотри вон туда, – сказал он, указывая на небо над громадными деревьями, обступившими тропу с обеих сторон.

– Ну и что? – спросил Корнуолл. – Какие-то точки. Наверняка птицы.

– Я слежу за ними уже давно, – пояснил Хэл. – Это не обычные птицы. Их много, и постоянно прилетают все новые. Стервятники вьются над мертвечиной.

– Должно быть, сдохла чья-нибудь корова.

– Откуда здесь коровы?

– Тогда олень или лось.

– Не один олень и не один лось. Там, где кружит много стервятников, смерть пожала обильную жатву.

– К чему ты клонишь? – нахмурился Корнуолл, натягивая поводья.

– Голова, – ответил Хэл. – Откуда она взялась? Взгляни, тропа вновь ведет под уклон, в ложину. Отличное местечко для засады. Живым никто не уйдет.

– Но каким образом тут мог очутиться Бекетт? – недоуменно произнес Корнуолл. – Через реку у башни он не переправлялся, следов его мы не видели – ни отпечатков копыт, ни кострищ. Если он угодил в засаду...

– Не знаю, – перебил Хэл. – Свое мнение я высказал, а ты решаешь как хочешь.

К ним подъехали Оливер с Плакси.

– Что происходит? – спросил Оливер. – Что-нибудь не так?

– Стервятники, – ответил Хэл.

– Не вижу никаких стервятников.

– Вон те точки на небе.

– Ладно, – проговорил Корнуолл. – Так или иначе, впереди мертвечина. Плакси, мне надо с тобой посоветоваться. Прошлой ночью, как раз перед тем, как нам подкинули голову, в темноте пела дудка...

– Темный Дудочник, – хмыкнул Плакси. – Я же тебе про него рассказывал.

– Да, но ты знаешь, как-то в суматохе позабылось. Кто он такой?

– Никому не известно. – Гном поежился. – Никто никогда его не видел. Он не показывается, только играет на своей дудке, и то редко, может пропасть на несколько лет. Он – предвестник беды, играет лишь тогда, когда должно случиться что-то нехорошее...

– Хватит говорить загадками. Что нехорошее?

– Голова – это нехорошее? – поинтересовался Хэл.

– Да, но то, что произойдет, будет гораздо хуже.

– Произойдет с кем? – спросил Корнуолл.

– Не знаю, – признался Плакси. – Никто не знает.

– Откровенно говоря, – вмешался Оливер, – эта дудка кое-что мне напомнила. Я все никак не мог сообразить, что именно, – так перепугался, что все мысли перепутались. Но сегодня, пока мы ехали, я догадался. Мне пришли на память две строчки из старинной песни, ноты которой записаны в манускрипте, что хранится в университетской библиотеке. В том манускрипте утверждается, что песня насчитывает добрую сотню столетий, быть может, она – древнейшая на Земле. Хотя откуда тому, кто писал манускрипт, было знать?..

Корнуолл фыркнул и пришпорил коня. Хэл последовал за ним. Тропа резко нырнула вниз, как будто провалилась под землю, с обеих сторон ее высились огромные зубчатые скалы. По их поверхности ручейками стекала вода, за трещины и выступы отчаянно цеплялись

корнями чахлые папоротники и мхи. В расщелинах росли хилые кедровые сосны, которые держались непонятно на чем; впечатление было такое, будто они вот-вот упадут. Отрезанная скалами от солнечного света, лощина словно изрыгала из себя мрак.

Между скалистыми стенами пронесся ветерок, этакий каприз атмосферы. Он принес с собой запах, не то чтобы выворачивающий желудок наизнанку, но в достаточной степени отвратительный, сладковатый запах гниения, который лез в ноздри, проникал дальше и останавливался комом в горле.

– Я был прав, – сказал Хэл. – Там смерть.

Тропа круто вильнула в сторону. Миновав поворот, всадники очутились у края лощины, которая переходила в каменистый амфитеатр – круг, обрамленный могучими утесами. На полу амфитеатра копошились громадные черные птицы. При появлении всадников они бросили терзать свою добычу и разом взмыли в небо. Те из них, кто отяжелел от обильной трапезы настолько, что не мог взлететь, запрыгали прочь, издавая хриплые крики. И тут волной накатила вонь.

– Господи Боже! – воскликнул Корнуолл, судорожно сглотнув.

Зрелище, которое открылось им с Хэлом на берегу речушки, бежавшей через амфитеатр, способно было потрясти кого угодно.

За кучей окровавленной плоти, из которой торчали кости и которая лишь отдаленно напоминала человеческое тело, виднелись другие бесформенные груды – раздутые конские туши и то, что когда-то было людьми. Из травы жутко скалились черепа, тут и там валялись очищенные от мяса костяки, иногда глаз останавливался на задранных к небу задах. Над полем смерти носились, гонимые ветром, клочья одежды; они летали туда-сюда, цепляясь порой за ветки низкорослого кустарника. Кто-то воткнул в землю копье, и оно стояло покачиваясь, таким подвыпившим восклицательным знаком. Отраженный от скал солнечный свет отбрасывал блики на щиты и клинки.

Среди людей и раздувшихся конских трупов попадались и иные мертвецы – существа с черной шерстью, короткими пушистыми хвостами, широкими плечами, тонкими талиями и сильными руками – именно руками, а не лапами, – пальцы которых заканчивались изогнутыми когтями. Пасти существ были раскрыты, и из них торчали устрашающего вида клыки.

Постепенно к Корнуоллу с Хэлом присоединились остальные.

– Вон, – сказал Джиб. – Вон откуда явился Бекетт.

В дальнем конце амфитеатра имелся проход, через который вела не тропа, а дорога. Она выводила, минуя теснину, подобную той, в которой находились путники, в очередной овраг и поднималась вверх по склону холма.

Корнуолл привстал в стременах и оглянулся. Его товарищи с трудом удерживали своих лошадей.

– Нам не остается ничего другого, – проговорил Джиб. – Так или иначе, мы должны будем проехать мимо них.

– Нужно помолиться, – произнес Корнуолл, – напутствовать их, позаботиться о том, чтобы их души обрели покой и...

– Молитвы не помогут, – возразил Джиб с хрипотцой в голосе. – И мира не будет еще долго.

Корнуолл кивнул и пустил коня рысью, направив его к проходу, у которого начиналась дорога. Стервятники хлопнули крыльями и кое-как ухитрились взлететь. Вдоль тропы, волоча по земле хвост, прошмыгнула лисица. В траве сновали многочисленные мелкие зверьки. Наконец путники выбрались на дорогу. На ней мертвых тел не было. С деревьев, что росли поблизости, доносилось щебетанье стаи крохотных серых птичек. А позади, на поле брани, вновь собирались прожорливые черные твари.

Глава 20

Когда они достигли гребня, возвышавшегося над амфитеатром, который стал последним приютом для множества живых существ, оказалось, что их встречают. У подножия гигантского дуба, прислонившись к стволу, сидел человек; он с любопытством наблюдал за ними. За деревом стоял диковинный аппарат. Он был выкрашен в красный и белый цвета и имел два колеса, как будто сохранение равновесия его ни в малейшей степени не заботило. Колеса выглядели весьма странно: их ободья были изготовлены не из дерева и не из железа, а из какого-то черного материала; к тому же в отличие от обычных ободьев эти были идеально круглыми. В них было великое множество спиц, на которые пошла не древесина, а, судя по блеску, металл. Спицы представляли собой узкие стерженьки, и не требовалось особого ума, чтобы сообразить, что полагаться на их крепость – чистейшее безумие.

Когда путешественники подошли поближе, человек встал, стряхнул с брюк налипшие листья и шагнул навстречу. Брюки у него были белые и обтягивающие, а из-под белого же камзола выглядывала красная рубашка. Обут он был в башмаки.

– Вы сумели, – проговорил он. – Я, честно говоря, сомневался.

– Вы об этом? – спросил Корнуолл, мотнув головой в сторону амфитеатра.

– Совершенно верно, – ответил незнакомец. – Вся округа взбудоражена. Сражение произошло всего лишь два дня назад. А вы, как я погляжу, любители совать голову в петлю.

– Мы ничего не знали, – отозвался Корнуолл. – Мы ехали от башни, а те люди, там, внизу, избрали другой путь.

– Что ж, – произнес человек, – вы добрались без приключений, а это главное. Я ждал вас.

– Ждали?

– Мне донесли о вас еще вчера, сообщили, что приближается какая-то разношерстная компания. Н-да, они не ошиблись.

– Они?

– О, мои маленькие друзья: прыгуны-по-кустам, ползуны-в-траве. Все видят, все слышат, ничего или почти ничего не упускают. Мне известно о роге и о голове, что скатилась к вам в лагерь. По правде сказать, мне не терпелось самому приветствовать вас.

– Значит, вы знаете, кто мы такие?

– Только по именам. Кстати, прошу прощения. Меня зовут Александр Джонс. Я приготовил для вас ночлег.

– Мастер Джонс, – подала голос Мэри, – мне не слишком нравится ваша заботливость. Мы вполне в состоянии...

– Извините, госпожа Мэри, я вовсе не хотел вас обидеть. Я всего лишь проявляю радушие, предлагаю вам кров на ночь, тепло и горячую пищу.

– От чего лично я, – заявил Оливер, – и не подумаю отказываться. Может, у вас найдется еще стакан вина или кружка пива? От этой вони до сих пор в горле першит. Надо бы его промыть.

– Пиво найдется наверняка, – откликнулся Джонс. – Мы припасли к вашему прибытию целый бочонок. Вы не возражаете, сэр Марк?

– Нет, – сказал Корнуолл, – не возражаю. Признаться, Мэри, я не вижу никакого повода для беспокойства. Но пожалуйста, не зовите меня «сэр»: я всего-навсего книжник.

– Что ж, – проговорил Джонс, – держите лошадей. Предупреждаю сразу: мой скакун – животное шумное.

Он подошел к двухколесному аппарату, перекинул через него ногу, взгромоздился на седло и ухватился за две загибавшиеся назад ручки над передним колесом.

– Эй, обождите, – сказал Джиб. – Мы забыли выяснить одну вещь. Как получилось, что все погибли, а вы уцелели? Ведь вы же человек?

– Да вроде, – согласился Джонс. – Что же касается того, почему я уцелел, ответ простой: местные считают меня колдуном. Разумеется, я не спешу их разубеждать.

Он ударил ногой по своему скакуну. Тот взревел и выплюнул облако дыма. Лошади в испуге повставали на дыбы. Оливер, сидевший позади Плакси, свалился на землю и быстро откатился в сторону, чтобы не попасть под копыта. Рев двухколесного чудища сменился низким, басовитым урчанием.

– Прошу прощения! – крикнул Джонс Оливеру. – Я же предостерегал вас.

– Это дракон, – пробормотал Плакси, – двухколесный дракон. По правде говоря, мне не доводилось слышать о драконах с колесами, но какое другое существо способно так реветь и изрыгать пламя и дым?

Он протянул руку и помог Оливеру взобраться в седло.

Джонс направил своего скакуна вниз по дороге.

– По-моему, – заметил Хэл, – мы должны следовать за ним. Он упоминал о горячей пище.

– Ох, не кончится это добром, – проворчал Плакси, – нутром чую, не кончится! Если хотите знать, я не из тех, кто связывается с драконами, пускай даже прирученными и приученными ходить под седлом.

Дракон прибавил в скорости, и путники, чтобы не отстать, вынуждены были пустить коней галопом. Дорога, находившаяся, надо сказать, в довольно приличном состоянии, бежала по равнине, рассекая березовые рощицы и сосновые боры. Местами над подлеском возносили свои раскидистые кроны дубы. Затем дорога пошла под уклон и вывела отряд в долину, где стояли три ярких шатра, над которыми развевались на ветру разноцветные флажки. Дракон остановился у самого большого из шатров. Джонс спешился. Неподалеку от шатров возвышался сколоченный из грубо обструганных досок стол; за ним виднелись костры, на которых, судя по всему, что-то готовилось. На козлах возлежал огромный бочонок с пивом. У костров, громяхая кастрюлями и сковородами, сустились повара – брауни, тролли, гоблины. Завидев путников, некоторые из них бросили стряпню и кинулись принимать лошадей.

– Садитесь, – пригласил Джонс, – и давайте побеседуем. Думаю, нам есть что сказать друг другу.

Пятеро-шестеро троллей столпились около бочонка: выбив пробку, они наливали пиво в кружки и расставляли их на столе.

– Чудесно! – воскликнул Джонс. – Похоже, мы сможем пропустить до еды кружечку-другую. Сами знаете, еда – штука своенравная, к тому же мои маленькие друзья хоть и преисполнены рвения, но дисциплина у них хромает. Устраивайтесь поудобнее, и начнем наш разговор.

Оливер метнулся к столу, схватил кружку с пивом, уткнулся в нее лицом и, не отрываясь, осушил до дна.

– То ли дело, – фыркнул он, вытирая пену с усов. – Все-таки каким пойлом нас травят в Вайалузинге!

– Плакси назвал вашего скакуна «драконом», – сказал Джонсу Хэл. – Но я сомневаюсь, что он и впрямь дракон. Конечно, я никогда не видел настоящего дракона, но много о них читал. Ваш зверь ничуть не похож на драконов, описанных в книгах. У него нет ни головы, ни крыльев, ни даже хвоста – хоть он и выдыхает пламя.

– Ты прав, целиком и полностью, – отозвался Джонс. – Впрочем, Плакси не одинок в своем заблуждении: не он первый обознался. Между тем мой скакун – вообще не живое существо. Это машина, которая называется «мопед».

– Мопед, – повторил Джиб. – Никогда о таком не слышал.

– Вполне естественно, – заметил Джонс. – Мой мопед – один-единственный на всем белом свете.

– Вы сказали «машина», – проговорил Корнуолл. – У нас тоже есть машины, но они совершенно другие. Я имею в виду боевые машины, осадные орудия, которые применяются для того, чтобы метать через городские стены камни, стрелы или горящие факелы.

– А мельничное колесо? – спросил Джиб. – Оно относится к машинам?

– Кажется, да, – ответил Хэл.

– Но мельничное колесо приводится в действие потоком воды, – вмешалась Мэри, – а боевые машины – натяжением веревок. Вы можете объяснить, как работает ваш мопед?

– Увы. – Джонс развел руками. – Объяснить я, конечно, могу, однако боюсь, вы меня не поймете.

– Значит, вам не известно, как он работает, – подытожил Корнуолл.

– Выходит, что так.

– Тогда здесь не обошлось без магии.

– Уверяю вас, магия тут ни при чем. В моем мире магии не существует. Ее можно отыскать только у вас.

– Глупость какая-то, – пробормотала Мэри. – Как это – нет магии? Магия повсюду, потому что она – частичка жизни.

– В моем мире, – заявил Джонс, – магию уничтожили. Да, люди рассуждают о ней, но она осталась в прошлом, миновала вместе с ним.

– И ее поиски завели вас сюда?

– Вот именно. Я прибыл сюда изучать ее.

– Странно, – проговорил Корнуолл, – очень странно. Вы можете отрицать, но, сдаётся мне, в вас присутствует колдовская сила. Маленький народец трудится на вас безо всякого принуждения. По крайней мере, такое впечатление создается с первого взгляда. Они присматривают за кострами и едой, разносят пиво, принимают лошадей... Знаете, они сопровождали нас всю дорогу, но ни разу не вызвались помочь, только наблюдали исподтишка.

– Потерпите немного, – посоветовал Джонс. – Со мной поначалу было то же самое. Они прятались от меня, а я занимался своим делом и не обращал на них внимания. Некоторое время спустя они стали подходить ко мне. Я показал им кое-какие, с их точки зрения, фокусы, и они сочли меня чародеем, то бишь достойным разделить их компанию.

– У вас перед нами преимущество, – вздохнул Корнуолл. – Мы на роли чародеев не годимся.

– Я слышал иное, – возразил Джонс. – Мои друзья сообщили мне то, что узнали от ваших спутников, и их сведения опровергают ваши слова. Один из вас выдернул из дерева рог единорога, другой владеет заколдованным клинком, а третий имеет при себе весьма необычный камень.

– Откуда они узнали про камень? – воскликнул Джиб. – Мы ведь избегали даже говорить о нем!

– Не спрашивайте меня откуда, – ответил Джонс, – но факт остается фактом. Этот камень был когда-то собственностью Древних, а теперь его надлежит вернуть им, правильно?

– А что вам известно о Древних? – возбужденно справился Корнуолл. – Где их можно найти?

– Мне говорили, что нужно идти к Дому Ведьмы, потом пересечь Выжженную Равнину, обогнуть замок Зверя Хаоса и выйти к Туманным Горам. Там, если вам повезет, вы можете встретить Древних. Мне опять-таки говорили, что их мало, потому что они вымирают. Они страшатся пришельцев, хотя, если вы застанете их врасплох, убежать, вполне возможно, придется не им, а вам.

– Дом Ведьмы, – повторила Мэри, – вы упомянули о Доме Ведьмы. Это старый-старый дом, который выглядит так, словно вот-вот развалится? Он стоит на вершине холма над рекой,

через которую переброшен каменный мост? Старинный двухэтажный дом с множеством печных труб и балконом над крыльцом?

– Вы описали его точь-в-точь таким, какой он есть на самом деле, как будто вы его видели.

– Я в нем жила, – ответила Мэри просто, – когда была еще совсем крохой. А под мостом обитал тролль по имени Бромли. Ко мне приходил брауни Ловкие Пальцы...

– Бромли вышел к нам прошлой ночью, – прибавил Хэл.

– Да, он пришел ко мне. Остальные, как обычно, попрятались, а он – он помнил меня. Если бы не эта ужасная голова...

– Я опасался того, что может случиться, когда вы достигнете поля битвы, – сказал Джонс. – Я, признаться, трусоват, поэтому решил подождать вас здесь, хотя мне следовало бы выехать вам навстречу. Я боялся, что мое появление там может быть неверно истолковано, и потому предпочел остаться...

– Но все было спокойно, – удивился Корнуолл. – Зрелище, конечно, не из приятных, но никакой опасности мы не подвергались. Поблизости никого не было, если не считать троллей с гоблинами и прочей мелкотни.

– Друг мой, – хмыкнул Джонс, – меня радует ваша уверенность в том, что вас сопровождали только тролли и гоблины. Может статься, она помогла вам добраться до меня без приключений. Мне вовсе не хочется вас пугать, но должен сказать вам, что там были и другие.

– Какие другие? – встрепнулся Плакси.

– Адские псы, – ответил Джонс. – Целая свора адских псов. Как и маленький народец, они шли за вами от самого брода.

– Адские псы? – переспросил Корнуолл. – Нам попались трупы существ с хвостами и клыками...

– Они самые.

– Так я и знал, – пробормотал Плакси. – О них говорится в наших преданиях, но я никогда с ними не сталкивался, и среди моих знакомых нет никого, кто мог бы этим похвастаться. Они палачи, – объяснил он Корнуоллу, – каты, безжалостные убийцы.

– Однако до сих пор они нас не трогали, – заметил Корнуолл.

– И не тронут, – сказал Джонс, – если вы будете продолжать свой путь так, как начали. Они в нерешительности. Но стоит вам ошибиться хотя бы в малости – они тут же накинутся на вас.

– А вы? – поинтересовался Корнуолл. – За вами они тоже следят?

– Наверно, – отозвался Джонс. – Сперва, должно быть, вообще не спускали глаз, да и сейчас, вероятно, присматривают. Но понимаете, я в известной степени прославился своим талантом чародея. И потом, они, по всей видимости, считают меня чокнутым.

– А что, это защита?

– Надеюсь, что да. Во всяком случае, если у них и впрямь сложилось такое мнение, я вовсе не стремлюсь разрушить его.

– Кто-то идет сюда, – произнес Плакси.

Все дружно повернулись к дороге.

– А, Сплетник, – сказал Джонс. – Сущее наказание. Он чует запах пищи на расстоянии в семь миль, а аромат пива – за добрых четырнадцать.

Сплетник тем временем подходил все ближе. Высокий и худой, он был одет в грязную, до пят, хламиду, подолом которой подметал дорожную пыль. На плече у него восседал ворон, через другое плечо была перекинута веревка, на которой болтался, завернутый в овечью шкуру, какой-то прямоугольный предмет. В левой руке Сплетник сжимал посох, которым звучно постукивал по дороге в такт шагам. За ним, прихрамывая, семенила маленькая собачка, вся белая, за исключением черных пятен вокруг глаз, что придавали ей такой вид, будто она носит очки.

Сплетник остановился перед Корнуоллом. Тот повернулся к нему лицом. Хламида Сплетника являла собой вблизи жалкое зрелище: поношенная, оборванная, вся в дырах, сквозь которые виднелось тело. Некоторые из наиболее крупных дыр были наскоро подштопаны разноцветными нитками; впрочем, солнце и грязь в значительной мере обесцветили их, и теперь заплатки почти не отличались по окраске от сероватого полотна хламиды. Ворон линял, из хвоста его свисала пара непонятно на чем держащихся перьев; словом, выглядел он так, как будто его побил моль. Собачка уселась на землю и принялась яростно чесаться здоровой задней лапой.

Принадлежность Сплетника к роду человеческому ограничивалась, по-видимому, отдаленным внешним сходством. Уши у него были заостренные, глаза – раскосые, нос – приплюснутый; зубы сильно смахивали на клыки. Картину дополняли нечесанные и невымытые волосы и длинные пальцы рук с грязью под ногтями.

– Ты – книжник Марк Корнуолл, недавно из Вайалузинга? – спросил Сплетник.

– Совершенно верно, – ответил Корнуолл.

– Ты предводитель паломников?

– У нас нет предводителя. Мы все заодно.

– Так или иначе, – заявил Сплетник, – мне поручено наделить тебя мудростью. Выслушай же дружеское предостережение: не заходите дальше Дома Ведьмы. За него паломников не пускают.

– Бекетта не пустили даже к нему.

– Бекетт не был паломником.

– А ты уверен, что мы ими являемся?

– Мое дело, сэр книжник, не думать, а передавать волю тех, кто ее изъявляет.

– Каких таких «тех»?

– Добрый сэр, к чему притворяться, будто ты не знаешь? Или, если ты не притворяешься, может, среди твоих спутников найдутся менее невежественные, чем ты?

– Ты подразумеваешь нас с Оливером, – буркнул Плакси. – Знаешь, дружочек, будь поосторожнее в выражениях. Я гном, а Оливер – гоблин, и мы с ним очутились на родной земле, а потому вольны идти куда захотим.

– Как сказать, – протянул Сплетник. – Вы же отступники, вы отринули Братство.

– Ты мне не ответил, – перебил Корнуолл. – Кто такие «те»?

– Ты слышал об адских псах?

– Приходилось.

– А о Звере Хаоса? Или о Том-Кто-Размышляет-На-Горе?

– Читал в повествованиях древних путешественников.

– Тогда молись, чтобы тебе не довелось познакомиться с ними покороче, – посоветовал Сплетник.

Корнуолл оглянулся на Джонса. Тот кивнул:

– Он и мне говорил то же самое. В силу своей трусости я послушался и дошел только до Дома Ведьмы. Как насчет пива? – спросил он у Сплетника.

– Не откажусь. А если бы еще кусочек мяса... Я иду издалека и здорово проголодался, а уж пить как хочется!

Глава 21

Над макушками деревьев поднялась полная луна. Она залила поляну серебристым светом, в котором сразу же поблекли усыпавшие небосвод звезды. С едой было покончено, и потому за кострами уже никто не присматривал. Маленький народец танцевал на лужайке между дорогой и шатрами под звуки скрипки, которую Сплетник извлек вместе со смычком из футляра, завернутого в овечью шкуру. Он стоял, прижимая скрипку подбородком к плечу, пальцы его левой руки порхали по ладам, а правая водила смычком. Ворон по-прежнему восседал у него на правом плече, время от времени подпрыгивая, чтобы сохранить равновесие, и оглашая воздух хриплым недовольным карканьем. Собачка, наевшись до отвала тем, что ей перепало, спала под столом; ее лапы подергивались, словно она гналась во сне за улепетывающим кроликом.

– Как их много, – проговорила Мэри, разумея маленький народец. – А ведь днем было гораздо меньше.

– Будет еще больше, – хмыкнул Джонс. – Пока тут все мои и большинство ваших.

– Вы хотите сказать, что они перестают бояться?

– Их привлекает еда. Еда и пиво. Неужели вы полагаете, что они способны спокойно глядеть на тех, кто обжирается в двух шагах от них?

– Значит, среди них и Бромли! Ах негодник! Почему он не подходит ко мне?

– Он слишком занят, – отозвался Корнуолл.

Енот выбрался из круга танцоров, подбежал к Хэлу и потерся о его ногу. Хэл усадил зверька себе на колени. Енот улегся и свернулся клубочком, кончиком хвоста касаясь носа.

– Переел, – заметил Джиб.

– Обычная история, – откликнулся Хэл.

Скрипка стонала и плакала, ее мелодия возносилась к небесам. Правая рука Сплетника будто не ведала усталости. Ворон выражал свое негодование неумолчным карканьем.

– Я не совсем понимаю вас, – сказал Корнуолл Джонсу. – Вы утверждаете, что никогда не заходили дальше Дома Ведьмы. Но почему? И вообще, зачем вы здесь?

– Странно, что вы задаете такие вопросы, – улыбнулся Джонс. – Между нами много общего, сэр книжник. Мы с вами оба – ученые.

– Но вы же ничего не изучаете!

– С чего вы взяли? Материала тут предостаточно. А когда что-то изучаешь, необходимо исчерпать один источник сведений, прежде чем переходить к следующему. Когда придет время, я, может быть, передвинусь за Дом Ведьмы.

– Итак, вы изучаете?..

– Да, делаю заметки, записываю, снимаю. У меня скопились горы заметок, груды ленты...

– Ленты? Снимаете? Вы имеете в виду рисунки?

– Нет, фотографии.

– Вы говорите загадками, – произнес Корнуолл. – Таких слов я в жизни не слышал.

– Теперь услышали, – усмехнулся Джонс. – Пойдемте, я кое-что вам покажу. А остальные пускай веселятся. – Он подвел Корнуолла к шатру, остановился у входа и спросил: – Вы человек широких взглядов? Как книжнику вам положено быть таковым.

– Я провел в университете шесть лет, – ответил Корнуолл, – и все эти годы старался сохранить непредубежденность, поскольку иначе заниматься наукой невозможно.

– Хорошо, – проговорил Джонс. – Как по-вашему, какое сегодня число?

– К сожалению, я сбился со счета. Знаю лишь, что на дворе октябрь тысяча девятьсот семьдесят пятого года от Рождества Христова.

– Превосходно! – воскликнул Джонс. – Я просто хотел убедиться. К вашему сведению, сегодня семнадцатое.

– А какое это имеет отношение к нашему разговору?

– Быть может, почти никакого. Хотя, вполне возможно, теперь вам проще будет меня понять. К тому же вы первый, кто сумел мне ответить. В Пустынном Краю календари, увы, не в почете.

Он поднял полог и пригласил Корнуолла войти. Изнутри шатер почему-то казался просторнее, чем снаружи. Его обстановка поражала упорядоченностью и многообразием. В одном углу располагалась раскладушка. Рядом с ней помещался стол со стулом; посередине стола возвышался массивный подсвечник, из которого торчала довольно-таки внушительных размеров свеча. На ее макушке подрагивал, колеблемый сквозняком, язычок пламени. На краю стола громоздились кипой книги в черных кожаных переплетках. Возле них стояли раскрытые шкапулки. Стол был настолько завален различными диковинными на вид предметами, что места, чтобы писать, на нем практически не оставалось. Корнуолл отметил про себя, что нигде не видно ни чернильницы, ни песочницы, ни гусяного пера. В противоположном углу шатра находился большой металлический шкаф. Пространство у восточной стены было занавешено плотными, не пропускающими света портьерами.

– Моя проявочная, – пояснил Джонс. – Там я проявляю фотографии.

– Я не понимаю вас, – сказал Корнуолл.

– Смотрите. – Джонс подошел к столу, вынул из одной шкапулки пачку тонких квадратиков и разложил их на столешнице. – Вот это фотографии. Не рисунки, не картины, а фотографии. Ну, взгляните же.

Корнуолл наклонился над столом, стараясь не прикасаться к так называемым фотографиям. Он увидел красочные рисунки – изображения брауни, гоблинов, троллей, танцующих на зеленой лужайке фей; увидел гнусную ухмыляющуюся тварь – должно быть, адского пса – и двухэтажный дом на вершине холма, с каменным мостом на переднем плане. Он осторожно притронулся к изображению дома, потом, желая получше рассмотреть, поднес его к глазам.

– Дом Ведьмы, – сказал Джонс.

– Но это же картины, – проговорил Корнуолл, – миниатюры. При дворе обретаются множество художников, которые пробавляются тем, что делают подобные рисунки для часословов. Причем они обводят их рамками, в которые заключают цветы, птиц, насекомых или какой-нибудь причудливый узор, что, на мой взгляд, придает им прелести. На то, чтобы нарисовать такую миниатюру, уходит много времени, но художники жертвуют им ради достижения совершенства.

– Приглядитесь повнимательнее. Вы видите хоть один мазок кисти?

– Ну и что? – упорствовал Корнуолл. – В миниатюрах тоже не заметно каких-либо мазков. На то человек и художник, чтобы создавать шедевры, которые возникают как бы сами по себе. И все же разница чувствуется.

– Еще бы ей не чувствоваться! Я пользуюсь этим аппаратом, – Джонс похлопал ладонью по странному черному предмету, лежавшему на столе, – и другими подручными средствами. Я навожу его и нажимаю на кнопку, которая открывает затвор объектива и пропускает свет на обработанную специальным составом пленку. Таким образом я получаю фотографии того, что вижу перед собой. Они гораздо точнее тех изображений, которые мы воспринимаем глазами.

– Колдовство, – пробормотал Корнуолл.

– Ну вот, опять, – огорчился Джонс. – Говорю вам, здесь не больше колдовства, чем в мопедке. Это наука. Технология. Способ, вернее, различные способы что-то делать.

– Наукой может быть философия, и ничто иное, – возразил Корнуолл. – Она стремится познать и описать Вселенную. С ее помощью ваших аппаратов не изобразишь. Остается только колдовство.

– Где же непредубежденность, которой вы похвалялись? – усмехнулся Джонс.

Корнуолл уронил фотографии на пол и стиснул кулаки.

– Вы привели меня сюда, чтобы насмеяться надо мной, – проговорил он; в его голосе слышались раздражение и печаль. – Вы хотели унижить меня, доказать свое превосходство. Зачем? И для чего вы лжете?

– Вы ошибаетесь, – мягко произнес Джонс, – честное слово, вы ошибаетесь. Я искал вашего понимания. Появившись здесь, я попробовал объясниться с маленьким народцем, даже со Сплетником, несмотря на его косность и неразумие. Я пытался растолковать им, что тут нет и намека на колдовство, что никакой я не чародей, но они отказывались меня слушать. И мало-помалу я пришел к убеждению, что оно и к лучшему, и бросил свои попытки. Но по какой-то причине, которая не ясна и мне самому, я должен найти того, кто хотя бы выслушает меня. Встретив вас, я решил, что раз вы книжник, то вполне мне подходите. Видите ли, мне необходимо излить кому-то душу. Признаться, я где-то даже презираю себя за то, что вынужден прикидываться невесть кем.

– Так кто же вы на самом деле? – спросил Корнуолл. – Кто, если не чародей?

– Человек, – ответил Джонс. – Обыкновенный человек, такой же, как вы, только из другого мира.

– Из какого другого? – буркнул Корнуолл. – Мир – один-единственный, других не существует. Или вы подразумеваете Царство Небесное? Если так, то скажу откровенно: что-то мне не верится, что вы явились оттуда.

– Черт побери! – воскликнул Джонс. – Чего ради я с вами вожусь? Вы ничуть не лучше остальных: упрямый, тупоголовый осел!

– Чем браниться, лучше объяснитесь, – заметил Корнуолл. – Кем вы не являетесь, мы уже знаем. Теперь поведайте, кто вы есть.

– Что ж, слушайте. Некогда существовал, точь-в-точь по вашему утверждению, всего один мир. Как давно это было, я бессилён определить. Десятки, сотни тысяч лет назад – установить невозможно. А потом произошло нечто – я не знаю, что именно; быть может, мы никогда этого не узнаем. Как бы то ни было, в тот день один человек – я не сомневаюсь, что он был один: вдвоем или втроем такого не сотворишь, – совершил нечто, да, совершил, сказал или подумал, и с того самого дня миров стало два. По крайней мере, появилась возможность существования двух миров вместо одного. Поначалу различие между ними едва просматривалось, они как бы проникали один в другой, и можно было вообразить, что они по-прежнему едины, однако с течением времени разница становилась все отчетливее, и наконец все уяснили, что миров – два. Миры различались все сильнее – иначе и быть не могло, поскольку они противоречили друг другу, двигались, так сказать, в разных направлениях. Не спрашивайте меня, каким образом из одного мира получилось два, какие были задействованы физические или метафизические законы, – я все равно не смогу вам ответить, и вообще, вряд ли найдется тот, кто сможет утолить ваше любопытство. В моем мире правду о том, что случилось, знает какой-нибудь десяток ученых. А миллионы остальных попросту отказываются верить, отказываются признавать очевидный факт, потому что такого, по их убеждениям, не может быть или потому что они ни о чем таком не слыхали.

– Колдовство, – заявил Корнуолл. – Всему причиной колдовство.

– О господи! – простонал Джонс. – Ну что вы заладили: «колдовство, колдовство»? Стоит вам столкнуться с чем-то новым, и пожалуйста – это словечко уже тут как тут. Вы же образованный человек, вы учились несколько лет...

– Шесть, – прервал Корнуолл. – Шесть долгих и мучительных лет.

– Вы должны понимать, что колдовство...

– Что касается колдовства, сэр, то я знаю о нем больше вашего. Я изучал его, поскольку в университете оно – обязательная дисциплина. Никуда не денешься.

– Но церковь...

– Церковь смотрит на колдовство сквозь пальцы и борется лишь с тем, которое направлено во зло.

– Похоже, – проговорил Джонс, усаживаясь на раскладушку, – мы с вами обречены на непонимание. Я рассказываю вам о достижениях технологии, а вы твердите о колдовстве. Мопед у вас оказывается драконом, фотоаппарат – дурным глазом. Хватит, Джонс, кончай валять дурака.

– Я не знаю, о чем вы говорите.

– Ну разумеется! – воскликнул Джонс с горечью в голосе.

– Вы утверждаете, что мир разделился, что сначала он был один, а потом раскололся на две половинки, так?

– Да, так. Иного объяснения у меня нет. Вот ваш мир, мир без технологии, без машин. Я помню, вы говорили об осадных орудиях и водяных мельницах, но в моем мире они машинами не считаются. В течение последних пятисот или почти даже тысячи лет развития вашего мира с точки зрения технологии не происходило. Вам незнакомо само это слово. Конечно, отдельные события случались, например расцвет христианства. Как оно к вам попало, я не имею ни малейшего представления. Однако суть проблемы в том, что вы обошлись без Возрождения, без Реформации, без промышленной революции...

– Ваши термины для меня лишены смысла.

– Извините, я увлекся. Постараюсь следить за собой. Ну так вот, события, о которых я упомянул – поворотные пункты истории, – вас миновали. Кроме того, у вас сохранилась магия и уцелели существа, которые в моем мире встречаются только в фольклоре. А мы забыли о магии, и, право слово, мой мир оттого несколько оскудел.

– Вы пытаетесь добраться до истины, – сказал Корнуолл, садясь на раскладушку рядом с Джонсом. – Что до меня, я не верю в вашу небылицу, хотя машины, которыми вы пользуетесь...

– Бог с ними, – перебил Джонс. – Давайте согласимся, что мы – люди с различными философскими воззрениями. Да, я хотел бы докопаться до истины в вопросе о разделении миров, но прибыл я сюда не за этим. И потом, где я добуду доказательства? Их наверняка не осталось.

– Может, и остались, – возразил Корнуолл. – Я сознаю, что мой рассказ может показаться вам бредом сумасшедшего...

– Вы о чем?

– Вы сказали, что мы – люди с различными воззрениями. Однако нас кое-что и объединяет. Мы ученые...

– Ну да. К чему вы клоните?

– В моем мире ученые, или книжники, составляют неофициальную гильдию, своего рода призрачное братство.

– За некоторыми исключениями, – произнес Джонс, качая головой, – у нас происходит то же самое. Ученых, как правило, уважают.

– И потому, – продолжал Корнуолл, – я могу открыть вам тайну, которая принадлежит не мне...

– Мы – дети разных культур, – сказал Джонс. – Наши точки зрения могут не совпадать. Мне будет неудобно, если вы поделитесь со мной секретом, который не предназначен для моих ушей. Я не желаю вводить вас в грех.

– Но мы же ученые, – ответил Корнуолл. – Значит, этика у нас общая.

– Ладно, – вздохнул Джонс, – выкладывайте.

– Где-то в Пустынном Краю находится университет, о котором упоминается в легендах. Он – не выдумка и существует на самом деле. В записях говорится...

Музыка снаружи смолкла, неожиданная тишина сама была как звук. Джонс замер. Корнуолл шагнул к выходу и прислушался. Издалека донесся визг – отчаянный, безнадежный визг.

– О боже, – прошептал Джонс, – они его не отпускают.

Корнуолл приподнял полог и выскользнул из шатра. Джонс следовал за ним по пятам. Танцоры, сбившись в кружок, стояли у стола. Взгляды всех устремлены были на дорогу. Никто не произносил ни слова; все будто затаили дыхание. От костров тянулись к небу пушистые клубы дыма. На дороге показался обнаженный человек. Он спотыкался на ходу, спотыкался и кричал; голова его была задрана к звездам, а из горла рвался бессмысленный и бесконечный вопль. Позади него и по бокам шествовали адские псы, черные исчадия зла, некоторые из них шагали на четырех лапах, другие – только на двух, подавшись вперед, неуклюжей, нечеловеческой походкой. Их короткие хвосты подрагивали от восторга и предвкушения скорой расправы, а в черных пастях сверкали белые клыки.

Из толпы у стола выбрался Оливер. Он подбежал к Корнуоллу.

– Это Бекетт! – крикнул он. – Они поймали Бекетта!

Сопровождаемый сворой псов, человек приближался. Теперь, кроме его воплей, можно было различить иной звук, этакий басовый аккомпанемент к душераздирающему визгу: то фыркали адские псы. Корнуолл присоединился к Джибу с Хэлом. Он раскрыл было рот, но почувствовал, что не в силах что-либо сказать. Неожиданно по его телу прошла дрожь, и он стиснул зубы, чтобы не стучали. Оливер дернул его за рукав.

– Это Бекетт, – повторил гоблин, – слышишь, Бекетт. Я столько раз его видел, что узнаю где угодно.

Добредя до лагеря, Бекетт вдруг перестал вопить и повернулся лицом к толпе зевак, споткнулся, выпрямился и протянул к ним руки.

– Убейте меня! – простонал он. – Заклинаю вас именем Богоматери, убейте меня! Если среди вас есть хоть один человек, пусть он убьет меня.

Хэл снял с плеча лук и потянулся было за стрелой, но Плакси остановил его.

– Ты что, спятил? – воскликнул гном. – Стоит только шевельнуться, и они набросятся на нас. Ты не успеешь наложить стрелу, как тебе перегрызут горло.

Корнуолл шагнул вперед, положив руку на эфес клинка. Джонс быстро встал у него на пути.

– С дороги! – прорычал Корнуолл.

Джонс ничего не ответил. Внезапно его кулак с размаху врезался Корнуоллу в подбородок, и книжник повалился на землю точно срубленное дерево. А тем временем на дороге адские псы накинулись на Бекетта. Они прыгали на него, кусали и тут же отскакивали. По лицу Бекетта ручьем струилась кровь, из-под которой, на том месте, где была раньше щека, виднелась верхняя челюсть. Еще один прыжок – и Бекетт лишился гениталий. Он инстинктивно согнулся пополам и ухватился руками за промежность. Острые клыки оторвали ему половину ягодицы, и он всплеснул руками, не переставая кричать. Вдруг он упал и принялся извиваться в пыли. Псы уселись в кружок и выжидательно уставились на него. Мало-помалу он бросил скулить, медленно поднялся на четвереньки, потом кое-как встал. Как ни странно, с ним, похоже, все было в порядке: на лице не было заметно ни следа укусов, ягодица полностью восстановилась, гениталии вернулись туда, где им положено было находиться. Один из адских псов подтолкнул его носом, как бы дружески намекая, что пора, мол, двигаться дальше. Бекетт подчинился, и окрестности снова огласил его истошный вопль.

Корнуолл сел, потряс головой и схватился за меч.

– Вы ударили меня, – проговорил он, глядя на Джонса. – Ударили кулаком, как крестьянин.

– Друг мой, – ответил Джонс, – отложите свою сабельку, не то я вмажу вам еще раз. Я спас ему жизнь, а он, извольте, в чем-то меня обвиняет.

Глава 22

Когда Корнуолл постучал, дверь открыла сама ведьма.

– Ай, – проговорила она, обращаясь к Мэри, – так ты вернулась. Я всегда знала, что так оно и будет. С того момента, когда я вывела тебя на ту тропинку, похлопала на прощанье по попке и велела идти, я знала, что ты вернешься к нам. Да, я велела тебе идти, и ты пошла и ни разу не оглянулась, но меня трудно одурачить. Я знала, что ты вернешься, когда немного подрастешь, ибо в тебе было что-то колдовское, ты не годилась для мира людей. Нет, бабушку тебе было не одурачить...

– Мне было всего три года, – сказала Мэри, – быть может, даже меньше. И потом, вы не моя бабушка и никогда ею не были. Я вижу вас впервые в жизни.

– Ты была слишком маленькой, чтобы запомнить мое лицо. Я бы с радостью оставила тебя, но времена были суровые и беспокойные, и я решила услатить тебя подальше из волшебной страны, хотя сердце мое разрывалось от горя. Я ведь любила тебя, девочка.

– Это все ложь, – бросила Мэри Корнуоллу. – Я ее не помню. Она не моя бабушка. Она не...

– Но я же вывела тебя на тропинку в Пограничье, да, взяла тебя за ручку, и мы с тобой пошли, пошли вместе. Я хромала, потому что у меня как раз воспалился сустав, а ты бежала вприпрыжку и весело щебетала.

– Я не могла щебетать, – возразила Мэри, – потому что никогда не была щебетуньей.

Дом выглядел точь-в-точь таким, каким его описывала Мэри: старинное, ветхое строение на вершине холма, у подножия которого текла река. Через реку был переброшен каменный мост. Возле дома росло несколько березок, ниже по холму тянулась изгородь из сирени, весьма странная, поскольку ограждала неизвестно что. За изгородью лежала груда камней. Почва за рекой была заболоченной.

Товарищи ждали Корнуолла с Мэри у каменного моста.

– Ты всегда была упрямым ребенком, – гнула свое ведьма. – Вечно изводила всех разными выходками, хотя в том, пожалуй, твоей вины нет, так ведут себя все дети. Но ты замучила бедного людоеда, он не знал, куда ему от тебя деваться, и никак не мог заснуть, потому что ты забрасывала его камнями, палками и комьями земли. Наверно, ты удивишься, но он вспоминает тебя гораздо теплее, чем ты того заслуживаешь. Когда он услышал, что ты направляешься сюда, то сказал, что надеется встретиться с тобой. Разумеется, ты понимаешь, что людоеду не пристало ходить в гости к людям. Если захочешь повидаться с ним, тебе придется навестить его самой.

– Я помню людоеда, – сказала Мэри, – помню, как мы швыряли всякую ерунду в его берлогу. Сдается мне, я ни разу не видела его. Впрочем, вполне возможно, что я ошибаюсь. Я часто думала о нем и гадала порой, существует ли он на самом деле. Люди говорили, что да, но ведь я его не видела.

– Существует, существует, – уверила девушку ведьма. – Он такой милый! Ой, простите меня, я так обрадовалась твоему приходу, деточка, что позабыла о вежливости. Держу вас на пороге, вместо того чтобы напоить чаем! И даже не поприветствовала молодого человека, который тебя сопровождает. Я не знаю, кто вы такой, – прибавила она, повернувшись к Корнуоллу, – но молва о вас и ваших спутниках разнеслась по всему Пустынному Краю. И о тебе тоже, красавица. Но что-то я не вижу при тебе единорожьего рога. Только не говори, что ты его потеряла!

– Нет, я его не потеряла, – ответила Мэри. – Однако его очень неудобно нести. Он мне мешал, и я оставила его у наших товарищей, которые ждут нас внизу.

– Ну и хорошо, – откликнулась ведьма. – Потом погляжу. Знаешь, когда я услышала про этот рог, мне так захотелось на него посмотреть! Ты мне его покажешь?

– Конечно покажу, – сказала Мэри.

– Никогда не видела единорожьего рога, – хихикнула старуха, – да что там говорить, мне и единорог-то не попадался на глаза. Даже в Пустынном Краю их встречаешь не на каждом шагу. Но проходите, проходите, садитесь, сейчас попьем чайку. Вы да я, втроем, сдается мне, втроем будет лучше всего. А тем, кто вас ждет у моста, я пошлю корзинку печенья, того самого, деточка, которое тебе всегда нравилось, с тмином.

Ведьма распахнула дверь настежь и жестом пригласила их войти. В прихожей было темно и пахло сыростью. Мэри остановилась.

– Что-то изменилось – проговорила она. – Я помню дом другим, полным света и веселья.

– Твое воображение обманывает тебя, – заявила ведьма. – Ты никогда не умела обуздать его. Ты придумывала игры, в которые потом играла с этим глупым троллем и бестолковым брауни. – Она снова хихикнула. – Ты могла подговорить их на что угодно. Они терпеть не могли лепить куличики, но ты просила – и они лепили. Они до смерти боялись людоеда, но когда ты принималась швырять камни в его берлогу – они присоединялись к тебе. Ты называешь ведьмой меня, больную, скрюченную старуху, а на самом деле ведьма-то – ты, и гораздо больше моего.

– Ну-ка, – произнес Корнуолл, кладя ладонь на рукоять меча, – не смей называть миледи ведьмой.

Старая карга тронула его за рукав костлявой рукой:

– Не гневайтесь, добрый сэр. Женщине всегда приятно услышать, что она – ведьма.

Корнуолл нехотя отпустил рукоять.

– Выбери выражения, – посоветовал он ворчливо.

Ведьма оскалила в ухмылке щербатый рот и повела гостей по темному, сырому и затхлomu коридору. Тот упирался в крошечную комнатку с полом, покрытым вылинявшим ковром. У одной стены находился камин, весь черный от многолетней сажи и копоти. Солнечный свет, проникавший в комнатку через большие окна, подчеркивал скудость обстановки. На узкой полке под подоконником выстроились в ряд чахлые комнатные растения. Убогости прочей мебели разительно не соответствовал украшенный вычурной резьбой стол, стоявший посреди помещения. Он был застлан скатертью, на которой посверкивал серебряный чайный сервиз. Ведьма указала гостям на стулья, а сама села поближе к чайнику, из носика которого вовсю валил пар.

– Теперь мы можем поговорить, – сказала она, беря кружку, – о былом, о том, что переменялось, и о том, что вы здесь делаете.

– Я хотела бы узнать о своих родителях, – промолвила Мэри. – Я ничего о них не знаю: кто они, как попали сюда, что с ними случилось?

– Они были хорошими людьми, – отозвалась ведьма, – но очень, очень странными, не похожими на других. Они не смотрели свысока на обитателей Пустынного Края, не таили ни на кого зла и обладали даром понимания. Они разговаривали с каждым встречным. А вопросы, которые они задавали... Ох уж эти мне вопросы! Я никак не могла сообразить, что привело их сюда. Они не занимались никаким делом. Когда я спросила их напрямик, они сказали, что приехали отдохнуть. Поверила я им, как же! Разве такие люди, как они, приезжают отдохнуть в такую глушь? Да и то, что же это за отдых на целый год? Представляете, целый год они ничего не делали, так, бродили себе по округе и мило беседовали с теми, кто попадался им навстречу. Я помню, деточка, как они пришли сюда, по дороге и через мост, а ты семенила между ними, и они держали тебя за руки, как будто ты не могла обойтись без них, а ведь ты не нуждалась ни в чьей помощи, да, и тогда, и потом. Какие же они были смелые и глупые: расхаживали по Пустынному Краю как у себя дома, да еще с ребенком, совсем крохой, – ни

дать ни взять семейство на прогулке. Если бы кто-нибудь замыслил причинить им зло, само их простодушие и доверчивость остановили бы злодея. Я помню, как они постучались в дверь этого дома и спросили, нельзя ли им тут поселиться. А сердце у меня доброе, всегда было доброе, и я никому не могла и не могу отказывать...

– Знаете, – перебила Мэри, – по-моему, вы лжете. Я не верю, что этот дом принадлежит вам. Я не верю, что мои родители были вашими гостями. Однако, судя по всему, правды мне от вас не добиться.

– Деточка, – воскликнула ведьма, – ты не услышала ничего, кроме правды! С какой стати мне тебе врать?

– Давайте не будем ссориться, – вмешался Корнуолл. – Скажите, что случилось с родителями Мэри?

– Они ушли на Выжженную Равнину, – ответила ведьма. – Чего их туда потянуло, я не знаю. Они меня в свои тайны не посвящали. Да, оставили мне своего ребенка и ушли на Выжженную Равнину, и с тех пор о них ни слуху ни духу.

– Значит, именно тогда вы, если это были вы, вывели Мэри на тропинку в Пограничье?

– Ну да, ну да. Я боялась за нее. Пошли скверные слухи.

– Какие?

– Не помню.

– Видите, Марк, – проговорила Мэри, – она лжет.

– Разумеется, – согласился Корнуолл, – но нам надо выяснить, сколько в ее словах правды и присутствует ли она там вообще.

– Подумать только, до чего я дожила, – пробормотала ведьма, делая вид, будто вытирает слезы. – Сидят за моим столом, пьют мой чай и обзывают меня лгуньей!

– А бумаги не сохранились? – спросила Мэри. – Документы? Или письма?

– Между прочим, – ответила ведьма, – тот же самый вопрос задавал мне другой человек, мужчина по фамилии Джонс. Я сказала ему, что ничего такого не знаю. Я же не любительница совать нос не в свое дело. Меня можно упрекнуть в чем угодно, только не в излишнем любопытстве. Я сказала ему, что на втором этаже, глядишь, что-нибудь да завалилось. С моей-то поясницей по лесенкам не налазаешься. Ну да, ну да, что стоит ведьме оседлать помело и полететь куда вздумается! Но вы, люди, существа бестолковые, вам невдомек, что существуют правила...

– А Джонс поднимался вверх?

– Как же, как же, поднимался, а когда вернулся, пробурчал, что ничего не нашел, но глазенки у него так и бегали. То ли врал, то ли нет. Я спросила его...

Входная дверь распахнулась, послышался топот ног, и в комнатку ворвался Джиб.

– Марк, – выдохнул он, – у нас неприятности! Прибежал Бекетт!

– Бекетт! – Корнуолл вскочил. – А адские псы?

– Он удрал от них, – проговорил Джиб.

– Немыслимо! – воскликнул Корнуолл. – Как он мог от них удрать? Где он?

– У моста, – отозвался Джиб. – Он прибежал к нам в чем мать родила. Бромли одолжил ему полотенце...

Кто-то с силой хлопнул дверью. Мгновение спустя в комнате появился Плакси.

– Это ловушка! – крикнул он. – Нельзя, чтобы он оставался с нами! Псы нарочно дали ему сбежать. Выходит, что мы спрятали его, и теперь они заявятся сюда всем скопом...

– Фью! – присвистнула ведьма. – Надо же, испугался каких-то щенков. Ну-ка, где мое помело? Я им покажу, как болтаться возле моего дома!

– Мы не можем прогнать его, – сказал Корнуолл, – особенно после того, чему были свидетелями вчера. Он вправе просить у нас помощи. В конце концов, какой ни есть, он все-таки христианин. – В сопровождении остальных он направился к дверям.

Снаружи их глазам предстало удивительное зрелище. По дороге к дому брела диковинная процессия. Впереди всех, с полотенцем вокруг чресел, плелся Бекетт. За ним шагал Хэл, который держал в руках лук. Тетива лука была заброшена на шею Бекетта и захлестывала ее петлей так, что затягивалась, стоило Хэлу качнуть лук в ту или иную сторону. Следом за Хэлом шествовал Оливер, а за ним – разношерстная компания троллей, брауни, гномов и фей. Хэл ткнул пальцем себе за спину.

– Нате вам, пожалуйста, – произнес он, не сводя глаз с Бекетта.

Корнуолл взглянул в указанном направлении. На лысой вершине холма за рекой сидели рядком адские псы. На мордах их застыло отсутствующее выражение. Они просто сидели и чего-то, по всей видимости, ждали. По склону холма к мосту спускался великан, самый настоящий и весьма неопрятный на вид. Корнуолл прикинул, что росту в нем добрых двенадцать футов. По сравнению с телом голова великана была на удивление маленькой, не больше, а может, даже меньше головы обыкновенного человека. Великанье тело, пускай крупное, вовсе не производило впечатления чего-то внушительного; оно было жирным и дряблым. Великан был одет в короткий килт и рубашку с помочами. Двигался он медленно и неуклюже, земля проседала под его ногами. Руки его безвольно свисали вдоль тела, именно свисали, а не двигались, как у людей, в такт шагам. Корнуолл сбежал по ступенькам крыльца и устремился вниз.

– Стереги Бекетта, – велел он Хэлу, – а с остальным я разберусь.

Великан остановился в двух шагах от моста, широко расставил ноги и заговорил. Его зычный голос раскатился над рекой подобно грому.

– Меня послали адские псы. Я обращаюсь ко всем, кого не должно здесь быть. Я предупреждаю вас. Возвращайтесь туда, откуда пришли, но сначала выдайте того, кто укрылся у вас.

Он замолчал, по-видимому ожидая ответа.

Корнуолл услышал позади себя шум и резко обернулся. Бекетт каким-то образом улизнул от Хэла и теперь бежал по склону в направлении груды камней. На шее у него болтался лук. Он мчался как одержимый, за ним несли Хэл, а следом бежали, улюлюкая, все остальные. Внезапно Бекетт споткнулся и как сквозь землю провалился. Он исчез; земля как будто разверзлась и поглотила его. Ковылявшая по дороге ведьма пронзительно взвизгнула.

– Он угодил в берлогу людоеда! – крикнула она. – Ну все, ему несдобровать, да и нам тоже!

– Отвечайте! – гаркнул великан. – Мне надоело ждать!

– Мы паломники, – отозвался Корнуолл, поворачиваясь к нему, – никому не угрожаем и никого не трогаем. Мы ищем Древних.

– Древних? – Великан расхохотался. – Да если вы найдете их, они живо отправят вас под топор. Вы, верно, спятили, раз ищите Древних. И потом, никому не позволено ступить на Выжженную Равнину, понятно? Вы дошли до Дома Ведьмы, и хватит с вас. Дальше вы не пройдете. Отдайте пленника и поворачивайте обратно! Тогда мы вас пощадим и проводим до Пограничья. Это я вам обещаю.

– Мы отказываемся. Мы зашли слишком далеко, чтобы поджимать хвосты и улепетывать без оглядки. И пленника мы тоже не выдадим: вы его достаточно помучили. Теперь наша очередь разбираться с ним.

– Будь по-вашему, – рявкнул великан. – Ваша кровь будет на вашей же совести.

– А зачем ее проливать? Во имя чего? Пропустите нас, и все. Мы найдем Древних, поговорим с ними и возвратимся в свои земли.

– А пленник? Ему предстоит пробежать еще много миль, он еще не откричал свое. Ему суждено погибнуть, но не скоро. Он осквернил священную землю Пустынного Края. Когда-то, сэр книжник, это означало бы войну без пощады. Но годы сказываются, мы становимся терпимее и сговорчивее. Радуйтесь, что мы такие, и отдайте нам нашу игрушку.

– Только если вы сразу убьете его. Пускай он погибнет ужасной смертью, но сразу.

– С какой стати? Нам редко удается развлечься, так что мы вынуждены довольствоваться тем, что нам выпадает. Или ты думаешь иначе?

– Человек не игрушка.

– Учти, – пригрозил великан, – ты рискуешь оказаться на его месте.

– Это мы еще посмотрим, – откликнулся Корнуолл.

– Значит, ты отказываешься выдать его?

– Да, отказываюсь.

Великан неуклюже развернулся и полез обратно на холм. Адские псы на вершине по-прежнему пребывали в неподвижности. За спиной у Корнуолла вновь послышался шум. Книжник обернулся. Тролли, гоблины и прочие существа разбежались во все стороны; из-под груды валунов показалось нечто невообразимое в своей отвратительности.

– Я же говорила! – завопила ведьма, стуча по земле помелом. – Я же говорила. Ну, теперь держитесь!

«Нечто» оказалось жабоподобным верзилкой с огромными, словно плоские, глазами. Изо рта у него торчали острые клыки. Его кожу покрывала какая-то желеобразная субстанция, стекавшая каплями на землю при каждом шаге. «Великан, – подумал Корнуолл, – тот самый великан-людоед, про которого рассказывала ведьма».

Людоед выбрался из норы и принялся что-то вытаскивать оттуда. Присмотревшись, Корнуолл различил скорчившегося в отверстии Бекетта. Людоед рванул его на себя, и Бекетт вылетел из норы, как пробка из бутылки. На шее у него все еще болтался лук Хэла. Людоед отшвырнул его в сторону.

– Вы что, совсем стыд потеряли? – гаркнул он, не обращая ни к кому в отдельности. – Или вам законы не писаны? Падают тут всякие, понимаешь, как снег на голову! Ну чего вы здесь столпились? Что, разрази вас гром, происходит?

– Сэр людоед, – проговорил Корнуолл, – мы сожалеем, что потревожили ваш покой. Пожалуйста, простите нам нашу неловкость. Мы бы никогда не осмелились намеренно беспокоить вас...

– Такого со мной не случалось, – заявил людоед. – Местные себе таких шуточек не позволяют, выходит, этот тип – чужестранец. Правда, давным-давно была тут одна малявка, что кидала в мою нору камни, сучья и тому подобную гадость. Не могу понять, как такое занятие может доставлять удовольствие. – Его взгляд остановился на Мэри. – Ба, если я не ошибаюсь, вот та самая малявка! А ты ничего, подросла.

– Прочь! – воскликнула ведьма, замахиваясь на него помелом. – И не думай тронуть ее своими грязными лапами! Она была маленькой и несмышленной, и потом, плохого она тебе не сделала. Должен ведь соображать – на то и ребенок, чтобы играть! Радоваться надо, что она умела справляться со скукой, которая у нас тут царит.

– Извините меня, – попросила Мэри. – Я никак не предполагала, что мы вам мешаем. Видите ли, мы притворялись, будто боимся вас, поэтому бросали в вашу нору палки и камни – насколько я припоминаю, не такие уж и большие – и убегали.

– Вы втроем, – буркнул людоед, – ты, шустрый брауни и чокнутый тролль Бромли. Впрочем, тролли все чокнутые. Вы думали, я ни о чем не догадываюсь, а я подсмеивался над вами. Ну-ка, ответь, ты можешь представить себе, что я умею над кем-то подсмеиваться?

– Не знаю, – пробормотала Мэри. – Если бы знала, я бы, пожалуй, заглянула к вам в гости.

– Теперь ты знаешь, – заметил людоед, усаживаясь на землю, – а насчет гостей – дело поправимое. – Он похлопал по траве рядом с собой. – Садись сюда.

– Садись, садись. – Ведьма подтолкнула Мэри к людоеду. – Я сейчас принесу чайник. – Она заковыляла к дому.

Корнуолл огляделся. Бекетт лежал на земле и не шевелился. На нем восседали Хэл с Джибом.

– Что мы с ним сделаем? – спросил Хэл.

– Вообще-то, – отозвался Корнуолл, – следовало бы отрубить ему голову. Или вернуть его псам, но это хуже.

– Милосердия! – прохрипел Бекетт. – Как христианин христианина, я молю вас о милосердии. Вы не можете выдать своего брата во Христе орде язычников.

– Христианин из вас никудышный, – сказал Корнуолл. – Я предпочел бы вашей компании общество десяти язычников. Вы приложили немало усилий, чтобы прикончить меня, поэтому жалости к вам я отнюдь не испытываю.

– Я вовсе не пытался прикончить вас! – воскликнул Бекетт, кое-как принимая сидячее положение. – С какой стати? Я вижу вас впервые в жизни! Ради Христа, сэра...

– Меня зовут Марк Корнуолл. Вы нанимали убийц, чтобы покончить со мной.

– Вы хотели убить его из-за манускрипта, который он нашел в библиотеке университета в Вайалузинге! – крикнул Оливер, высовываясь из-под локтя Корнуолла. – И меня вы бы тоже убили, если бы смогли. Вам донес на него монах по имени Освальд, которого обнаружили утром на улице с перерезанным горлом!

– Но это было так давно! – простонал Бекетт. – Я раскаялся...

– Мы вам не верим, – произнес Корнуолл. – Выбирайте: псы или меч. Мерзавец вроде вас не имеет права жить.

– Позволь мне, – попросил Джиб. – Не годится пачкать сталь твоего клинка кровью этого отребья. Один удар топора...

– Хватит болтать, – проговорила ведьма, дергая Корнуолла за рукав. – Я забираю его себе. Зачем понапрасну переводить добро? Только посмотрите, какой красавчик! Он мне нужен. Сколько холодных ночей я провела в одиночестве, и некому было согреть мою постель!

Она наклонилась над Бекеттом и пощекотала его под подбородком. Глаза Бекетта остекленели.

– Он не стоит того, чтобы о нем заботиться, – буркнул Оливер. – Помяни мое слово, он удерет при первой же возможности. К тому же псы...

– Ха! – фыркнула ведьма. – Эти щенки не настолько глупы, чтобы связываться со мной. Пусть только попробуют! Я их так отхожу помелом, что вовек не забудут! И никуда он не денется: я наложу на него заклятие, и он не сможет убежать. Ай, миленочек, и повеселимся же мы с тобой! погоди, вот заберешься ко мне под одеяло, я тебе покажу, как надо...

– Выбирайте, – повторил Корнуолл. – Псы, меч или это...

– Что значит «выбирайте»? – взвизгнула ведьма. – Я же сказала, что забираю его себе! – Она взмахнула руками, забубнила какую-то нелепицу, закружилась на месте, а потом приказала: – Отпустите его!

Хэл с Джибом подчинились. Корнуолл отступил на шаг, Бекетт перевернулся на живот, встал на четвереньки и подполз к ведьме.

– Как собака, – пробормотал пораженный Корнуолл. – Если бы не...

– Какой хорошенький! – воскликнула ведьма. – Я ему нравлюсь! – Она нагнулась и погладила Бекетта по голове. Будь у того хвост, он, вероятно, завилял бы им от восторга. – Пойдем, дружок.

Она направилась к дому. Бекетт на четвереньках пополз за ней.

Чаепитие тем временем было в самом разгаре. Ведьма, прежде чем заняться Бекеттом, принесла чайник, а добровольные помощники притащили к груде камней, под которыми находилась берлога людоеда, стол, накрыли его скатертью, расставили чашки и раздали печенья. Корнуолл осмотрелся. Неуклюжий великан и адские псы куда-то исчезли. Совершенно неожиданно все переменялось к лучшему. Осеннее солнышко заливало вершину холма своими лучами, снизу, от моста, доносилось журчание воды.

– А где лошади? – спросил Корнуолл у Хэла.

– Пасутся на лугу у реки, там полным-полно травы. С ними Плакси.

Откуда ни возьмись возник Енот. Он ковылял на трех лапах, потому что в четвертой у него было печенье. Хэл подхватил зверька и посадил себе на колени. Устроившись поудобнее, Енот принялся грызть печенье.

– Сдается мне, все кончено, – сказал Корнуолл. – Можно и отдохнуть.

– Интересно, – проговорил Джиб, – как поведут себя псы, когда узнают, что Бекетт им не достался?

– Мы разберемся с этим в свой черед, – отозвался Корнуолл.

Глава 23

Людоед сунул в рот печенье и насмешливо посмотрел на Корнуолла.

– Скажи-ка, – спросил он у Мэри, – что это за молокосос сопровождает тебя?

– Он вовсе не молокосос, – возмутилась девушка. – И вообще, поберегите свои шуточки для кого-нибудь другого. Он не всерьез, – объяснила она Корнуоллу, – у него такая манера шутить.

– Если он так шутит, – задумчиво сказал тот, – то каков же в гневе?

– Ну чего ты там встал? – осведомился людоед. – Садись вот сюда, попей с нами чайку. К сожалению, печенья уже не осталось. В жизни не видел такой голодной оравы. Они накинулись на печенье так, будто их морили голодом целую неделю.

– Странно, – заметила Мэри, – прошлой ночью нам закатали роскошный пир.

– Они обжоры, – заявил людоед, – самые настоящие обжоры. С виду хрупкие как тростиночки, а на деле – сплошные челюсти да кишки.

Корнуолл уселся рядом с людоедом. Фея протянула ему чашку, такую крохотную, что он испугался, увидев ее в своих ладонях. Налита она была до половины; похоже, в чае ощущался некоторый недостаток.

– Людоед рассказывал мне о моих родителях, – проговорила Мэри. – Он как будто хорошо их знал.

– Особенно твоего отца, – громыхнул людоед. – Мы выяснили, что у нас с ним много общего. Вечерами мы приходили сюда, на это самое место, и говорили, говорили часами подряд. Он был толковый и образованный человек, и беседовать с ним было одно удовольствие. Он утверждал, что в своей стране пользовался почетом и уважением. Ему нравился наш край и те, кто его населяет, и он ни чуточки не боялся их, что, уж поверьте мне, достаточно необычно для человека. С женой его я виделся реже, чем с ним, однако они оба были мне по душе, а что касается их милой дочурки, я любил ее так, словно она была моей собственной дочерью, хотя, если вдуматься, откуда у меня могла взяться такая вот егоза? Я полеживал в своей берлоге, а она кидалась в меня камнями и грязью; я представлял себе, как ее охватывает беспричинный детский страх и она убегает, и мне становилось так смешно, что стены моей норы ходили от хохота ходуном.

– Знаете, – признался Корнуолл, – мне показалось, вы не из тех, кто способен хохотать до упаду.

– Все дело в том, мой добрый сэр, что вы со мной незнакомы – я имею в виду, близко. Я обладаю множеством превосходных качеств, которые, увы, невозможно рассмотреть с первого взгляда.

– Я думаю вот о чем, – сказала Мэри. – Возможно ли, чтобы мои родители попали сюда из того мира, о котором упоминал вчера мастер Джонс?

– А почему бы и нет? – пожал плечами людоед. – Они, разумеется, ничего не говорили, но когда появился этот Джонс, я заметил, что между твоими родителями и им существует известное сходство: в характерах, в том, как они смотрели на те или иные вещи, в спокойной самоуверенности, которая порой граничила с высокомерием. Правда, у них не было ни единой из тех колдовских штуковин, с которыми носится Джонс; они пришли сюда скромными паломниками, с узелками в руках. Я как раз вылез из норы погреться на солнышке и увидел вас. Вы втроем спустились с холма и перешли реку по мосту, и, знаешь, выглядели вы просто бесподобно. В тех узелках были скудные пожитки, какие могли принадлежать людям, которые никогда не бывали в Пустынном Краю. Откровенно говоря, я часто гадал, не нарочно ли они так поступили, чтобы их приняли не за тех, кем они были на самом деле.

– Значит, они вам нравились, – промолвила Мэри.

– Еще как! В тот день, когда они ушли на запад, в сторону Выжженной Равнины, мое сердце едва не разорвалось от горя. Между прочим, милая, они намеревались взять тебя с собой, но мне удалось переубедить их. А в остальном они не пожелали прислушаться к моим советам. Страх был им неведом, они считали, что, если пойдут с миром, их пропустят куда угодно. Они верили в доброту. Ей-ей, сущие дети! Сдается мне, они согласились оставить тебя только потому, что предполагали вернуться. Так сказать, они решили избавить тебя от тягот утомительного путешествия, заметь, от тягот, а не от опасностей: им казалось, что никакие опасности их подстергать не могут.

– Итак, они ушли на запад, – заключил Корнуолл. – Зачем?

– Не знаю, – ответил людоед. – Одно время я думал, что знаю, но теперь далеко не уверен. Они ничего мне не говорили. Кажется, они стремились что-то там отыскать и как будто догадывались, где это «что-то» может быть.

– Вы считаете, что они погибли? – спросила Мэри.

– Нет, вряд ли. Если бы я считал так, то не сидел бы год за годом на камнях, оглядывая окрестности. По совести говоря, я не думал, что они возвратятся, но если бы это случилось, то я ни капельки бы не удивился. Несмотря на всю их мягкость, они производили впечатление людей, выражаясь образно, непотопляемых, которых невозможно погубить, которых избегает смерть. Конечно, вам странно слышать такое, к тому же я могу ошибаться, но порой у всякого существа возникает ощущение, которое опровергает любую логику. Я видел, как они уходили, я наблюдал за ними, пока они не скрылись из глаз. А теперь мне приходится провожать вас, ибо, по-моему, вы идете по их следам. Как ни жаль, но девушка, сэр книжник, похоже, не покинет тебя.

– Право, я с радостью оставил бы ее тут, – сказал Корнуолл.

– Я не останусь, – возразила Мэри. – Мне нужно найти родителей.

– Вот так, – развел руками Корнуолл.

– Вот так, – повторил людоед. – Надеюсь, меч служит тебе не для украшения? Ты не похож на бойца. От тебя пахнут книгами и чернилами.

– Увы, – согласился Корнуолл. – Зато у нас надежные спутники. И потом, мой клинок изготовлен из волшебного металла. Только мне, пожалуй, не мешало бы поупражняться с ним.

– Я бы предложил тебе еще одного спутника, – сказал людоед. – На мой взгляд, он вам пригодится.

– Вы имеете в виду Джонса? – догадался Корнуолл.

– Да, – кивнул людоед. – Он называет себя трусом, но трусость не порок, а добродетель. Храбрость – болезнь, которая частенько приводит к смерти. Джонс не бросится очертя голову вперед, не станет ничего предпринимать, пока не уверится, что сила на его стороне. Возможно, у него найдется могущественное оружие, хотя какое – кто его знает. Он колдун, но колдовство у него особое, похитрее нашего и поглубже. Нет, он вам явно пригодится.

– Может быть, – согласился Корнуолл нерешительно. – Однако он не внушает мне доверия.

– Тому виной его колдовство, – объяснил людоед. – Ты просто чувствуешь могучую и чужеродную колдовскую силу.

– Наверно. Ладно, я попробую его соблазнить.

– Мне кажется, – сказала Мэри, – долго упрашивать его не придется. Он хочет проникнуть дальше в Пустынный Край, но боится идти один.

– А вы сами? – спросил Корнуолл у людоеда. – Не желаете присоединиться к нам?

– Нет, – отозвался тот. – Я покончил со всякими глупостями. Впрочем, даже и не припомню, чтобы я когда-нибудь их творил. Я вступил в тот возраст, когда мне всего и нужно, что поспать в берлоге да посидеть на камнях у входа.

– Но вы расскажете, что нас ждет?

– Сдается мне, что вас и без того закармлили слухами. Молва не ведает удержу, но внимает ей только глупец. – Людоед пристально поглядел на Корнуолла. – А ты, похоже, не из глупцов.

Глава 24

Лагерь Джонса казался покинутым. Три ярких шатра стояли на прежнем месте, однако все живые существа, даже маленький народец, куда-то пропали. Возле стола чернели круги кострищ, валялись обглоданные кости и пивные кружки. С козел угрюмо взирали на запустение два опорожненных досуха пивных бочонка. Легкий ветерок, прошелестев в кронах деревьев, поднял облачко пыли с дороги, что вела к полю битвы между людьми Бекетта и адскими псами. Мэри вздрогнула.

– Как тут неуютно, – проговорила она, – особенно после той ночи. Куда они все подевались?

Лошади, на которых они прискакали, рыли землю копытами. Очевидно, им не терпелось вернуться на пастбище у реки. Они встряхивали гривами, и упряжь позвякивала в такт движениям их голов.

– Джонс! – позвал Корнуолл. Он хотел было крикнуть громко, во весь голос, но что-то побудило его к осторожности, и слово прозвучало лишь немногим громче обычного. – Надо посмотреть, – решил он и направился к самому большому из шатров.

Мэри следовала за ним по пятам.

В шатре никого не оказалось. Обстановка – раскладушка, стол со стулом, металлический шкаф, плотные портьеры – сохранилась в неприкосновенности, зато исчезла машинка, которую Джонс называл фотоаппаратом, а заодно с ней – шкатулка, где он хранил цветные миниатюры, и прочие диковинные предметы, что раньше лежали на столе.

– Он ушел, – сказал Корнуолл, – ушел из нашего мира в свой. – Он уселся на раскладушку и сцепил пальцы. – Он мог поведать нам столько интересного! Той ночью, как раз перед тем, как появились псы, он завел со мной странный разговор.

Он огляделся по сторонам и впервые ощутил царящую в шатре инородность, иномирность; дело тут было не в шатре и не в тех предметах, которые в нем остались – они не слишком отличались от знакомых Корнуоллу, – а в некоем загадочном ощущении, если хотите, запахе иной плоскости бытия. В первый раз с того дня, как он отправился в путь, Корнуолл испытал страх и почувствовал себя бесконечно одиноким. Он взглянул на Мэри, стоявшую рядом с ним, и на какой-то волшебный миг ее лицо стало для него целым миром – ее лицо и глаза, в которых отражались его собственные зрачки.

– Мэри, – проговорил он хрипло, едва слыша себя, и протянул к ней руки.

Она очутилась в его объятиях, обвила его руками за шею, а он прижал ее к себе, такую мягкую и податливую, такую теплую. Тепло ее тела, аромат волос, очертания фигуры – все обещало покой и наслаждение.

– Марк, Марк, Марк, – шептала она ему на ухо, как будто его имя было для нее молитвой или заклинанием.

Он уложил ее на раскладушку и лег сам, сверху. Она приподняла голову и поцеловала его; губы прильнули к губам и не желали отрываться друг от друга. Он просунул руку ей под платье и ощутил ее наготу: спелость груди, гладкость живота, курчавость волос на лобке. Мир стучался ему в виски, словно стремился дозваться, но он не откликнулся. Он отринул его и заперся в своем мирке, где не было посторонних – только они с Мэри, только они двое, и больше ничто не имело значения.

– Марк, где ты? – спросил кто-то напряженным голосом.

Он нехотя расстался со своим мирком, в котором они с Мэри были наедине, уселся на раскладушке и, моргая, уставился на фигуру, глядевшую на него из-под полога шатра.

– Прошу прощения, что помешал вашим шалостям, – проговорил Хэл.

– Чтоб ты провалился! – воскликнул Корнуолл, вскакивая. – Что ты лезешь, куда тебя не просят?

Он шагнул было к Хэлу, но Мэри успела остановить его:

– Марк, все хорошо.

– Приношу свои извинения вам обоим, – сказал Хэл. – Я допустил бестактность. Но мне надо было предостеречь вас. В округе снова объявились псы.

– Что на вас нашло? – крикнул, вбегая в шатер, Джиб. – Вы что, спятили – разъезжать в одиночку?

– Все было тихо, – ответил Корнуолл. – Нам как будто ничто не угрожало.

– Опасности повсюду. Пока мы не покинем эти земли, они будут неотступно преследовать нас.

– Я хотел разыскать Джонса и пригласить его ехать с нами. Но он, похоже, ушел и вряд ли вернется.

– Не нужен нам никакой Джонс, – заявил Хэл. – Мы вчетвером да Оливер с Плакси – вполне достаточно. Уж мы-то никуда не уйдем.

Глава 25

Маленький народец разбежался кто куда, и теперь они продолжали путь вшестером. День близился к вечеру. Местность если и изменилась, то совсем чуть-чуть. Через пять миль от того холма, на вершине которого стоял Дом Ведьмы, они достигли Выжженной Равнины, что тянулась до самого горизонта: громоздились друг на дружку песчаные дюны, земля между ними была бурой и бесплодной. В углублениях, которые раньше, по всей видимости, заполняла вода, попадалась трава, высохшая настолько, что превратилась в сено. Время от времени однообразие пейзажа нарушали мертвые, скелетоподобные деревья, как будто грозившие небу растопыренными сучьями. На троих лошадей навьючили бурдюки с водой, а на двух оставшихся ехали по очереди. Уже утром Мэри возмутилась, что ей, по общему молчаливому согласию, выделили лошадь в постоянное пользование, и настояла на том, чтобы идти пешком наравне с другими. Если сбросить со счета песчаные дюны, переход оказался не таким уж и утомительным, однако расстояние, которое они прошли, было, естественно, значительно меньше того, какое удалось бы преодолеть верхом.

Возглавляли отряд Корнуолл с Хэлом. Последний, прищурясь, посмотрел на солнце.

– Скоро нам придется остановиться, – сказал он. – Все устали, и потом, надо разбить лагерь до темноты. Как тебе вон тот гребень слева? Он достаточно высок, и с него будут хорошо просматриваться окрестности. Вдобавок мы сможем развести костер. Видишь деревья?

– Костер на гребне будет замечен издали, – возразил Корнуолл.

– Ну и что? – пожал плечами Хэл. – Прятаться нам не от кого. Кому нужно, тот знает, где нас искать, хотя вполне возможно, сейчас он за нами не следит.

– Ты про адских псов?

– И про них тоже.

– Сдается мне, ты не слишком обеспокоен.

– Ты ошибаешься. Не беспокоиться было бы глупо, равно как и не бояться. Помнишь, какой совет дал нам людоед? Никуда не ходить. Но мы должны были идти, потому что иначе какой смысл забираться в такую даль?

– Целиком с тобой согласен, – сказал Корнуолл.

– В любом случае, – продолжал Хэл, – вы с Джибом отправились бы дальше вдвоем. А коли так, то нам не пристало бросать товарищей на полпути.

– Может, ты и прав, – пробормотал Корнуолл.

Установилось молчание. Под ногами путников шуршали песок и галька. Вскоре они подошли к гребню, о котором говорил Хэл.

– Ну что? Полезем?

– Как скажешь, – откликнулся Корнуолл. – Лесовик у нас ты.

– Тут нет никаких лесов.

– Зато есть гребень. Все равно мне с тобой не тягаться, я человек городской и мало в чем разбираюсь.

Когда они взобрались на гребень, Хэл показал на глубокий овраг в боковом склоне.

– Там найдется сухая трава, – сказал он. – Лошадям будет что пощипать. А на ночь мы приведем их в лагерь.

После того как на гребень поднялись все остальные, Хэл принялся распоряжаться.

– Марк, – велел он, – напои лошадей. По полведра каждой, но не больше. Потом сведи их в овраг, пускай попасутся там до темноты. Приглядывай за ними, чтобы не ускакали. Мэри, ты будешь часовым. Смотри во все стороны и, если что увидишь, кричи. А мы займемся дровами, притащим сколько сможем.

Когда Корнуолл возвратился с лошадьми, на гребне ярко горел огонь; часть углей сдвинули чуть в сторону, и Мэри готовила на них ужин. Плакси с Оливером исполняли обязанности часовых. Хэл поспешил навстречу Корнуоллу.

– Садись поешь, – сказал он. – Мы уже сыты.

– А где Джиб?

– Пошел на разведку.

Солнце закатилось за горизонт, но небо на западе оставалось еще бледно-розовым. Внизу ничего не было видно, словно путники попали вдруг в страну теней.

– Через часок или около того взойдет луна, – пообещал Хэл.

Корнуолл подсел к огню.

– Голодный? – спросила Мэри.

– Как черт, – ответил он. – И усталый. А ты?

– Я в порядке. – Она положила ему в тарелку еды. – Кукурузная каша с беконом. Надеюсь, ты не возражаешь? Свежего мяса, к сожалению, нет. Хэл не смог никого подстрелить. Зайцы для него слишком резвые. – Девушка устроилась на земле рядом с ним, прижалась к его плечу, подставила губы для поцелуя. – Я хотела поговорить с тобой наедине. Мы тут обсудили кое-что с Оливером, он сказал, что подойдет к тебе, но я ответила ему, что мы разберемся сами. По-моему, так будет лучше.

– И что же вы с ним обсуждали? – спросил удивленный Корнуолл.

– Ты помнишь то, что случилось в шатре?

– Я никогда этого не забуду. А ты? Ты помнишь, Мэри?

– Я тоже не могу забыть. Но нам нельзя думать об этом. Вот о чем собирался поговорить с тобой Оливер. Нам нельзя даже думать об этом.

– При чем здесь, разрази его гром, Оливер? То, что было, касается только нас с тобой, если, конечно, ты разделяешь мои чувства.

– Да, – прошептала она, кладя голову ему на плечо. – Сколько дней ты будто не обращал на меня внимания, а потом неожиданно все переменялось. Я готова была заплакать. Ты у меня первый, понимаешь, первый. Да, я прислуживала в трактире, но...

– У меня и мыслей таких не было, – пробормотал он. – Я никогда не воспринимал тебя как, прости за грубость, уличную девку.

– Оливер...

– Каким он боком тут замешан?

– Он объяснил мне, – сказала Мэри и посмотрела Корнуоллу в глаза. – Он страшно смущался, но сумел объясниться. Я должна оставаться девственницей. Он обещал поговорить с тобой, но я...

Корнуолл вскочил. Тарелка с кашей полетела на землю. Мэри успела ухватить его за пояс и заставила сесть.

– Смотри, что ты наделал! – упрекнула она.

– Этот чертов Оливер! – воскликнул он. – Я сверну ему шею, как цыпленку! По какому праву он...

– Рог, – проговорила Мэри. – Рог единорога. Разве ты не понимаешь? Волшебство рога.

– О господи! – простонал Корнуолл.

– Я выдернула его из дерева, – продолжала девушка, – и сумела это сделать только потому, что до сих пор не знала мужчины. Рог – могучее волшебное средство, но лишь в моих руках. Оливер сказал, что мы в столь отчаянном положении, что пренебрегать рогом было бы безумием. Я заявила ему, что сама поговорю с тобой, и сдержала слово. Я догадывалась, что может произойти, если он заведет с тобой подобный разговор. А свары и драки нам ни к чему.

– Извини, – буркнул он. – Извини, что тебе пришлось говорить это мне. Я мог бы сообщить и сам. Ну разумеется, мог бы!

– Нам с тобой некогда было думать об этом, – возразила она. – Все случилось почти мгновенно. Скажи мне, милый, – Мэри прильнула к Корнуоллу, и он обнял ее, – у других тоже так?

– Вряд ли, – ответил он. – Но я бессилён был сдержаться.

– И я, – прошептала она. – До того как ты взглянул на меня, я даже не подозревала, как сильно мне хочется стать твоей. В каждой женщине сидит шлюха. Нужен только подходящий мужчина, чтобы она выпрыгнула наружу.

– Все когда-нибудь кончается, – произнес он. – Наступит миг, когда магия единорога нам больше не понадобится. Что ж, подождём.

– А если мы оба, или один из нас, почувствуем, что уже не в состоянии терпеть, тогда наплюем на всякую магию!

Над костром загорелись искры: на уголья осыпались сгоревшие ветки. Небо на востоке просветлело – там восходила луна. В ночной темноте засверкали звезды. Позади влюбленных слышались шаги. Мэри встала:

– Положу тебе еще каши. Я наварила ее от души.

Глава 26

К середине четвертого дня пути впереди показался замок Зверя Хаоса. Паломники увидели его, поднявшись по крутому склону высокого холма, что обрывался прямо от вершины в глубокую долину, по которой когда-то протекала река. Палящее солнце выжгло почву на дне долины; наклонившись над обрывом, можно было различить на отвесной стене напластования красного, розового и желтого. Замок смотрелся достаточно неприглядно. Раньше он, должно быть, выглядел весьма внушительно, однако ныне являл собой плачевное зрелище: сторожевые башенки попадали, у стен, изрезанных вдоль и поперек трещинами, валялись груды камней, тут и там росли чахлые деревца.

Путники остановились, чтобы как следует присмотреться к замку.

– Столь грозное название, – сказал Плакси, – а на самом деле куча мусора.

– Ну, ты хватил через край, – возразил Оливер. – Он по-прежнему таит в себе угрозу.

– Поблизости никого не видно, – проговорил Джиб. – Может, он заброшен? Знаете, я все больше сомневаюсь, что здесь можно встретить хоть одно живое существо. Четыре дня подряд нам попадаются только зайцы да изредка суслики.

– А не попробовать ли нам его обойти? – предложила Мэри. – Вернуться назад и...

– Если там кто-нибудь есть, – сказал Хэл, – то нас уже заметили.

– А как по-твоему, Марк? – спросила Мэри.

– Хэл прав, – ответил Корнуолл. – К тому же вон, кажется, какое-то подобие тропы. Судя по всему, кроме как по ней нам не спуститься. Да и слова Джиба могут подтвердиться. А вдруг замок в самом деле заброшен?

– Но там, откуда мы идем, нам все уши прожужжали о Звере Хаоса, – сказала девушка. – Вроде бы он до сих пор жив.

– Предания умирают медленно, – объяснил Плакси, – а живут долго. К тому же до нас тут бывали немногие, так что свежие вести получить неоткуда.

Хэл двинулся вниз по тропе, ведя за собой в поводу одну из лошадей. Товарищи последовали за ним, внимательно глядя под ноги: тропа была узкой и крутой. Корнуолл, шедший сразу за Хэлом, бросил взгляд на Енота, который восседал на бурдюке с водой. Енот соорудил ему гримасу, но тут же вынужден был вцепиться когтями в шею лошади, когда животное споткнулось, потом выпрямился и гордо поехал дальше. Выглядел он слегка потрепанным и мало напоминал прежнего Енота. «Что уж тогда говорить про нас», – подумал Корнуолл. Дни и мили пути взяли свое. Переход был утомительным, и, что хуже всего, никто не знал, когда и где он завершится, ибо о географии Пустынного Края можно было только догадываться. Приходилось полагаться на словесные указания, а слова – они и есть слова. «Сперва Дом Ведьмы, – прикинул Корнуолл, – затем Выжженная Равнина, замок Зверя Хаоса и в конце концов Туманные Горы». Ему вспомнились разговоры о Том-Кто-Размышляет-На-Горе, и он подумал: вдруг та самая гора окажется одной из Туманных? Ну да ладно, когда они достигнут Туманных Гор, до Древних будет уже рукой подать. По крайней мере, так говорил Джонс, хотя, опять-таки, он лишь повторял то, что слышал от своих маленьких приятелей. «Сплошные слухи, – подумал Корнуолл, – ничего достоверного, ни единого проверенного факта. Просто-напросто выбираешь себе направление и идешь куда глаза глядят, надеясь, что со временем найдешь то, что ищешь».

Путники спустились в долину. Теперь им предстояло подняться на противоположный склон. Тропа была едва различимой, лошади постоянно спотыкались и оступались. Корнуолл не смотрел ни вперед, ни по сторонам: он не отрываясь глядел себе под ноги и напряженно прислушивался к шумному дыханию лошади у себя за спиной. Поэтому он очутился на вершине

холма совершенно неожиданно для себя, гораздо быстрее, чем предполагал. Тропа вывела отряд наверх и оборвалась.

Корнуолл расправил плечи и осмотрелся. Они находились на равнине, причем отнюдь не столь безжизненной, какой она показалась им с первого взгляда. Теперь равнину заполнили адские псы. Они неотвратно приближались, наступали, развернувшись в цепь, а перед ними бежал великан, тот неуклюжий верзила, с которым Корнуолл перекрикивался через реку у Дома Ведьмы. Бегущий великан являл собой достаточно комичное зрелище. Он ухитрился намного обогнать кошмарных псов.

Стоявший рядом с Корнуоллом Хэл наложил на тетиву стрелу. Если он и волновался, то внешне это никак не проявлялось. «Он знает, – подумал Корнуолл, глядя на сосредоточенного Хэла, – знает не хуже моего, что нам не выстоять, не сдержать натиск этой своры, что они сомнут нас, сбросят обратно в долину и переловят поодиночке». Его ладонь легла на рукоять клинка; он рывком вытащил меч из ножен и подивился тому, что заметил, как ярко сверкает на солнце колдовское лезвие. Каким-то непонятным образом сверканье клинка придало ему мужества, он вдруг ощутил себя кем-то вроде героя. Корнуолл шагнул вперед, не отдавая себе отчета в том, почему он это делает, поднял меч, взмахнул им над головой и принялся крутить его так, что тот будто превратился в сгусток пламени; с уст книжника сорвался боевой клич, дерзкий вызов врагу – не слова, но нечто похожее на рык или на рев, какой издает при виде соперника разгневанный бык. Он продолжал махать мечом, и тут случилось то, чего он никак не ожидал: оружие выскользнуло у него из руки, и он застыл в изумлении, чувствуя себя беззащитным глупцом.

«Господи Боже, – мелькнула у него мысль, – я погиб! И зачем только я покинул Вайалузинг? Мое место не здесь. Что подумают обо мне остальные? Надо же, не смог удержать меч!»

Он собрался прыгнуть за мечом, надеясь, что тот упал не слишком далеко. Однако меч, как выяснилось в следующий миг, вовсе не собирался падать. Вращаясь в воздухе, он двигался навстречу неуклюжему великану. Исполин попытался увернуться, но запоздал; к тому же ему не хватило ловкости. Лезвие рассекло ему горло, и он рухнул навзничь. Впечатление было такое, что он споткнулся на бегу и не сумел устоять на ногах. Из горла его хлынула кровь. Он повалился на землю, дернулся и затих. Меч возвратился к Корнуоллу. Тот протянул руку, и рукоять клинка легла ему в ладонь.

– Я же говорил тебе, – воскликнул Плакси, – что меч – колдовской! Правда, такой исход мне и не снился. Может, все дело в мечнике? Сражался ты здорово, ничего не скажешь.

Корнуолл не ответил. Слова не шли у него с языка. Он стоял и ошарашенно разглядывал клинок.

Тем временем свора адских псов повернула вспять.

– Не спешите радоваться, – предостерег Хэл. – Они могут вернуться.

– Вряд ли, – возразил Джиб. – Меч пришелся им не по нраву. Они испугались. Жаль, что мой топор не волшебный. Тогда бы они у нас поплясали!

– Там что-то происходит, – проговорила Мэри. – Видите, в замке?

Из замковых ворот струился туман. Мгновение спустя он зазмеился по равнине, направляясь к путникам.

– И что теперь? – спросил Хэл. – Или кто-то считает, что псов нам маловато?

– Скорее! – крикнул Плакси. – Забирайтесь в туман и идите к замку! Псы не посмеют преследовать нас. В нем мы будем в безопасности!

– К замку? – переспросил Корнуолл.

– Что касается меня, – ответил Плакси резко, – то я с большим удовольствием предпочту псам Зверя Хаоса.

– Я согласен с Плакси, – заявил Оливер.

– Что ж, – пробормотал Корнуолл, – тогда пошли.

Туман подобрался к ним почти вплотную.

– Быстрее, быстрее, – торопил Корнуолл. – Я прикрою вас сзади.

– И я с тобой, сэр книжник! – воскликнул Джиб.

Они вбежали в туман. Издали донесся залиvistый лай обмануных псов. Под охраной тумана путники достигли ворот и проскочили во внутренний двор замка. Тяжелые створки с грохотом захлопнулись за их спинами. Туман начал рассеиваться, и взглядам паломников предстала толпа чудовищ.

Никто не пошевелился. И те и другие молча рассматривали друг друга.

Среди чудовищ не нашлось бы и двух похожих. Их наружность едва поддавалась описанию. В толпе выделялись приземистые существа с волочившимися по земле крыльями, большеротые и слюнявые люди-лягушки, чешуйчатые твари, которые выглядели так, словно болели проказой, и множество иных, не менее отвратительных созданий. Мэри прижалась к Корнуоллу. Джиба, похоже, подташнивало.

Навстречу путникам шагнул уродец с огромным животом, на котором у него располагалось лицо. Он сказал:

– Нам нужна ваша помощь. Зверь Хаоса мертв.

Глава 27

Им предложили разместиться в замке, но они отказались и расположились во дворе. Дров для костра оказалось в избытке; в котелке над огнем тушилось с полдюжины хилых цыплят.

– Иначе их не приготовишь, – заметила Мэри. – Они такие жесткие, что мы не смогли бы их прожевать.

Помимо цыплят хозяева оделили их тремя буханками свежеспеченного хлеба и корзиной овощей – моркови, бобов и тыкв – и куда-то запропастились.

В углу послышалось сдавленное кудахтанье.

– Енот охотится, – проговорил Хэл. – Я пообещал ему цыпленка, но он хочет добыть себе ужин сам.

Солнце село, и над замком стали сгущаться сумерки. Пилигримы разлеглись у костра. Замок возвышался над ними грудой замшелых камней. По двору вяло бродили цыплята, рылись в кучах мусора тощие свиньи. Около половины двора занимал обнесенный забором огород. Он явно доживал последние дни. На грядках виднелось несколько кочанов капусты, чуть поодаль торчала из земли ботва репы.

– Объясни мне, пожалуйста, – попросил Корнуолл Плакси, – откуда ты узнал, что в тумане нам ничто не грозит.

– По наитию, – отозвался гном. – Меня выручило чутье, то знание, о присутствии которого и не подозреваешь, пока оно не проявится. Да, пускай будет наитие. Тебе оно недоступно, потому что ты человек. Внутри меня что-то щелкнуло, и я понял, что нам делать.

– Может, ты скажешь, что нам делать дальше? – осведомился Хэл.

– Увы, – вздохнул Плакси. – Так или иначе, на какое-то время мы в безопасности. Признаться, я с трудом понимаю, что происходит. Они утверждают, что Зверь Хаоса мертв и им нужна наша помощь. Но на какую помощь с нашей стороны они рассчитывают? И потом, меня сильно беспокоит их наружность. Они кажутся мне подонками нашего мира, ведь их не отнесешь ни к маленькому народцу, ни к обычным чудовищам; они – другие. Нам порой рассказывали о них, редко, ибо тех, кто их видел, раз-два и обчелся. К тому же эти рассказы смахивали скорее на предания. А насчет Зверя Хаоса предупреждаю сразу: мне известно о нем не больше вашего.

– Как бы то ни было, – проговорил Джиб, – они оставили нас в покое. Принесли нам еду и пропали. Может, дают нам привыкнуть к себе? Если так, то я искренне рад. Мне очень стыдно, но еще немного, и меня бы стошнило.

– Привыкай, привыкай, – посоветовал Корнуолл. – Рано или поздно они вернуться. Им что-то от нас нужно.

– Надеюсь, мы успеем поесть до их возвращения, – пробормотал Хэл.

Его надежды оправдались. Они плотно поужинали, а когда наступила ночь, Хэл подбросил в костер дров, и тот разгорелся настолько, что его пламя освещало значительную часть двора, поэтому появление уродцев не прошло незамеченным.

Их было трое: Толстопузый (с лицом на животе), Лягушка – из числа людей-лягушек, и Лис, который, судя по его виду, начал было превращаться в человека, да так и застрял на полдороге.

Они подошли к костру и уселись, не дожидаясь приглашения. Лис ухмыльнулся, оскалив зубастую пасть. Двое остальных сохраняли серьезность.

– Вам удобно? – справилась Лягушка. – Вы сыты?

– Да, – ответил Корнуолл, – большое спасибо.

– Для вас приготовлены комнаты.

– Нам будет не по себе без костра и неба над головой.

- Люди к нам заходят нечасто, – сказал с ухмылкой Лис. – А двое из вас как раз люди.
- Вы что-то имеете против людей? – спросил Хэл.
- Вовсе нет, – откликнулся Лис. – Нам нужен кто-нибудь, кто бы не испугался.
- А если нам тоже станет страшно? – поинтересовался Корнуолл.
- Но не от того, чего боимся мы, – возразил Лис. – Не от Зверя Хаоса.
- Так он же мертв!
- А разве мертвецы не пугают живых? Если вы боялись их при жизни, то...
- Если вы так напуганы, почему остаетесь тут?
- Потому, – отозвалась Лягушка, – что нам надо кое-что доделать. Зверь Хаоса перед смертью взял с нас клятву. Мы знаем, что должны это сделать, но нам страшно.
- И вы хотите, чтобы мы исполнили за вас ваше обещание?
- Вам будет легче, чем нам, – вмешался Толстопузый. – Вы не знали Зверя Хаоса и не представляете, что он мог творить.
- Мертвые не способны что-либо сотворить, – заметил Джиб.
- Мы пробовали убедить себя, – сказал Лис, – но у нас ничего не вышло. Бесплезно, сколько бы мы ни старались.
- Расскажите нам о вашем Звере, – буркнул Корнуолл.
- Уродцы переглянулись.
- Расскажите, – повторил Корнуолл, – иначе нам не о чем с вами разговаривать. Раз вы просите нас об услуге, значит должны чем-то отплатить.
- Ну, мы думали...
- Вы думали, что, поскольку помогли нам днем...
- Да, да, – перебил Толстопузый, – так мы и думали.
- Я не уверен, что мы не обошлись бы без вашей помощи, – произнес Хэл. – Колдовской клинок Марка, полный колчан стрел, Джиб со своим топором...
- Они помогли нам, – сказала Мэри.
- Не дайте им одурачить вас! – воскликнул Плакси. – У них на уме что-то нехорошее.
- Что ж, – проговорил Корнуолл, – я признаю, что вы нам пособили, однако не так уж сильно.
- Вы торгуетесь с нами? – удивился Лис.
- Я бы сказал: обсуждаем условия.
- Берите мешок цыплят, – предложил Лис. – Или пару свиней.
- Корнуолл промолчал.
- Мы можем подковать ваших лошадей, – прибавила Лягушка. – У нас есть кузница.
- Подождите, – подал голос Джиб, – куда вы торопитесь? Сначала надо узнать, чего они от нас хотят. Может, мы сразу откажемся.
- Ничего сложного, – сказал Толстопузый, – даже не вспотеете. Если, конечно, вы не боитесь Зверя, как мы. Стоит упомянуть его имя, как мы уже дрожим.
- Троица дружно вздрогнула.
- Неплохо получается, – съязвил Плакси. – И чем же он вас напугал? Поведайте нам, что в нем такого страшного. Нам не привыкать ко всяким ужасам.
- Он не из нашего мира, – пробормотал Лис. – Он спустился с неба.
- Ну и что? – буркнул Корнуолл. – Оттуда свалилась добрая половина языческих богов. Что в этом особенного?
- В преданиях утверждается, что он и впрямь спустился с неба, – отозвался Толстопузый. – Он упал на это самое место, и жители окрестных селений разбежались в страхе кто куда, потому что его нельзя было не испугаться. В ту пору, если верить легендам, все шло хорошо: земля была щедрой и давала обильные урожаи, дождевые тучи полили почву влагой, а те, кто обитал здесь, были довольны судьбой и радовались жизни. Но вдруг на этот край обрушилось

несчастье: дожди прекратились, земля оскудела, и начался голод. Поговаривали, что виной всему Зверь. Созвали совет, на котором было решено, что от Зверя следует отгородиться. Год за годом вокруг него и сверху громоздили валуны, которые привозили издалека, и оставили только одно крошечное отверстие, чтобы при желании достать до него. Хотя у кого могло возникнуть такое желание, сказать невозможно. Ну вот, над Зверем построили настоящий склеп, с крепкими опорами для стен, а отверстие наверху заложили каменной плитой.

Завершив работу, народ стал ждать дождя, но тот все не шел, а земля страдала по-прежнему, трава жухла и высыхала, и ее понемногу заносило песком. Однако никто не хотел уходить отсюда, ведь раньше земля была плодородной, значит могла стать такой опять. Некоторые заявляли, что Зверь говорит с ними и требует от местных жителей поклонения себе. «Если мы станем почитать его, он снимет проклятие с нашей земли», – твердили они. Что ж, люди начали поклоняться Зверю, однако ничего не изменилось, и тогда послышались другие разговоры: «Давайте построим ему дом, чудесный дом; быть может, он помилует нас и снимет проклятие с нашей земли». И они воздвигли замок, тот самый, что вы видите перед собой, и в этот замок переселились те, кто научился говорить со Зверем, чтобы узнавать его волю и передавать ее остальным. Порой он требовал такого, от чего нельзя не содрогнуться...

– Но все без толку, – прервал Корнуолл.

– Как вы догадались? – изумился Лис.

– Проклятие с земли, судя по всему, не снято.

– Вы правы, – сказал Лис. – Так оно и есть.

– Но вы с тех пор, как построили замок, не покидали его, – проговорила Мэри. – Вы ведь те, кто научился говорить со Зверем, да?

– Те, кто дожил до сегодняшнего дня, – откликнулась Лягушка. – Многие умерли, хоть и прожили гораздо дольше бывших наших соплеменников. Ко всему прочему, мы изменились. Иногда мне кажется, что отпущенные нам сроки удлинились именно для того, чтобы мы успели измениться. Перемены происходили столетие за столетием. Судите сами, к чему они привели.

– Что-то мне не очень верится, – пробормотал Оливер. – Трудно вообразить, что нормальные люди могли превратиться в этаких уродов.

– Нас изменил Зверь, – сказал Толстопузый. – Мы чувствовали, как он изменяет нас. Не знали, зачем он это делает, но чувствовали.

– Вам надо было уйти, – проронил Корнуолл.

– Вы не понимаете, – возразил Лис. – Мы дали зарок оставаться со Зверем. Все ушли, а мы остались. Мы боялись, что, если Зверя бросят на произвол судьбы, он разломает склеп, вырвется на волю и примется бесчинствовать по всему Пустынному Краю. Такого случиться не должно. Мы защищаем Пустынный Край от ярости Зверя.

– И потом, – добавила Лягушка, – куда нам было идти? Мы изменились настолько, что нас никто бы не принял.

– Вы думайте что угодно, – заявил Плакси, – а я не верю ни единому их слову. Они рассказывают нам, как у них появились жрецы, эти гнусные пиявки, что мучают простой народ. Зверь был для них источником доходов. Теперь, когда они все ушли, источник иссяк. Но раньше было по-другому; вот почему они утверждали, что умеют разговаривать с ним. Ишь какие благородные! Они, видите ли, защищают Пустынный Край от ярости Зверя! Если хотите знать, они всего-навсего – шайка пройдох. Да, пройдохи, особенно вон тот, с лисьей мордой!

– Может быть, – согласился Корнуолл. – Но послушаем, что еще они нам поведают.

– Больше рассказывать нечего, – ответил Толстопузый. – И мы не давали повода подозревать нас во лжи.

– Но Зверь мертв, – сказал Хэл. – Выходит, вы свободны. Я помню, он взял с вас клятву, но теперь вы не обязаны ее выполнять. Он вас уже не достанет.

– Вас, может, и не достанет, – пробормотал Лис, – а до нас дотянется. Мы пробыли рядом с ним так долго, что сделались, пожалуй, частичкой его тела, и он в каком-то смысле продолжает жить в нас и не отпускает даже мертвый. Не отпускает и...

– Что ж, – заметил Корнуолл, – такое вполне возможно.

– Мы знаем, что он мертв, – проговорил Толстопузый. – Его тело гниет в склепе. Он умирал в мучениях, и мы словно умерли вместе с ним. Мы ощущали дыхание смерти. Однако по ночам, когда тихо, он возвращается к нам. К другим, может, и нет, но к нам возвращается.

– Ладно, – сказал Хэл, – поверим вам на слово. В конце концов, вам пришлось изрядно потрудиться, чтобы сочинить столь неправдоподобную историю, значит у вас должна быть какая-то цель. В чем она состоит? Вы предлагаете нам работу, которую может сделать лишь тот, кто не боится Зверя. Какую именно?

– Вам надо будет войти в склеп, – ответил Лис.

– Туда, где валяется мертвое чудище?! – воскликнула Мэри.

– Зачем? – спросил пораженный Корнуолл. – С какой стати?

– Оттуда нужно кое-что взять. Зверь велел нам взять это...

– Что?

– Мы не знаем. Мы спрашивали Зверя, но он не пожелал нам ответить. Но нам известно, где «это» лежит. Мы сняли плиту с отверстия и заглянули в склеп. Нам было страшно, очень страшно, но мы сумели справиться с собой. Мы увидели то, что нужно забрать, а потом убежали...

– Значит, вы хотите, чтобы мы вытащили из склепа тот предмет?

– Да, если вы не возражаете, – мило улыбнулся Лис.

– Что он собой представляет? – поинтересовалась Мэри.

– Мы видели только часть его, вернее, нам показалось, что мы видели только часть. Мы понятия не имеем о его назначении. Он похож на клетку, круглую клетку с металлическими прутьями, вот такую... – Лис раздвинул ладони на расстояние около фута.

– И что, она в теле Зверя?

– Да.

– Грязная работенка, – заметил Джиб.

– Мне это не нравится, – сказал Плакси. – Чертовщина какая-то. Они что-то от нас скрывают.

– Похоже на то, – отозвался Корнуолл, – однако, я думаю, мы сумеем договориться. Но цыплятами и свиньями вы не отделаетесь.

– А может, так? – невинно осведомился Лис. – Из рыцарских побуждений?

– Еще чего! – хмыкнул Оливер. – Благородство, рыцарство то бишь, приказало долго жить. Оно изначально было обречено. Так что или вы предлагаете нам что-нибудь стоящее, или мы поутру уходим.

– Вы не посмеете, – фыркнул Лис. – Вокруг замка шныряют адские псы. Они разорвут вас на куски, стоит вам выйти за ворота. Вы им никогда не нравились, а теперь, когда вы убили великана, они вас возненавидели.

– Ты хочешь сказать, что мы в ловушке? – поинтересовался Хэл.

– Возможно, нет, – откликнулся Толстопузый, – возможно, мы выручим вас.

– Все они тут заодно! – вскинулся Плакси. – Эти штукари как пить дать заодно с псами! Они нарочно заманили нас сюда!

– Вы хотите сказать, – проговорила Лягушка, – что мы дружим с адскими псами и совместными усилиями завели вас в западню, чтобы вы не могли отказать нам в нашей просьбе? Смею вас заверить, вы глубоко ошибаетесь.

– Между прочим, – вмешался Джиб, – мы не видели ни одного пса, пока не приблизились к замку. Они как будто избегали нас, хотя мы их поджидали. Они могли напасть на нас когда угодно, но почему-то предпочли устроить нам встречу здесь.

– Псы кружат возле замка долгие годы, – объяснил Лис. – Мы враждуем с ними с незапамятных времен. Не так давно они сделались осмотрительнее. Мы научили их осторожности, они узнали, на что мы способны. Раз за разом мы пробуем на них свое колдовство, они отступают, но всегда возвращаются. Правда, надо признать, что теперь, завидев нас, они поджимают хвосты и разбегаются в разные стороны. Мы научили их уму-разуму.

– Им нужен замок? – спросил Джиб. – Я прав?

– Да, – ответил Лис. – Ведь тогда у них было бы чем гордиться: владельцы замка, принадлежавшего Зверю Хаоса! Если говорить серьезно, они мало на что годятся, эти буяны и драчуны. Их боятся, но уважать не уважают. Вот если бы они завладели замком, другое дело.

– Вы утверждаете, что научили их уму-разуму?

– Они держатся от нас подальше, однако рассчитывают однажды перехитрить...

– Если я правильно понял, – сказал Корнуолл, – вы проводите нас, когда мы покинем замок?

– Совершенно верно, – ответил Лис.

– То есть мы лезем в склеп, достаем ту вещицу, а потом вы велите кому-то из своих сопровождать нас до того места, где можно будет уже не опасаться псов?

– Врут они все, – буркнул Оливер, – и псов боятся до смерти, как и Зверя...

– Да какая вам разница? – не выдержала Мэри. – Вы же решили побывать в склепе! Или нет? Ведь вас разбирает любопытство, вы не успокоитесь, пока не выясните, что там такое!

– Итак, – произнес Корнуолл, обращаясь к Лису, – вы обещаете?

– Обещаем, – откликнулся тот.

– Смотрите, – пригрозил Хэл, – а то мы с вами посчитаемся.

Глава 28

Вонь забиралась в ноздри и оглушала сознание, от нее першило в горле и выворачивало наизнанку желудок, а из глаз текли слезы. Омерзительная, чужеродная, она, казалось, возникла не на Земле, а попала на нее прямо из преисподней. Несколько часов подряд паломники устанавливали над отверстием в потолке склепа – Корнуолл, признаться, начал воспринимать его как выгребную яму – длинные шести в виде треножника, крепили к ним ворот и пропускали через него веревку.

Когда подготовительная работа наконец завершилась, Корнуолл перегнулся через край отверстия и бросил взгляд на гниющую массу внизу: не жидкую, не твердую, а какую-то желеобразную. Он сколько мог оттягивал момент спуска, но дальше медлить было уже нельзя. Вид разлагающейся массы и та вонь, что от нее исходила, имели нечто общее: и то и другое немедленно сказывалось на желудке. Вонь была отвратительна сама по себе, а лицемерие содержимого склепа делало ее почти непереносимой. Корнуолл судорожно задергался, однако его не вырвало: все, что было можно, он изрыгнул уже раньше.

– Давай я, Марк, – предложил Джиб. – На меня, похоже, не так действует...

– Ну да, – огрызнулся Корнуолл, – не ты ли чуть не выблевал все кишки?

– Но я легче, – не сдавался Джиб, – во мне от силы треть твоего веса, и спускать меня будет проще.

– Хватит, Джиб, – буркнул Плакси. – Мы это уже обсудили. Да, ты легче, легче и слабее Марка.

– Ну и что?

– Ту штуку просто так не вытянешь, – сказал Хэл. – Она выросла на теле Зверя и, вполне возможно, до сих пор цепляется за него корнями.

– Да его тело наполовину сгнило! – воскликнул Джиб. – Не тело, а лужа какая-то, честное слово!

– Тогда, – заметил Корнуолл, – клетка, или что она там такое, наверняка бы утонула.

– Откуда ты знаешь? – фыркнул Джиб. – Может, она плавучая.

– Ладно, все, – сказал Корнуолл. – Плакси прав, и нечего заводить один и тот же разговор по второму кругу. Что решили, то решили. Я сильнее любого из вас, и моя сила может мне пригодиться. Я ухватюсь за клетку, крикну вам, и вы потащите меня вверх. Надеюсь, вместе мы с ней справимся. Если нет, позовете остальных. Я имею в виду Мэри. А где, черт побери, Мэри?

– Она пошла разводить костер, – сообщил Плакси. – Когда мы вылезем оттуда, нам не помешает искупаться в горячей воде...

– Одной водой тут не обойдешься, – сказал Оливер.

– Толстопузый дал нам мыло, – ответил Плакси.

– Интересно, зачем им мыло? – подумал вслух Оливер. – Судя по тому, как от них несет, они им никогда не пользовались.

– Кончайте болтать! – прикрикнул Корнуолл. – При чем тут мыло? При чем тут горячая вода? Костер вполне мог бы развести кто-нибудь из вас, а Мэри нужна здесь – чтобы тянуть веревку и... – Он оборвал сам себя. Ему стало стыдно. И чего он раскричался? Все дело в проклятой вонючке: она терзала внутренности, раздражала, донимала рассудок, могла превратить нормального человека в настоящего маньяка. – Ну что, беремся?

– Я приведу Мэри, – сказал Оливер, – приведу ее и присмотрю за костром.

– Забудь про костер, – посоветовал Хэл. – Возвращайся вместе с ней. Нам может понадобиться твоя помощь.

– Был бы у нас крюк, – вздохнул Джиб, – мы бы зацепили им ту штуковину, и вся недолга.

– У нас нет крюка, – отозвался Хэл, – и нам не из чего его сделать. В замковой кузнице ни кусочка металла...

– Припрятали, – убежденно заявил Плакси, – точно, припрятали – и попрятались сами. Как сквозь землю провалились.

– Можно взять чугунок, – предложил Джиб.

– Обвязывайте меня веревкой, – велел Корнуолл. – Так будет верней и проще.

– Ты задохнешься, – сказал Плакси.

– Не задохнусь, если закрою рот и нос поясом.

– Проверь узел, – бросил Хэлу Плакси. – Если Марк упадет туда, он не сможет выбраться.

– Не учи ученого, – буркнул Хэл. – Вот тебе, мертвая петля. Ну как? – спросил он Корнуолла.

– Превосходно. Дай мне пояс. – Корнуолл обмотал лицо, вернее, нижнюю его часть.

– Стой спокойно, – сказал Джиб. – Я сейчас его завяжу.

В этот миг вернулся Оливер, вслед за которым поднялась по лесенке Мэри.

– Все в сборе, – проговорил Хэл. – Ну-ка, разом, только потихоньку!

Корнуолл свесил в отверстие голову – и судорожно сглотнул. Пояс на лице в известной степени защищал его от вони, однако он не сообразил зажмурить глаза. Внизу растекалась по полу склепа разложившаяся масса, такая лужа гнили, желто-зеленая с вкраплениями красного и черного. В ней как будто наличествовало течение, такое слабое, что заметить какое-либо движение было невозможно – оно чувствовалось; казалось, труп живет своей собственной жизнью. Корнуолл заскрежетал зубами, на глаза у него навернулись слезы. Он понял, что долго там не протянет. Нужно разобраться со всем как можно быстрее, чтобы поскорее очутиться на свежем воздухе. Он согнул в локте правую руку, словно проверяя, не подведет ли она его в решающий миг. Веревка на груди затянулась чуть туже.

– Порядок, Марк, – сказал Хэл.

Корнуолл спрыгнул в отверстие и повис между потолком склепа и мерзостной лужей на полу. Он качнулся туда-сюда, потом остановился. Сверху донесся голос Хэла:

– Осторожно! Медленнее, медленнее!

Вонь обрушилась на Корнуолла, окружила его, обволокла и поглотила. Пояса оказалось недостаточно. Вонь свободно проникала через ткань, он задыхался, его желудок сперва будто взлетел к самому горлу, а потом словно рухнул в бездну, рот наполнился неизвестно откуда взявшейся рвотой, и выплюнуть ее, из-за пояса, было невозможно. Он ослеп и потерял ориентацию, попытался закричать, но с языка не шли никакие звуки. Он замахал руками и внезапно различил внизу отвратительную массу. Ему почудилось, что та бурлит. Вот она вспухла волной и покатила на него, не достала и опала. Она выглядела какой-то маслянистой, и от нее исходила омерзительная вонь. Следующая волна ударила в стену склепа и отхлынула обратно, не как вода, а по-особенному – неторопливо, даже торжественно, будто сознавая свою мощь. На обратном пути она вздыбилась прямо под ним и окатила его с ног до головы. Он вскинул руки и принялся отчаянно тереть глаза, которые залепила гнусная слизь. Его желудок корчился в спазмах. К горлу вновь подкатила тошнота, но на этот раз в рот не попало даже желчи. Несмотря на все старания, пленка на глазах не желала стираться, и ему почудилось, что зрение слабеет, что он мало-помалу движется к небытию, в те пределы, где не встретить живых существ. Он не чувствовал, как его вытягивали вверх, но у самого отверстия, перед тем как его оттуда извлекли, пришел в себя ровно настолько, чтобы понять, что все не так плохо. Под ногами Корнуолла появилось нечто твердое, но тут колени его подломились и он рухнул навзничь и распластался на камнях, по-прежнему слабо пытаясь изрыгнуть из себя отсутствующую рвоту. Кто-то вытер ему лицо.

– С тобой все в порядке, Марк. Мы тебя вытащили, – сказал чей-то голос.

А другой, в стороне, прибавил:

– Я же говорил, Зверь жив. Он не умер. Теперь понятно, чего испугались те мерзавцы. Нас обвели вокруг пальца, ясно тебе, обвели вокруг пальца!

Корнуолл кое-как ухитрился встать на колени. Кто-то вылил на него воду из ведра. Он хотел было что-то сказать, но обнаружил, что рот все еще завязан пропитанным рвотой и вонью поясом. И тут чьи-то руки сорвали пояс, и он обрел свободу. Он увидел перед собой лицо Джиба. Тот соорудил гримасу:

– Ну и дрянь. Давай раздевайся и иди мыться. Вода согрелась, мыло на кадке.

Глава 29

Оливер с Енотом примостились на краешке кадки.

– Говорил тебе, не лезь, – ворчал Оливер. – Местные знали, что Зверь не умер, потому и не совались в склеп...

– Да умер он, – возразил Плакси, – умер и сгнил. Просто тут замешано колдовство. Склеп заколдован.

– Как же можно заколдовать склеп? – поразился Оливер. – Он ведь неживой, он каменный.

– Надо придумать что-нибудь другое, – проговорил Джиб. – Если взять нашу железную сковородку, отломить от нее ручку, нагреть и согнуть...

– Получится то же самое, – закончил Хэл. – Зверь не позволит нам забрать у него ту штуку.

– Никого не видно? – справился Корнуолл. – Ни Толстопузого, ни Лиса?

– Нет, – ответил Хэл. – Мы обыскали замок сверху донизу. Они все куда-то подевались.

– Если понадобится, – проворчал Корнуолл, – мы разберем его по камушку, но отыщем их. Тоже мне шутники выискались.

– Мы должны достать клетку, – сказала Мэри. – Мы же заключили сделку. На равнине кишмя кишат псы. Самим нам не выбраться.

– А с чего ты взяла, что они сдержат свое обещание? – фыркнул Плакси. – Они одурачили нас и теперь сидят где-нибудь хихикают. Им зачем-то нужна та штуковина, и они готовы были посулить золотые горы...

– Можно развалить склеп, – предложил Джиб. – На это уйдет не много времени...

– Все, чище некуда, – заявил Корнуолл. – Я вылезая. Эй, киньте мне мои брюки.

– Они еще не высохли, – сказала Мэри, указывая на веревку, на которой сушились вещи.

– Похожу в сырых, – отмахнулся Корнуолл. – Надо что-то предпринять. Пожалуй, Джиб прав. Развалим склеп и...

– Стоит ли вообще возиться с ним? – произнес с сомнением в голосе Хэл. – Мы наверняка справимся с псами. Гибель великана остудила их пыл. Они не станут упорствовать.

– У нас осталось всего лишь две дюжины стрел, – напомнил ему Джиб, – и пополнения запасов не предвидится. Выходит, вся тяжесть битвы ляжет на нас с Марком.

– Но такое оружие, как твой топор или его клинок, стоит дюжины обыкновенных мечей, – заметил Плакси.

Енот плюхнулся в кадку. Корнуолл ухватил его за загривок, привстал и уронил зверька на землю. Тот встряхнулся и забрызгал всех пахучей мыльной водой.

– Вот твои брюки, – сказала Мэри Корнуоллу. – Смотри не простудись.

– Спасибо, – поблагодарил Корнуолл. – Они скоро высохнут.

– Старая добрая шерсть, – проговорил Хэл. – Еще никто не простужался в мокрой шерсти.

– Давайте еще раз все обсудим, – сказал Корнуолл, вылезая из кадки и натягивая брюки. – Здешние хотят кое-что получить. Это «кое-что», похоже, обладает для них известной ценностью, следовательно, может пригодиться и нам. В любом случае мы должны, на мой взгляд, достать его и узнать, что оно собой представляет. А потом мы разыщем Толстопузого и остальных и учиним им допрос с пристрастием. Но до тех пор, пока у нас в руках не окажется та штука из склепа, внятного разговора не получится. Разумеется, исход более чем сомнителен, однако...

– Существует другая возможность, – произнес Оливер. – Рог единорога. Ну, тот, что у Мэри. Колдовство против колдовства.

– Не уверен, что он нам поможет, – покачал головой Плакси. – Колдовать – не кашу варить.

– Я долго думал, – продолжал Оливер. – Конечно, даме не пристало спускаться в такую дыру...

– Вот именно, – буркнул Корнуолл. – Давайте рог мне, и я снова попытаю счастья.

– У тебя ничего не выйдет, – возразил Оливер, – как и у любого из нас, за исключением Мэри. Магия рога доступна только ей.

– Тогда будем разбирать склеп, – подытожил Корнуолл, – если, разумеется, никто не предложит чего-нибудь получше. Но Мэри я туда не пушу.

– Послушай, – сказала Мэри, – ты не имеешь права не пускать меня, не можешь указывать мне, что делать, а что – нет. Я ничем не хуже вас и требую, чтобы мне позволили делить с остальными все трудности. Я несла рог много миль, хотя он здорово мне мешал. Если от него будет какая-то польза...

– Откуда ты знаешь, что от него будет польза? – воскликнул Корнуолл. – А что, если он не сработает? Что, если ты свалишься туда?..

– Попробовать все равно надо, – ответила Мэри. – Раз Оливер считает, что от попытки может быть толк, значит стоит попытаться.

– Давай сначала я, – не отступал Корнуолл.

– Марк, – вмешался Хэл, – ты ведешь себя неразумно. Пусть Мэри попытается. Мы спустим ее в склеп, а если там хоть что-нибудь шевельнется, немедленно вытащим.

– Там, внизу, просто ужасно, – пробормотал Корнуолл. – Сплошная мерзость. А уж вонь!

– Если все получится, – заметил Оливер, – она не пробудет там и минуты. Туда-сюда – и готово...

– Она не сумеет выдернуть клетку, – упорствовал Корнуолл. – Та наверняка тяжелая. Да, она или не сумеет выдернуть ее, или не удержит в руках.

– Мы сделаем крюк, – сказал Хэл, – и привяжем его к веревке. Мэри зацепит им клетку, и мы вытянем сразу и ее, и то, из-за чего разгорелся весь сыр-бор.

– Ты в самом деле хочешь спуститься? – спросил Корнуолл у Мэри.

– Нет, не хочу, – отозвалась она, – да и ты не хотел, но полез. Пожалуйста, Марк, разреши мне попробовать.

– Надеюсь, что мы не промахнемся, – буркнул Плакси, – хотя, по правде говоря, сомнительно, что наша затея выгорит.

Глава 30

Они не ограничились петлей, а приготовили для Мэри сиденье, как на качелях, к которому ее можно было привязать. Рог тоже обмотали веревкой, чтобы он висел у нее над плечом, ибо держать его было весьма неудобно. Таким образом, у нее оставались свободными обе руки и она могла ухватиться за крюк, который прикрепили к еще одной веревке, пропущенной через второй ворот. Наконец пришло время спускаться.

– Мое платье, – проговорила Мэри. – Оно у меня единственное. Если я его запачкаю...

– Ерунда, – уверил ее Хэл, – стираем.

– А если нет?

– Сними его, – посоветовал Плакси. – Спускайся так. Мы не возражаем.

– Ну уж нет! – воскликнул Корнуолл. – Это уж слишком!

– Плакси, – произнес сурово Хэл, – ты зашел чересчур далеко. Я знал, что скромность тебе неведома, но...

– Прости его, – сказал Джиб, обращаясь к Мэри. – Он у нас бестолковый.

– Откровенно говоря, я не прочь, – промолвила Мэри. – Другого платья у меня нет. Если бы вы...

– Нет, – отрезал Корнуолл.

– Пока ты будешь отмываться, я выстираю его, – сказал Оливер. – Вот увидишь, оно будет как новое.

– Ты чувствовал мою наготу, – проговорила Мэри, глядя на Корнуолла.

– Нет, – проговорил тот сдавленным голосом.

Тогда Мэри подобрала подол платья, обвязала его веревкой вокруг бедер и уселась на сиденье, предварительно обернув лицо куском ткани, смоченным в уксусе, в поисках которого Оливер перерыл все шкафы и шкафчики в замковой кухне: возможно, острый запах уксуса хоть немного ослабит вонь. Затем ее спустили в отверстие. Масса внизу на какое-то мгновение вскипела, но тут же опала. Спуск проходил быстро. Поверхность омерзительной лужи пребывала в непрерывном движении, однако всплесков и выбросов слизи пока не было.

– Действует, – произнес сквозь зубы Джиб. – Рог действует!

– Не волнуйся! – крикнул Мэри Корнуолл. – Хватайся за крюк. Мы спустим тебя еще на фут.

Девушка подчинилась. Крюк находился прямо над клеткой.

– Пора, – сказал Хэл.

Крюк скользнул по двум металлическим прутьям – и зацепился. Джиб, который держал привязанную к крюку веревку, дернул ее и воскликнул:

– Готово!

Корнуолл кинулся вытягивать Мэри. Ему на помощь поспешили другие, и вскоре девушка очутилась на свежем воздухе. Она пошатнулась; Корнуолл поддержал ее и сорвал с лица пропитанную уксусом ткань. Мэри подарила ему признательный взгляд. В ее глазах стояли слезы. Корнуолл осторожно вытер их.

– Ужас, – выдавила Мэри. – Впрочем, ты знаешь, ты же там был. Тебе, наверно, пришлось куда хуже.

– Как ты себя чувствуешь?

– Ничего. Вот только запах...

– Тебе осталось потерпеть совсем чуть-чуть. Сейчас достанем ту штуковину – и все. – Корнуолл повернулся к Джибу. – Так что за рыбину мы поймали?

– Кто ее разберет, – ответил Джиб. – Лично я таких не видывал.

– Вытаскивай ее, пока ничего не случилось.

– Она уже близко, – заметил Хэл, – почти рядом. А Зверь начинает бесноваться.

– Вот она! – крикнул Оливер.

Из отверстия показался крюк, а за ним – диковинный предмет, отнюдь не клетка и не шар. На шар была похожа лишь верхняя его часть.

– Скорее! – поторопил Хэл. – Снимайте его. Зверь, похоже, хочет нас слопать!

В следующий миг слизь выплеснулась из склепа через отверстие в потолке, застыла на мгновение в воздухе – и рухнула обратно, оставив следы на близлежащих камнях.

Корнуолл разглядывал предмет, ища, за что бы его ухватить. Как ни странно, тот отдаленно напоминал человека: голова-шар, цилиндрическое, бочкообразное туловище, примерно двух футов в поперечнике и четырех длиной. От туловища отходили три металлические конструкции, которые, вполне возможно, служили ногами, тогда как рук не было вообще. Хэл взялся за одну из ног и потянул предмет на себя. Корнуолл помог ему, и общими усилиями они выдернули металлического монстра из отверстия. Вслед ему метнулась волна слизи; внушающая неодолимое отвращение масса растекалась по платформе, которая опоясывала вершину холмообразного склепа.

Они сбежали по лесенке во двор замка. Джиб с Хэлом волочили за собой по ступенькам трехногое чудовище. Внизу они поставили его на землю и отступили в сторону. Чудовище постояло, словно раздумывая, а потом сделало шаг, другой, развернулось, покрутило головой; друзьям показалось, что оно смотрит на них, хотя никаких глаз у него вроде бы не наблюдалось.

– Оно живое, – прошептала Мэри.

– Как по-твоему, – спросил Хэл у Плакси, – что это такое?

Гном покачал головой.

– Сдается мне, с ним все в порядке, – заметил Джиб. – На нас оно, во всяком случае, не сердится.

– Лучше подождать, – сказал осмотрительный Хэл.

Внутри клетки-шара, которая являлась головой чудовища, находилось нечто похожее на серебристое, сверкающее яйцо. Бочкообразное туловище, на котором красовалась голова, испещряли многочисленные, как будто пробитые гвоздем дырочки. Ноги располагались таким образом, что определить, где перед монстра, а где – зад, было невозможно. Судя по всему, тварь была изготовлена из металла, однако суждение это основывалось исключительно на зрительном впечатлении.

– Отпрыск Зверя Хаоса, – предположил Корнуолл.

– Может быть, – согласился Хэл. – Отпрыск или призрак.

– Надо спросить у местных, – сказала Мэри. – Они наверняка знают.

Однако местных по-прежнему нигде не было видно.

Глава 31

Они помылись, выстирали одежду, приготовили и съели ужин. Временами со стороны склепа доносился малоприятный запах, но в остальном все было спокойно. Лошади неторопливо жевали сено: они отыскивали в углу замкового двора копешку, которая стояла там, по видимому, с очень давних пор. Вокруг похрюкивали свиньи; словом, все как днем, правда, за двумя исключениями: цыплята отправились ночевать в курятник, а обитатели замка все еще отсиживались в своем укрытии.

– Я начинаю беспокоиться за них, – сказал Корнуолл. – Может, с ними что-то случилось?

– Они просто прячутся от нас, – заявил Плакси. – Им вовсе не хочется выполнять свое обещание, поэтому они прячутся и ждут, когда мы уйдем.

– Ты думаешь, они не помогут нам справиться с псами? – спросила Мэри.

– Я не поверил ни единому их слову, – буркнул Плакси.

– А вот псы никуда не делись, – заметил Джиб. – Я поднимался на стену перед тем, как село солнце: на равнине их видимо-невидимо.

– Что будем делать? – поинтересовался Оливер. – Мы же не можем остаться тут навсегда.

– Обождем, – решил Корнуолл. – Рано или поздно что-нибудь обязательно произойдет.

С наступлением ночи на востоке взошла луна. Хэл подбросил в костер дров, и тот разгорелся с новой силой. Извлеченное из склепа существо бродило по двору, словно к чему-то приюхиваясь.

– Назовем его Жестяным Ведром, – предложил Хэл. – Интересно, что у него на уме? Какой-то он пугливый.

– Присматривается, – сказал Джиб. – Оказался в новом для себя мире и, сдастся мне, не уверен, что он ему нравится.

– Да нет, не то, – возразил Хэл. – По-моему, он чем-то встревожен. Может, он знает то, что неизвестно нам?

– В таком случае, – проворчал Плакси, – он, я надеюсь, не станет делиться своим знанием с нами. У нас и без того достаточно хлопот. Мы в ловушке среди каменных развалин, хозяева которых укрылись от нас там, где нам их наверняка не найти, а вокруг полным-полно адских псов. Им известно, что когда-нибудь нам придется выйти на равнину, и уж тогда они отыграются, отплатят нам за все унижения.

– Я пошел на стену, – объявил Корнуолл, вставая. – Погляжу, как дела.

– Лестница слева от тебя, – сказал Джиб. – Будь осторожен: ступеньки все стертые и скользкие.

Лестница была крутой и длинной, но в итоге Корнуолл добрался до парапета стены, достигавшего там, где кладка еще не осыпалась, в высоту трех футов. Стоило ему положить на парапет руку, как из-под ладони вывалился и полетел вниз очередной камень. На равнине места, залитые лунным светом, перемежались глубокими тенями, различить среди которых псов было весьма и весьма затруднительно. Несколько раз Корнуоллу казалось, будто он замечает какое-то движение, однако полной уверенности у него не было.

С севера задувал холодный ветер. Корнуолл вздрогнул. «Да, – сказал он себе, – прошли те времена, когда ты дрожал только от холода». Сидя с товарищами у костра, он старался не показывать им своей озабоченности, но теперь, наедине с самим собой, мог не притворяться. Они угодили в западню, выхода из которой пока не было и в помине. Корнуолл понимал, что попытка пробиться с боем обречена на провал. Они располагали всего-навсего мечом, топором и луком с двумя дюжинами стрел. Ну да, меч колдовской – зато меченосец никудышный. Разумеется, Хэл отлично стреляет из лука, но разве он сумеет в одиночку выстоять против целой своры? А Джиб настолько мал ростом, что с ним справится любой пес.

Поодаль взмыла с криком в небо ночная птица, взлетела и закружилась над равниной. «Что-то спугнуло ее, – подумал Корнуолл, – не иначе как неугомонные псы». Птица полетела прочь, и крики ее постепенно затихли, но на смену им пришел другой звук, такой тихий, что Корнуолл поначалу едва расслышал его. Чуть только он напряг слух, как его прошиб холодный пот: ему почудилось, что он слышит этот звук не впервые. Между тем тот изменился в тональности, каким-то образом перескочил со стрекотания на гудение. И тут Корнуолл вспомнил – вспомнил ту ночь, когда к костру выкатилась из темноты отрубленная человеческая голова. Гудение перешло в надрывный плач, словно на равнине изнывало в муках некое насмерть перепуганное создание. Плач делался то громче, то тише: дикая, ужасная музыка, которая отдавала безумием и от которой стыла в жилах кровь. «Темный Дудочник, – мысленно воскликнул Корнуолл, – к нам вновь пожаловал Темный Дудочник!»

Услышав за спиной звяканье и стук камня о камень, он резко обернулся. На его глазах из парапета вывалился еще один булыжник, а затем над стеной поднялась сфера голубоватого света. Он отшатнулся, положил было ладонь на рукоять клинка, но тут же сообразил, что бояться нечего: то ковылял по крутой и ветхой лестнице Жестяное Ведро. Наконец металлическая тварь взобралась на стену, ее тело засверкало в лучах луны; шаровидная голова светилась собственным светом. Корнуолл заметил, что у Жестяного Ведро появились, если можно так выразиться, руки: из отверстий на туловище монстра выросли, или высунулись, несколько щупалец. Монстр медленно приближался, а человек пятился до тех пор, пока не уперся спиной в парпет. Одно из щупалец легло ему на плечо. Другое указало на равнину, затем как бы переломилось пополам, образовав на последней четверти своей длины букву «Z». Это самое «Z» было устремлено во мрак за стеной замка. Дудка замолчала, ее пение сменилось грозной тишиной. Щупальце с «Z» на конце вновь указало на равнину.

– Ты спятил, – буркнул Корнуолл. – Туда нас не заманишь никакими посулами.

Жестяное Ведро, похоже, настаивал на своем.

– Нет, – произнес Корнуолл, качая головой. – Впрочем, может, я неправильно тебя понял? Может, ты разумеешь иное?

Третье щупальце, распрямившись со щелчком, ткнуло в сторону лестницы, что вела во двор замка.

– Ладно, ладно, – сказал Корнуолл, – пошли разберемся.

Он оторвался от парапета, подошел к лестнице и начал спускаться; Жестяное Ведро следовал за ним по пятам. Завидев их, сидевшие у костра повскакивали. Хэл двинулся навстречу Корнуоллу.

– Что случилось? – спросил он. – Какие-нибудь неприятности с нашим новым другом?

– Вряд ли, – откликнулся Корнуолл. – Он пытался мне что-то растолковать. По-моему, он хочет, чтобы мы покинули замок. А на равнине объявился Темный Дудочник.

– Темный Дудочник?

– Он самый. Помнишь ночь накануне встречи с Джонсом?

– Остальным не говори, – произнес, поежившись, Хэл. – Я имею в виду Дудочника. Ты точно слышал его? До нас не донеслось ни звука.

– Точно. Наверно, из-за того, что был наверху. Но как быть с нашим приятелем? Он требует, чтобы мы ушли.

– Но мы не можем, – возразил Хэл. – Откуда нам знать, что нас ждет на равнине? Вот если утром...

Жестяное Ведро тем временем остановился у ворот и указал на них добрым десятком высунувшихся из тела щупалец.

– Знаешь, – проговорил Хэл, – он и впрямь зовет нас уйти.

– Но почему? – удивился подошедший Джиб.

– Возможно, ему известно то, чего не знаем мы, – отозвался Хэл. – Помнится, я уже говорил нечто похожее.

– Но там же псы! – воскликнула Мэри.

– Я не думаю, что он желает нам зла, – сказал Оливер. – Мы вытащили его из склепа. Он должен быть нам признателен.

– А с чего ты взял, что ему там было плохо? – хмыкнул Плакси. – Может, мы, наоборот, рассердили его и он хочет нам отомстить.

– Как бы то ни было, – сказал Корнуолл, – пожалуй, следует навьючить лошадей и быть готовыми к уходу, как только что-нибудь произойдет.

– А что может произойти? – спросил Плакси.

– Что угодно, – оборвал его Хэл, – или ничего вообще, но лучше подготовиться ко всяким неожиданностям.

Джиб с Оливером отправились ловить лошадей. Потом животных оседлали и навьючили на них поклажу. Недовольные тем, что им не позволили дожевать сено, лошади стучали по земле копытами и трясли гривами. Жестяное Ведро отошел от ворот и подковылял к огню.

– Посмотрите на него! – воскликнул Плакси. – Ну и жулик, устроил переполох – и в кусты! Размышляет у костра! Шуточки у него, однако! А мы-то, мы-то – бегаем, понимаешь, суетимся...

– Подожди немного, – посоветовал ему Джиб. – Видно, время уходить еще не пришло.

Все случилось совершенно внезапно. На востоке вспыхнул ослепительный свет, в небо с ревом взмыло огненное колесо. Когда оно достигло зенита, рев перешел в пронзительный визг, и с этим визгом оно развернулось и устремилось к замку. Луна затерялась в его сиянии, каменные стены замка выступили из ночного мрака во всей своей неприглядности, выставили на всеобщее обозрение дыры и трещины. Впечатление было такое, будто замок перестал быть настоящим и оказался вдруг рисунком, который выполнили жирным черным карандашом на белой бумаге. Корнуолл с Джибом кинулись к вороту, который поднимал решетку замка. Хэл бросился им на помощь. Втроем они навалились на ворот, и решетка медленно поползла вверх. Огненный круг тем временем ринулся вниз; мир, казалось, вот-вот не выдержит его свечения и душераздирающего визга. От него исходил испепеляющий жар. Он промчался над замком, едва не задев сторожевые башенки, сделал в воздухе петлю и рванулся обратно. Лошади, обезумев от испуга, с ржанием носились по двору; одна из них споткнулась и, не устояв на ногах, повалилась в костер.

– Хватит! – крикнул Корнуолл. – Надо поймать лошадей!

Но с лошадьми у них ничего не вышло. Те все скопом поскакали к воротам. Корнуолл прыгнул на одну из них в надежде ухватиться за уздечку, уже достал до упряжи, но не сумел сомкнуть пальцы, рухнул на землю и получил копытом по ребрам. Разъяренный, он немедленно вскочил, но было уже поздно: животные пересекли подъемный мост и вылетели на равнину. Корнуолл увидел, как одна из лошадей встала на дыбы, чтобы скинуть с себя поклажу, благо веревки, которыми были привязаны вьюки, на скаку ослабли.

– Бежим! – воскликнул Хэл, дергая Корнуолла за рукав. – Бежим отсюда!

Все остальные намного опередили их. Первым, поджав хвост и шарахаясь из стороны в сторону, мчался Енот.

– Хорош, нечего сказать! – буркнул Хэл. – Трус несчастный!

Равнина была освещена столь ярко, словно над ней взошло солнце; однако в ослепительном сиянии огненного колеса тени ложились на землю самым невероятным образом, так что местность сильно смахивала на пейзаж из кошмарного сна.

Корнуолл сообразил вдруг, что бежит, хотя и не думал никуда бежать, бежит потому, что бегут другие, потому, что ничего иного не остается, потому, что все прочее лишено смысла. Перед ним с гулким топотом несся Жестяное Ведро; Корнуолл с удивлением отметил, что,

несмотря на серьезность положения, в котором они очутились, ему в голову приходят шальные мысли, вроде той, как умудряется металлическое чудовище бежать на трех ногах, ведь три ноги – чрезвычайно неудобное количество. Лошади, как, впрочем, и адские псы, куда-то исчезли. «Ну разумеется, – сказал он себе, – псов тут быть и не должно. Они, скорее всего, дунули прочь без оглядки в тот самый миг, когда над замком возникло огненное колесо, и будут улепетывать добрых три дня подряд».

Внезапно его товарищи словно провалились сквозь землю. Ловушка, подумал Корнуолл, впереди ловушка, и попытался замедлить бег, но в следующее мгновение твердая почва ушла у него из-под ног, и он нырнул в ничто. Он упал на спину и ударился так сильно, что у него пресеклось дыхание.

– Снимите с меня Ведро! – вопил где-то рядом Плакси.

– Марк, – позвала Мэри, – как ты там?

Она наклонилась над ним, он различил ее лицо, встряхнулся и кое-как сел.

– Что случилось? – спросил он.

– Мы угодили в канаву, – ответила Мэри.

– Нам лучше оставаться здесь, – проговорил Хэл, который лазил наверх посмотреть, что творится вокруг. – Укрытие у нас надежное.

– В небе с полдюжины колес, – сказала Мэри.

– Мне кажется, – заметил Хэл, – они охотятся не за нами. Им нужен замок.

– Лошади ускакали, – подал голос Джиб, – вместе со всеми нашими припасами.

– Они скинули два-три мешка, – возразил Оливер. – Мы потом их подберем.

– Слезь с меня, чучело железное! – гаркнул Плакси. – Дай мне встать!

– Пожалуй, – проговорил Хэл, – надо ему помочь.

Корнуолл огляделся по сторонам. Стенки канавы, в которой они оказались, имели в высоту около пяти футов и более или менее защищали от яркого света огненных колес. Он ползком подобрался к той стене, которая была обращена к замку, и осторожно выглянул. Колес, как и говорила Мэри, стало больше. Они вращались в небе над замком, окутывая его пеленой ослепительного сияния. Их рев сменился басовитым, утробным гудением, от которого сотрясалось все тело. На его глазах одна из сторожевых башенок рассыпалась в пыль с грохотом, перекрывшим на миг гудение колес.

– Их пять штук, – сказала Мэри. – Как по-твоему, что они такое?

Корнуолл не ответил. Откуда ему было знать? Колдовство, мелькнула у него мысль, но он сразу же отказался от нее, припомнив упрек Джонса: мол, всякий раз, когда ему встречается нечто непонятное, он готов приписать его непостижимость действию колдовства. Тем не менее ничего подобного никогда не случалось; в тех древних книгах, которые он проштудировал, ему не попалось ни единого упоминания... Хотя... «Погоди-ка, – сказал он себе. – Одно упоминание все-таки было, причем там, где его меньше всего можно было бы ожидать. Книга Иезекииля, глава первая». Корнуолл напряг память, но не сумел вспомнить, что именно было написано в той главе, хоть и сообразил, что речь там шла о чем-то гораздо более серьезном, нежели огненные колеса. «Да, – вздохнул он про себя, – надо было поменьше копаться в старинных рукописях и почаще заглядывать в Библию».

Огненные колеса образовали над замком кольцо. Они быстро вращались вокруг собственной оси, мало-помалу снижаясь и смыкаясь друг с другом, и наконец слились в одно громадное колесо, которое зависло над каменным сооружением. Басовитое гудение перешло в дикий вой, колесо принялось вращаться с умопомрачительной скоростью, сокращаясь в диаметре и неуклонно надвигаясь на замок. Башни и башенки рушились одна за другой, и сквозь вой доносился порой грохот падающих камней. Из огненного колеса вырвалась голубоватая молния, а следом прогремел гром; его раскат был столь мощным, что земля содрогнулась. Корнуолл инстинктивно обхватил голову руками, но спрятаться в канаву не догадался – настолько

его зачаровало диковинное зрелище. Рядом с ним примостилась Мэри, а чуть подалее кто-то – должно быть, Плакси – верещал дурным от испуга голосом. Молнии полосовали небо, лишь немногим уступая в яркости огромному колесу, по земле словно прокатывались волны, а шум стоял такой, что чудилось – над равниной разбушевалась стихия.

Из середины колеса выплывало огромное облако. Наблюдая за ним, Корнуолл вдруг понял, что видит перед собой каменную пыль, которая поднимается сквозь кольцо, точно дым по трубе. Неожиданно все закончилось. Колесо взмыло вверх и распалось на пять меньших по размерам; те взлетели еще выше, двинулись на восток и в мгновение ока пропали из виду. В мир возвратилась тишина, которую теперь нарушали разве что звуки, исходившие от кучи камней, которая совсем недавно была замком Зверя Хаоса.

Глава 32

На третий день пути, ближе к вечеру, им посчастливилось набрести на небольшую речушку. Местность заметно изменилась. На смену бесплодной почве Выжженной Равнины пришла чуть менее сухая и чуть более плодородная земля предгорий. Уже на закате первого дня они различили вдалеке смутные очертания Туманных Гор, а теперь, когда они вышли к речушке, горы возвышались, казалось, буквально в двух шагах. До них оставалось совсем немного – наверно, один дневной переход. Они высились на горизонте – могучие остроконечные пики, вершины которых будто пронзали небо.

Вода у путников закончилась к полудню второго дня, ибо среди той поклажи, которую сбросили с себя перепуганные лошади, нашелся один-единственный бурдюк с драгоценной влагой. Несколько часов паломники пытались раскопать колодец во дворе замка, но вынуждены были отступить, поскольку камни, громоздившиеся над колодцем, все время грозили осыпаться и кого-нибудь придавить.

Встав лагерем на берегу потока, они развели костер и принялись готовить еду.

– Останется только на завтрак, – сказала Мэри. – Кукурузная мука на исходе.

– Я думаю, нам удастся настрелять дичи, – отозвался Хэл. – Излишеств не обещаю, но голодать не придется.

К огню подсел Плакси.

– Ничего подозрительного, – сказал он. – Я осмотрел все вокруг. Никаких следов, даже старых. Похоже, кроме нас, сюда вообще никто не заходил, да и нам тут не место. Нам давно надо было бы вернуться.

– Мы прошли полпути, если не больше, – возразил Джиб. – К тому же топор, который принадлежит Древним, по-прежнему у нас.

– «Древние, Древние», – передразнил Плакси. – Если мы их отыщем, они отберут у нас твой топорик, а в награду размозжат нам головы.

– Хватит ныть, Плакси, – проворчал Хэл. – Да, нам пока не слишком везет, мы потеряли лошадей и почти все припасы, однако выбрались из замка без единой царапины, хотя вполне можно было ожидать худшего.

– Ну да, – отозвался Плакси, – сдастся мне, что, когда к нам заявится Тот-Кто-Размышляет-На-Горе, чтобы дать хорошего пинка, ты скажешь: «Нам повезло, что он...»

– Замолчите вы оба! – воскликнула Мэри. – Как вы можете ссориться? Так или иначе, мы здесь, мы нашли воду до того, как начали страдать от ее отсутствия, и...

– Не знаю, как вы, – проговорил Плакси, – а я изнывал от жажды. Мне так хотелось пить, что я аж принялся плевать пылью.

К костру подошел Жестяное Ведро, подошел – и застыл в неподвижности возле огня.

– Не понимаю я его, – буркнул Джиб. – Делать ничего не делает, говорить не говорит и слышать, похоже, не слышит.

– Не забывай, что спас нас не кто иной, как он, – заметил Корнуолл. – Если бы не его предостережение, нам не удалось бы вовремя улизнуть...

– Вдобавок, – вставил Хэл, – он тащит на себе гораздо больше любого из нас. Он придерживает мешки этими своими щупальцами и...

– Если бы не он, – перебил Плакси, – мы бы не оказались замешанными в эту заваруху. Говорю вам, те колеса охотились на него. Что бы они собой ни представляли, они никогда бы не стали гоняться за нами или за теми паршивцами из замка. Мы им ни к чему. Они охотились либо за Зверем Хаоса, либо за Жестяным Ведром – понятно вам?

– Однако если бы не колеса, – сказал Джиб, – мы бы до сих пор сидели в замке. Колеса распугали адских псов, так что, пускай мы слегка поволновались, все закончилось как нельзя лучше.

– Смешно, право, – проговорил Оливер. – Сидим себе, рассуждаем о колесах и уже не помним, какого страху они на нас нагнали. С нами произошло нечто непостижимое и пугающее, к чему мы совершенно не были готовы, и тем не менее мы беседуем о колесах так, словно они попадают нам едва ли не каждый день и чуть ли не за каждым углом.

– Дело в том, – ответил Хэл, – что с нами случилось чересчур много такого, что можно назвать необычным. Мы привыкли к необычности, наши чувства притупились, мы очутились в положении, когда перестаешь изумляться, начинаешь воспринимать диковинки как что-то повседневное, заурядное. Еще недавно все мы жили обыденной, размеренной жизнью, которая текла день за днем без каких-либо происшествий, и мы радовались, что она такова. Мы свыклись с мыслью, что с нами ничего не происходит и не может произойти. А тут все наоборот: наше путешествие приучило нас к неожиданностям, и мы теперь редко чему удивляемся. Мы не обращаем на необычное внимания – может, потому, что нам некогда это делать.

– Я пораскинул мозгами насчет колес, – сказал Корнуолл, – и, пожалуй, склонен согласиться с Плакси: они охотились за Зверем Хаоса или за Ведром. Скорее все-таки за Зверем; вряд ли им было известно, что он мертв. А о существовании Ведра они или те, кто их послал, вероятно, и не догадывались.

– Почему ты так уверен? – фыркнул Плакси. – Если они знали о Звере, то вполне могли подсчитать, когда должен вылупиться Ведро.

– Весьма кстати, – проговорил Корнуолл. – За разговором о колесах мы как-то подзабыли о другом вопросе: что такое Зверь Хаоса и что такое Ведро? Может, он – второй Зверь?

– Лично я понятия не имею, как выглядел этот Зверь, – сказал Джиб. – Но раз Ведро родился от него, то может впоследствии в него и превратиться.

– Не исключено, – отозвался Корнуолл. – Недавно один знаменитый ученый из Оксфорда объявил, что ему удалось, посредством какого-то диковинного метода, превратить гусеницу в бабочку. Разумеется, ему не поверили, многие ученые сошлись на том, что он – шарлатан, в общем, посмеялись над ним вволю. Однако, на мой взгляд, он и впрямь мог добиться чего-нибудь эдакого. Сколько вокруг нас случается такого, чего мы не в силах понять! Возможно, его посылка верна, как возможно и то, что из Ведра вырастет новый Зверь Хаоса.

– Пожалуйста, – попросила Мэри, – не надо так говорить о Ведре в его присутствии. Послушать вас, так он – неодушевленное существо, предмет для обсуждения. А ведь он, наверно, способен слышать и понимать наши слова. Вы унижаете его.

– Посмотрите на Енота! – воскликнул Оливер. – Он подбирается все ближе к Ведру.

Хэл было приподнялся, но Корнуолл положил руку ему на плечо.

– Сиди, – сказал человек.

– Но Енот...

– Сиди, – повторил Корнуолл. – Они просто играют.

Ведро опустил одно из своих щупалец на землю, его кончик слегка подрагивал. Именно к этому кончику и подкрадывался Енот. Вот он собрался – и прыгнул; в последний миг, перед тем как он приземлился, кончик щупальца дернулся в сторону. Тогда Енот попробовал иной способ: он решил достать щупальце когтями – и в мгновение ока, явно вопреки своему желанию, оказался лежащим на спине. Вторым щупальцем Ведро ухватил его за хвост. Зверек извернулся, бросил сражаться с первым щупальцем и кинулся на второе.

– Ой, Ведро играет с ним! – прошептала Мэри. – Как будто с котенком. Он даже разрешает ему ловить щупальца!

– Разрази меня гром, – пробормотал Хэл.

– Значит, Ведро – живой, – заявила Мэри.

– Нет, – возразил Корнуолл. – К таким, как он, слово «живой» не подходит. Однако он откликается на приглашение поиграть, и это его хотя бы чуточку оживляет.

– Ужин готов, – сказала Мэри. – Наедайтесь, пока есть возможность. После завтрака ее не останется.

Енот с Ведром продолжали свою игру.

Глава 33

«Завтра, – подумал Корнуолл, – мы достигнем гор и попытаемся разыскать Древних. А после того как Древние найдутся – или не найдутся, – что дальше? Вряд ли кому-то захочется пускаться в обратный путь через Выжженную Равнину, не имея лошадей, тем более что нашего возвращения наверняка дожидаются адские псы. Впрочем, наверняка или нет – еще вопрос; однако псов никак нельзя сбрасывать со счетов».

Он сидел, опершись спиной о камень, на склоне холма, что полого спускался к реке. Слева мерцал во мраке огонек костра; Корнуолл различал фигуры товарищей, гревшихся у жаркого пламени. Он надеялся, что они на какое-то время забудут о нем: почему-то, сам не зная почему, он хотел побыть один. Может, чтобы поразмышлять? Да нет, время размышлений миновало. Думать надо было гораздо раньше, перед тем как соглашаться на подобную авантюру. Если бы они тогда удосужились подумать, хоть чуть-чуть, вполне возможно, никто бы никуда не пошел. К сожалению, решения принимались в обстоятельствах, когда на раздумья времени не оставалось. Он сам бежал из университета потому, что узнал: его проделка с манускриптом раскрыта. Между тем бежать не было никакой необходимости. Он спокойно мог бы отсидеться сколько нужно в университете или в городе. Да, он бежал только потому, что теперь мог с чистой совестью отправиться на поиски Древних. Что касается остальных, их заставило двинуться в путь то самое стечение обстоятельств, каким бы нелогичным оно ни представлялось. Быть может, все они бежали от той обыденности жизни, о которой рассуждали перед ужином Оливер с Хэлом.

За спиной Корнуолла послышались шаги. Он обернулся и вскочил. К нему шла Мэри.

– Я потеряла тебя, – сказала девушка. – Ты не против, если я посижу с тобой?

– Ну что ты! Я как раз сторожил место для тебя. – Он усадил ее на камень, потом опустился на землю рядом.

– Что ты здесь делал? – спросила Мэри.

– Думал, – ответил Корнуолл. – Задавал себе вопросы. Размышлял, правильно ли мы поступили, придя сюда, и как нам быть дальше. Разумеется, мы попытаемся отыскать Древних. А затем? А если мы их не найдем? Продолжим ли мы путь, шагая от приключения к приключению, только ради того, чтобы куда-то идти и открывать новое? Сдается мне – хоть до сих пор нам и везло, – при таком раскладе мы рано или поздно все погибнем.

– С нами все будет в порядке, – возразила она. – Что вдруг на тебя нашло? Мы отыщем Древних, Джиб отдаст им свой топорик, и все закончится так, как должно закончиться.

– Мы далеко от дома, – проговорил Корнуолл. – Быть может, дороги обратно не существует, а если и существует, то отнюдь не торная. Я беспокоюсь не за себя. Мне по большому счету все равно. У меня не было другого дома, кроме университета, а он, как ни крути, все-таки не дом, а лишь приют для уставшего путника. Правда, Оливер со мной, пожалуй, не согласится. Он привык к чердаку над библиотекой, где просидел на стропилах чуть ли не всю жизнь... У Джиба – болото, у Хэла с Енотом – их дерево, у Плакси – рудник и мастерская. А у тебя...

– А у меня дома нет, – перебила девушка. – Мои приемные родители умерли, так что меня ничто не связывает.

– Все произошло внезапно, – сказал он, – как бы само по себе, возникло из ничего... Я интересовался Древними. Вероятно, они привлекали меня как предмет научного исследования, тем не менее мой интерес мнился мне неподдельным. Не знаю почему. Я не сумею тебе объяснить, из-за чего меня тянуло к ним. Я изучил их язык, вернее, то, что считается их языком. Насколько мне известно, никто в них по-настоящему не верил. Потом я натолкнулся на тот манускрипт с рассказом старого путешественника...

– И решил увидеть все собственными глазами, – закончила Мэри. – Ну и что же в этом плохого?

– Ничего, пока все касалось меня одного. Если бы отшельник не умер и не передал Джибу перед смертью топорик! Если бы Джиб не спас меня от волков, если бы Хэл не был лесовиком и другом Джиба, если бы Плакси не выковал колдовской клинок! Если бы ничего подобного не случилось, то все обернулось бы иначе...

– Что случилось, то случилось, – проговорила Мэри. – В конце концов, сложились все по-другому, мы бы не встретились. Ты не имеешь права винить себя, потому что ни в чем не виноват; к тому же, взваливая выдуманную вину на себя, ты обижаешь своих товарищей. Мы все пошли за тобой по доброй воле. Никто из нас не жалеет о своем поступке.

– А Плакси?

– Ты про то, что он постоянно ноет? У него такой характер, такая манера себя вести. – Девушка положила голову на плечо Корнуоллу. – Брось, Марк. Мы пойдем дальше и найдем Древних, и все будет хорошо. Мы можем даже отыскать моих родителей или хотя бы что-то узнать о них.

– Пока их следы нам не попадались, – сказал Корнуолл. – Наверно, следовало расспросить тех обманщиков из замка, но мы были настолько заняты, что ни на что другое не отвлекались. Вот здесь я виноват точно. Мне надо было поговорить с ними.

– Я спрашивала у них, – прошептала Мэри. – У этого грязного типа с лисьей физиономией.

– И что?

– Родители останавливались в замке, провели в нем несколько дней. Замок окружали псы, но родителей они не тронули. Подумай, Марк: двое людей прошли с миром по Выжженной Равнине – и псы пропустили их. Они где-то впереди, вот почему я хочу продолжать путь.

– Ты не говорила, что спрашивала о них.

– Выражаясь твоими словами, вы были заняты.

– Они шли с миром, – произнес Корнуолл. – Удивительные, должно быть, люди. Что же в них... Ты помнишь их, Мэри?

– Смутно, – ответила девушка. – Но стоит мне подумать о матери, я сразу ощущаю покой и словно вижу перед собой неземную красоту. Я помню ее лицо, вернее, не лицо, а тень лица на фоне какого-то сияния. Отец... Нет, его я забыла. Я люблю их, но не могу вспомнить за что. Красота и покой – и все.

– Ты в Пустынном Краю, – сказал Корнуолл. – Много миль пройдено, не меньше осталось, еда почти вся вышла, платье – одно на все случаи.

– Я там, где хотела оказаться, – возразила Мэри, поднимая голову.

Он взял ее лицо в свои ладони и нежно поцеловал девушку в губы.

– Рог единорога подействовал, – сказал он. – Оливер, чтоб ему пусто было, не соврал.

– Ах вот о чем ты думаешь!

– Да. Так как насчет рога? Может, ты потеряешь его или выкинешь?

– Посмотрим, – прошептала Мэри, соскальзывая с камня в его объятия.

Глава 34

Они столкнулись с Древними уже в горах. Взобравшись на крутой гребень, разделявший две долины, они очутились лицом к лицу с теми, кого так долго искали. И те и другие застыли в изумлении на расстоянии каких-нибудь трехсот футов друг от друга. Древние, по видимому, возвращались с охоты: двое из них несли на плечах шест, на котором висела туша животного, подозрительно напоминавшая очертаниями человеческого тело. Среди невысоких ростом Древних большинство составляли мужчины зрелых лет с проседью в бородах; безусых юнцов было всего двое или трое. Облаченные в меха, они держали в руках копыя с каменными наконечниками. Их было не больше дюжины.

Какое-то время все молчали, потом Корнуолл сказал:

– Сдается мне, мы наконец-то нашли Древних. Признаться, в последние дни я стал сомневаться, что мы их найдем.

– Ты уверен? – спросил Хэл. – Откуда ты знаешь? Никому ведь не известно, каковы Древние из себя. Вот, кстати, что беспокоило меня всю дорогу: кого мы ищем?

– В старинных рукописях мне попадались упоминания об их внешнем виде, – отозвался Корнуолл. – Так, ничего конкретного, одни домыслы да слухи, но все они утверждали, что Древние – те же люди, только не похожие на нас. Если бы ты знал, сколько о них напридумывали ерунды! Даже тот человек, который записал правила грамматики языка Древних и составил его словарь, – даже у него не нашлось что поведать о них самих. Впрочем, он, может, и поведал, но часть манускрипта с его рассказом пропала или была уничтожена по настоянию какого-нибудь излишне ревностного церковника столетия назад. Поэтому полной уверенности в их человеческом облике у меня не было. Однако топорик, который передал Джибу отшельник, наводил на мысль о людях, поскольку никому другому не под силу изготовить из камня такую чудесную вещь.

– Ладно, мы их нашли, – буркнул Плакси, – и что дальше? Прикажете Джибу бежать с топориком к ним навстречу? На твоём месте, Джиб, я бы не торопился. Мне не нравится дичь, которую они тащат.

– Я поговорю с ними, – сказал Корнуолл, – а вы оставайтесь тут. И пожалуйста, никаких резких движений. Нам нельзя пугать их.

– На мой взгляд, – заметил Плакси, – они вовсе не сходят с ума от страха.

– Я тебя прикрою, – сказал Хэл. – Если почувствуешь, что они настроены враждебно, не корчи из себя героя.

Корнуолл снял пояс с ножнами и протянул его вместе с мечом Мэри.

– Можете считать себя покойниками, – занял Плакси. – К ночи они будут обглаживать наши косточки.

Корнуолл поднял руки ладонями наружу и двинулся вниз по склону холма.

– Мы пришли с миром! – крикнул он на языке Древних, надеясь, что произношение у него достаточно внятное. – Не сражаться. Не убивать.

Древние молча ожидали его приближения. Двое с шестом опустили свою ношу на землю и присоединились к остальным. Было похоже, что слова Корнуолла не произвели на них впечатления. Быть может, тому виной густые бороды? Как бы то ни было, угрожающих жестов Древние не делали; однако это еще ничего не означало: они могли напасть в любой момент, без предупреждения. Он остановился футах в шести от них и медленно опустил руки.

– Мы искали вас, – сказал он. – Мы принесли вам подарок.

Древние не отвечали. Их лица оставались безучастными, взгляды – безразличными. «Интересно, – подумал он, – они понимают меня?»

– Мы друзья, – продолжал он.

– Откуда мы знать, вы друзья? – откликнулся один из Древних. – Вы, может быть, демоны. Демоны принимать различные обличья. Мы знать демоны. Мы охотники на демоны. – Он указал на привязанную к шесту тушу. Корнуолл увидел похожее на человека существо с темной, синеватого отлива, кожей, длинным хвостом, короткими рожками, торчавшими на лбу, и копытами на ногах. – Мы поймать его, – продолжал тот же Древний. – Мы поймать много. Этот быть маленький, маленький, молодой и глупый. Но мы поймать и старый. – Он облизнулся. – Хороший еда.

– Еда?

– Жарить на огне. Есть. – Древний поднес руку ко рту и сделал вид, будто пережевывает пищу. – Ты есть?

– Да, мы едим, – ответил Корнуолл, – но не демонов и не людей.

– Есть люди давным-давно, – проговорил Древний. – Сейчас нет. Только демоны. Люди все уйти. Их больше нет. Зато демоны много. От люди остались кострища. Жарить их на огне. Не жалеть о люди, потому что много демоны. Этот, – он махнул рукой в сторону туши на шесте, – быть вкусный. Каждый по кусочек, по чуть-чуть, зато вкусный. – Он оскалился в щербатой усмешке.

Корнуолл ощутил, что напряжение ослабло. Древний, с которым ему выпало разговаривать, оказался словоохотливым, что внушало некоторую надежду на благополучный исход. Как правило, с тем, кого собираются прикончить, бесед не ведут. Он исподтишка огляделся по сторонам. Лица остальных Древних нельзя было назвать ни дружескими, ни враждебными.

– Ты уверен, твои не демоны? – спросил говорливый Древний.

– Уверен, – ответил Корнуолл. – Я человек, такой же, как и ты. А те, кто со мной, – друзья.

– Демоны хитрые, – сказал Древний. – Ненавидеть нас. Мы изловить много ихних. Мстить нам. Ты говорить, у тебя подарок для нас.

– Так и есть.

– Подарок не нам, – произнес Древний, пожимая плечами. – Подарок Старику. Такой закон. – Он покачал головой. – Моя думать, вы демоны. Откуда мы знать? Ваша убивать демон?

– Да, – ответил Корнуолл, – мы с радостью убьем демона.

– Тогда идти с нами.

– С удовольствием.

– Проверить еще одна ловушка. Вы убивать демон, который там. Мы знать, вы не демоны. Демоны не убивать демоны.

– А если демона в ловушке не будет?

– Демон быть. Мы класть хороший наживка. Демон не проходить мимо и попадать в ловушка. Хороший наживка, особый. Демон быть. Мы идти. Вы убивать демон. Потом мы идти домой. Хороший еда. Есть и плясать. Отдавать Старику подарок. Сидеть говорить. Мы вы, вы мы. Отдыхать.

– Звучит неплохо, – согласился Корнуолл.

Древние улыбались ему. Они положили копья на плечи, двое носильщиков подняли шест с демоном. Демон повис в воздухе, его хвост касался земли. Корнуолл повернулся и помахал товарищам рукой.

– Порядок! – крикнул он. – Мы идем с ними.

С Корнуоллом остался только болтливый Древний, остальные двинулись вверх по склону холма в направлении на север.

– Ну что? – спросил, подойдя, Хэл.

– Приглашают пойти с ними. Они ловят демонов.

– Тварей вроде той, которую они утащили с собой? – осведомился Оливер.

Корнуолл кивнул:

– Нужно проверить последнюю ловушку. Они хотят, чтобы мы убили демона, в доказательство того, что не демоны сами.

– Подумаешь, доказательство! – фыркнул Плакси. – Люди убивают людей – так? Сколько их погибло от рук своих сородичей? Почему же демонам не убивать демонов?

– Возможно, у Древних свои резоны, – заметил Оливер. – К тому же бывают воззрения и похлеще.

– Они считают нас демонами, – проговорила Мэри. – Но почему? Ведь у нас нет ни рогов, ни хвостов.

– Они утверждают, что демоны способны принимать любое обличье, – ответил Корнуолл и прибавил, обращаясь к Древнему: – Мои друзья не знают вашего языка. Они говорят, что рады нашей встрече.

– Скажи им, – велел Древний, – вечером мы пировать демон.

– Обязательно скажу, – пообещал Корнуолл.

Мэри протянула своему возлюбленному пояс с мечом, но прежде, чем Корнуолл успел надеть его, Древний сказал:

– Мы теперь спешить. Другие впереди. Если мы не там, они обрадуются демон и убивать его. Тогда вы не убивать...

– Я помню, что мы должны убить его, – отозвался Корнуолл. – Пошли, – бросил он остальным. – Задерживаться нам некогда.

– А что мне делать с топором? – спросил Джиб.

– Ты отдашь его какому-то Старикау. Насколько я понимаю, таков закон племени. Сегодня вечером нас ожидают пир горой и пляски.

– А что мы будем есть? – поинтересовался Плакси, не сводя глаз с демона, болтавшегося на шесте. – Если то, о чем я думаю, то предупреждаю сразу: я не проглочу ни кусочка. Уж лучше сдохнуть с голоду!

– Демон быть большой и жирный, – произнес Древний. – Мы поймать маленький и тощий, а нужен большой и жирный.

Они перевалили через гребень и сбежали вниз по крутому склону в глубокую лощину. Охотники по-прежнему опережали их, но уже не намного. Вот компания Древних скрылась за поворотом, и мгновение спустя из-за него донеслись восторженные вопли. Миновав поворот, путники увидели такую картину: охотники кривлялись как безумные, потрясали копьями и громко кричали.

– Подождать! – гаркнул новый приятель Корнуолла. – Не убивать его. Ждать нас!

Охотники обернулись на его голос, сконфузились и замолчали. Наступившую тишину прорезал отчаянный крик:

– Выпустите меня отсюда, черт вас возьми! Какого дьявола вы ко мне прицепились, дикари проклятые?!

Корнуолл растолкал охотников – и обомлел.

– Это не демон, – сказал Джиб, – это наш старый друг Джонс.

– Джонс! – воскликнул Корнуолл. – Как вы тут оказались? Что с вами случилось? Как вы умудрились угодить в ловушку?

Джонс стоял посреди полянки, на которой рос громадный дуб. Полянку и дерево опоясывали широкие лучи света, исходившие от трех металлических стержней, торчавших из земли, и образующие сверкающий треугольник. Джонс приблизился к одной из световых полос, держа странный предмет из дерева и металла. За его спиной прижалась к стволу дуба обнаженная девушка; выглядела она, надо признать, не слишком испуганно.

– Слава Богу, – проговорил Джонс. – Откуда вы взялись? Выходит, вы пересекли Выжженную Равнину. Не ожидал, не ожидал. Я отправился разыскивать вас, но мой мопед,

как назло, сломался. Освободите меня. – Он взмахнул рукой с зажатым в ней диковинным предметом. – Я вовсе не горю желанием прикончить их.

– Ты говорить с ним, – пробормотал Древний. – Ты говорить с демон.

– Он не демон, – возразил Корнуолл. – Он человек. Вы должны освободить его.

– Демоны! – завопил Древний, шарахаясь в сторону. – Все демоны!

– Стой где стоишь! – приказал Корнуолл и, немного помешкав, выхватил из ножен меч.

Он искоса поглядел на остальных Древних: те опустили копья и шаг за шагом надвигались на них с Джонсом.

– Стоять! – рявкнул Джонс.

Послышался непонятный треск, в лица копейщикам полетели комья земли, поднялись облачка пыли. Конец похожего на палку предмета в руках Джонса сделался красным; на полянке запахло горелым. Копейщики остановились; чувствовалось, что они в нерешительности.

– В следующий раз, – сказал Джонс, – я буду стрелять на поражение. Тогда вы у меня попляшете.

Тот Древний, который сопровождал паломников на пути сюда, зачарованно разглядывал клинок Корнуолла. Внезапно он упал на колени.

– Бросайте копья, – велел Корнуолл. – Следи за ним, Хэл, – прибавил он после того, как копейщики подчинились. – Если хоть один шевельнется...

– Друзья, держитесь вместе, – посоветовал Хэл, – чтобы не попасть под оружие Джонса.

Упавший на колени Древний елозил по земле и громко стонал. Корнуолл подошел к нему, нагнулся и рывком поставил на ноги. Древний отпрянул, но Корнуолл притянул его к себе:

– Как тебя зовут?

Древний попытался ответить, но язык его, похоже, не слушался.

– Ну давай, говори! Как тебя зовут?

– Блестящий клинок, – выдавил Древний. – Блестящий клинок. Мы помним о блестящем клинке.

Он вновь уставился на меч в руке Корнуолла.

– Ладно, – произнес Корнуолл, – пускай будет блестящий клинок. Но скажи мне наконец, как тебя зовут. Сдается мне, нам с тобой не помешает познакомиться поближе.

– Кривой Медведь, – пробормотал Древний.

– Кривой Медведь, – повторил Корнуолл. – А я Корнуолл. Мое имя – волшебное. Ну-ка, произнеси его.

– Корнуолл, – отозвался Кривой Медведь.

– Эй, вытащите меня отсюда! – крикнул Джонс. – Что мне, торчать здесь до конца своих дней?

Жестяное Ведро подковылял к сверкающей изгороди, высунул шупальце и взялся за один из металлических стержней. В тот же миг он весь заискрился, а световые полосы задрожали и слегка поблекли. Ведро выдернул стержень из земли и отшвырнул его в сторону. Световые полосы исчезли.

– Вот и все, – заметил Плакси. – Марк, дай своему приятелю хорошего пинка.

– Я бы с удовольствием, – ответил Корнуолл, – но это будет неразумно. Нам надо сохранить с ними дружеские отношения.

– Ничего себе друзья! – хмыкнул Плакси.

Джонс подошел к Корнуоллу и протянул ему руку, которую тот охотно пожал.

– Что происходит? – спросил Джонс, поглаживая свое диковинное оружие. – Я не понимаю ни единого словечка.

– Потому что мы говорили на языке Древних.

– Так это и есть Древние, о которых вы прожужжали мне все уши? Черт побери, дружище, какие же они Древние? Ватага неандертальцев! Впрочем, надо отдать им должное: охотники они великолепные. Сообразили ведь, какая нужна наживка! Вон та девица (недурна собой, правда? впрочем, ничего особенного) была привязана к дубу, естественно в чем мать родила, и призывно так вопила насчет волков, которые шныряют поблизости...

– Неандер... что?

– Неандертальцы. Первобытные люди. В моем мире их не осталось. Они все вымерли тридцать тысяч или даже больше лет назад.

– Но вы утверждали, что наши миры разошлись гораздо позже. По крайней мере, так следовало из ваших слов.

– Господи, ну что вы от меня хотите? – воскликнул Джонс. – Я и сам уже запутался. Когда-то мне казалось, что я все понял, но теперь отказываюсь верить доводам собственного рассудка.

– Вы сказали, что отправились искать нас. Откуда вы знали, где нас искать, и что вообще с вами стряслось? Когда мы прискакали в ваш лагерь, там никого не было.

– Вы рассказывали мне о Древних, о том, что собираетесь отыскать их; у меня создавалось впечатление, что вы настроены весьма решительно. Я знал, что вам придется пересечь Выжженную Равнину, и вознамерился опередить вас. Вы упомянули про университет, о котором, я полагаю, сообщил вам этот ваш потешный гномик...

– И вы направились на поиски университета?

– Точно. И нашел его. Он...

– Но если вы нашли его...

– Корнуолл, будьте благоразумны. Все на месте – записи, книги и прочее. Но шрифт – я не смог разобрать ни строки.

– И тогда вспомнили про нас.

– Послушайте, Корнуолл, давайте не будем ссориться. Ну какая вам разница? Наши миры разошлись, мы принадлежим к различным обществам – однако кто мешает нам проявить благоразумие? Вы помогаете мне, я помогаю вам. Дела только так и делаются.

– Нам лучше идти, – вставил Хэл. – Наши приятели совсем измаялись.

– Они до сих пор не уверены, что мы не демоны, – объяснил Корнуолл. – Нам надо будет проглотить хотя бы по кусочку мяса, чтобы окончательно убедить их. Когда они удостоверятся... – Он повернулся к Кривому Медведю. – Идем домой. Мы – друзья. Будем есть и плясать, будем разговаривать до самого утра. Мы братья.

– Блистающий клинок! – проскулил Древний. – Блистающий клинок!

– О боже! – пробормотал Корнуолл. – Не иначе как он спятил. Интересно, в каком таком предании говорится о блистающем клинке? Ладно-ладно, я уберу его. – Он вложил меч в ножны. – Пошли. Забирайте свою наживку. Все проголодались.

– Хорошо, мы поймать другой дичь, – откликнулся Кривой Медведь, – не то есть почти нечего. Мы кормить вас медведь, олень, лось. Мы и вы вместе.

– Вот и здорово! – воскликнул Корнуолл, обнимая его за плечи. – Мы наедемся до отвала, будем уплетать за обе щеки и делиться друг с другом.

– Ваша не демоны, – проговорил Кривой Медведь, ощерясь в ухмылке. – Ваша боги блистающий клинок. Ночь гореть костры, все быть доволен. Боги прийти к нам.

– Вы упоминали о еде? – поинтересовался Джонс. – Взгляните-ка на тот склон. Этот сукин сын учует запах еды за миллион миль.

По склону холма спускался, постукивая палкой по камням, облаченный в лохмотья Сплетник. На плече его восседал и оглашал ругательствами окрестности все тот же ворон. Впрочем, Корнуоллу показалось, что со времени их последней встречи птице как следует

досталось от моли. За Сплетником семенила, прихрамывая, его собачка, вся белая, за исключением черных пятен вокруг глаз.

Глава 35

Старик явно не отличался крепким здоровьем. Из двух глаз у него оставался один, от пустой глазницы тянулся через все лицо шрам. Старик притронулся к глазнице пальцем, потом провел им вдоль шрама. На руке у него наличествовали только большой и указательный пальцы: три других отсутствовали.

– Нос к носу, – сказал он, уставившись на Корнуолла единственным глазом. – Он и я. Старый медведь, злобный, почти как моя. Я уйти, а он лежать. Он разодрать меня, но я уйти. Мы съесть его. Притащить домой, приготовить и съесть. Мясо жесткий, жевать трудно, но вкусно. Вкуснее не едал. – Он хихикнул. – Теперь не то. – Он указал на свой рот. – Зубы выпасть. Ты знаешь, почему они выпасть?

– Нет, – ответил Корнуолл.

– Я болеть, – продолжал Старик. – Ноги не гнутся. Рука одна, глаз один. Но они, – сказал он, подразумевая остальных Древних, что сидели на корточках позади него и с обоих боков, – они не сметь трогать меня. Они знать, я хитрый и злой. Я всегда быть хитрый и злой. Если бы я не быть хитрый и злой, то не прожить так долго. Я слышать, ты бог и нести блистающий клинок?

– Насчет клинка верно, – отозвался Корнуолл, – а вот насчет бога... Спроси Кривого Медведя.

– Кривой Медведь много болтать, – пренебрежительно фыркнул Старик и ткнул Медведя локтем под ребра. – Моя прав, Кривой Медведь?

– Ты тоже болтать, – буркнул тот. – Больше любой из нас. Твой рот не закрываться.

– Он метить на мое место, – сказал Старик. – Но зря. Я задушить его одна рука, сдавить его шея, и он умереть. Хороший рука, не больной. Я схватить его хороший рука. – Он снова захихикал.

– Ты хвалиться, – возразил Кривой Медведь, – но кто-то тебе помогать. Один ты даже не встать.

– Я убивать тебя сидя, – заявил Старик.

– Что они там лопочут? – спросил Джонс.

– Старик похвально своим могуществом, – ответил Корнуолл.

На скалистом уступе, что выдавался из-под нависшего утеса, горели три огромных костра, на которых, положенное на плетенки из свежесрубленных зеленых веток, жарилось мясо. Вокруг костров сутились женщины, по пещере сновали и путались под ногами дети и собаки, причем последние ухитрялись одновременно избегать пинков и не сводить глаз с мяса. Енот, притаившийся между Хэлом и Мэри, высунул было голову, чтобы осмотреться. Мэри легонько щелкнула его по носу.

– Сиди смиренно, – велела она. – Ишь герой выискался.

– А лихо он с ними разобрался, – усмехнулся Хэл. – Они его так ни разу и не укусили. Пусти его, пускай порезвится.

– Нет уж, – не согласилась Мэри. – Чего ради? Он поквитался с теми, кто набросился на него, и хватит.

– Не пора мне отдать ему топорик? – осведомился Джиб, мотнув головой в сторону Старика.

– Обожди, – посоветовал Джонс. – Глядишь, он сам вспомнит. Кривой Медведь наверняка рассказал ему про подарок. Однако у них существует протокол, и, похоже, очень суровый. Вождь не должен выказывать нетерпения. Он обязан сохранять достоинство.

– Вы ходить далеко, – говорил между тем Старик. – Вы прийти из неведомая земля. Вы пересечь Выжженная Равнина. Вы сбежать от адские псы. Но как вы пройти мимо замок Зверь Хаоса?

– Не мы сбежали от адских псов, а они от нас, – сказал Корнуолл. – В замке мы останавливались, от него осталась груды развалин. А Зверь Хаоса мертв.

– Вы быть боги, – убежденно заявил Старик, поднося ко рту руки и, видимо, выражая таким образом свое изумление. – А этот с вами, кто не человек и идти на три ноги не как человек...

– Он заколдованный, – отозвался Корнуолл, – как мой меч.

– А рог у самка? Он заколдованный? Он быть рог единорога, да?

– Вам известно о единорогах? Они уцелели?

– Место Знаний. Единороги быть в Место Знаний. – Старик махнул рукой куда-то во мрак пещеры. – За долина. Люди туда не ходить. Ее стеречь Те-Кто-Размышляет-На-Горе.

– Он упомянул о каком-то Месте Знаний, – сообщил Корнуолл Джонсу. – Скорее всего, имеется в виду университет. Путь к нему лежит через долину, которую охраняют Те-Кто-Размышляет-На-Горе. Заметьте, не Тот, а Те.

– Разумеется, ему лучше знать, – кивнул Джонс. – Очевидно, некий переводчик походя заменил множественное число единственным. Что касается долины, нас привели сюда именно по ней. Я проезжал тут и знаю дорогу.

– Вы не видели Тех?

– Ни единого, – ответил Джонс. – Впрочем, я ехал на мопеде, а от него, если помните, много шума. Может, они испугались и попрятались. К тому же я ехал не в том направлении, не в университет, а из него. Кстати, я хотел вас кое о чем спросить. Этот ваш робот...

– Что такое робот?

– Металлический человек, который сопровождает вас.

– Потом, – отмахнулся Корнуолл, – о нем потом. – Он повернулся к Старику: – А как попасть в Место Знаний? Мы можем попасть туда?

– Вы погибнуть.

– Но ведь другие как-то добрались до него! Несколько лет назад, мужчина с женщиной...

– Они не вы.

– Почему?

– Они прийти с миром. Рука в руке. Они быть без оружия. Добрые.

– Они были здесь! Ты видел их?

– Они жить с нами. Не говорить наш язык. Понимать без него. Мы знать, они добрые.

– Вы не пытались предостеречь их?

– Ни к чему. Не нужно. Они идти куда хотят и оставаться живые. Никто не трогать их.

– Он говорит, что твои родители останавливались у них, – сказал Корнуолл, обращаясь к Мэри. – Они шли в университет. Он уверяет, что они в безопасности, что никто не осмелится причинить им вреда.

– Раз прошли они, пройдем и мы, – проворчал Джонс.

– Нет, – возразил Корнуолл. – Родители Мэри – люди особые, непостижимые...

– Кривой Медведь, – перебил его Старик, – сказать мне, что вы что-то принести нам.

– Да, – ответил Корнуолл. – Не подарок и не от нас. Видите ли, нас попросили возвратить вам вашу вещь. – Он сделал знак Джибу: – Давай.

Джиб вручил Старику сверток. Старик ухватил его здоровой рукой, положил на пол перед собой и развернул. Внезапно глаза его широко раскрылись. Наконец он поднял голову и вперил в Корнуолла тяжелый взгляд.

– Ты смеяться, – сказал он.

– Смеяться? – удивился Корнуолл. – С чего вы взяли?

– Слушать, – прервал его Старик. – Слушать и запоминать.
– Что случилось? – спросил Джиб. – Я его чем-то оскорбил?
– Что-то не так, – прошептал Корнуолл, – но что именно, я не знаю.
– Предания говорить, – произнес Старик, – этот топор отдать по дружбе человек изда-
лека, что проходить мимо. Вы вернуть его. Дружба конец.
– Не понимаю, – пробормотал Корнуолл, – ничего не понимаю.
– Ты смеяться над нами! – заревел Старик. – Ты швырнул нам обратно наш подарок!
Дружба конец!

Он поднялся на ноги и пинком отправил топорик в угол пещеры. Остальные Древние
тоже повскакивали.

Рука Корнуолла легла на рукоять меча. За его спиной что-то щелкнуло.

– Я выкошу их как сорную траву, – заявил Джонс. – Сгоняйте их в кучу.
– Погодите, – проговорил Корнуолл. – Может, нам удастся вразумить их.
– Ну-ну, – буркнул Джонс.
– Мы не бояться боги, – продолжал Старик. – Мы не терпеть боги смеяться над нами.

Мы умереть, но не терпеть.

– Мы вовсе не смеялись, – ответил Корнуолл. – Но если вам так хочется умереть, то
пожалуйста, мы готовы услужить.

Старик шагнул вперед, всплеснул руками, словно отгоняя невидимого врага, из груди у
него высунулся какой-то предмет, по животу заструилась кровь. Медленно, как бы нехотя, он
опустился на землю; Корнуолл отступил, давая ему упасть. Когда вождь упал, все увидели, что
из его спины торчит древко копья. Над Стариком встал Кривой Медведь.

– Старый болтун сдохнуть, – сказал он. – Ты и я говорить.

В пещере немедленно установилась тишина. Дети перестали бегать и вопить, женщины
бросили чесать языками, собаки кинулись прочь, поджимая хвосты. Мужчины, стоявшие за
Кривым Медведем, хранили молчание. Они не пошевелились: суровые лица, в руках – копья.
Кривой Медведь указал на павшего вождя.

– Он хотел, мы погибнуть. Мы – часть, вы – все. Но мы не хотеть, верно?

– Верно, – согласился Корнуолл.

– Я до сих пор не знать, – сказал Медведь, – ваша быть боги или демоны. Сначала думать
одно, потом другое. Сначала вы узнать, мы не желать вас тут.

– Мы с радостью уйдем, – заверил его Корнуолл.

– Но сперва, – продолжал Древний, – вы выкупать свои жизни.

– Позволь возразить тебе, дружок: никто ничего выкупать не собирается. Ты сказал, что
мы можем погибнуть все, и тут ты прав, но вот насчет себя ошибся. Мы постараемся, чтобы
вас погибло как можно больше, а ты отправишься на тот свет первым.

– Мы не жадный, – заявил Кривой Медведь. – Мы хотеть палка с дым.

– Что там? – справился Джонс.

– Ему нужна палка с дымом. Ваше оружие.

– Обойдется. К тому же он, чего доброго, застрелит себя. С таким оружием надо уметь
обращаться.

– Он говорит, что его палка опасна для тех, кто не умеет с ней обращаться, – сообщил
Корнуолл Кривому Медведю. – Она убивает тех, кто с ней не дружит. В ней заключено могу-
щественное колдовство, совладать с которым может только великий волшебник.

– Мы хотеть ее, – повторил Древний, – ее, и рог самки, и блистающий клинок.

– Нет, – отрезал Корнуолл.

– Мы говорить мудро, – предложил Древний. – Вы давать нам палка, рог и клинок. Мы
давать вам жизнь. – Он показал на тело Старика. – Лучше его. Он убивать много-много.

– Не тратьте на него время, – посоветовал Джонс.

Корнуолл молча отпихнул Джонса.

– Они окружили нас, – сказал Хэл. – Зажали со всех сторон. Женщины с детьми собирают камни...

Кто-то грубо оттолкнул Корнуолла.

– Эй, что за черт? – воскликнул Джонс.

Гибкое щупальце выдернуло у Корнуолла меч.

– Не смей!

Другое щупальце ударило его в грудь и сбilo с ног. Кое-как поднявшись, он увидел, что щупалец невесть сколько: казалось, в пещере копошится громадный клубок змей. Древние шарахнулись прочь. Щупальца вырывали у них копья. Одно набрало уже с дюжину и на глазах Корнуолла присовокупило к ним очередное.

– Что происходит? – изумился Джонс. – Он забрал мою винтовку!

– Ведро! – проревел Корнуолл. – Что ты творишь?

Древние – мужчины, которые были с Кривым Медведем, жались к стене пещеры, а женщины, дети и собаки носились с воплями вокруг костров. Жестяное Ведро швырнул отобранные у охотников копья вниз, в долину. Тем временем щупальца, которые не были задействованы, шарили по скалистому уступу, подбирая дубинки и камни, что выронили перепуганные женщины и дети. Вскоре то и другое отправилось вслед за копьями.

– Он сошел с ума! – воскликнула Мэри. – Зачем ему мой рог?

– Если он повредит винтовку, я разберу его по винтикам, – пригрозил Джонс.

Ведро буквально оцетинился щупальцами. Он напоминал сейчас этакого металлического паука посреди провисшей и разорванной паутины. Щупальца торчали из всех отверстий на его туловище. Часть щупалец, удлинившись, дотянулась до паломников и развернула их лицами к тому месту, откуда начиналась тропа, уводящая с уступа в долину.

– Молодец, – проговорил Джиб. – Нам пора уносить ноги.

Из долины доносились визг и вой. Кто-то из женщин и детей свалился туда, кому-то удалось спуститься по тропинке. Мужчины Древних осторожно двинулись вперед. Ведро подгонял своих спутников. Едва они очутились на тропе, он возвратил Мэри рог, отдал Джибу топор, вернул Хэлу лук и вручил Корнуоллу его меч. Винтовку же Джонса он бросил к кострищам.

– Чтоб тебе пусто было! – разбушевался Джонс. – Ах ты, металлолом ходячий! Да я тебя!..

– Пошли, – буркнул Корнуолл. – Он знает, что делает.

Ведро взмахнул щупальцем, обхватил им тушу медведя, что жарилась на огне, и увлек ее за собой. С туши капал жир, и несколько капель попали на лицо Корнуоллу.

– Теперь мы с ужином, – сказал Оливер, облизывая губы.

– И нам не придется давиться демоном, – добавил с нескрываемым облегчением Плакси.

Глава 36

– Мы в безопасности, – сказал Хэл. – Они не посмеют преследовать нас. Во-первых, мне показалось, что они не слишком хорошо ориентируются в темноте. А потом, они до смерти боятся этой долины.

– Вы уверены, что долина – та самая? – спросил Корнуолл.

– Да. – Джонс утвердительно кивнул. – Я ехал по ней из университета. Надо же, прокатил мимо стоянки Древних и не заметил ее! Ну что, расскажете вы мне про своего робота или нет? Была бы у меня под рукой кувалда, я бы ему показал. Хотя, вынужден признать, он выручил нас из весьма затруднительного положения. Я только думаю, что он мог бы нас предупредить заранее.

– Как? – хмыкнул Хэл. – Он же не умеет говорить.

– Отличное было ружье, – проворчал Джонс. – Оно стоило мне кучу денег. Как повашему, с какой стати он так поступил?

– Не знаю, что вам ответить, – отозвался Корнуолл. – Он с нами совсем недавно, а для того, чтобы мы стали его понимать, должен пройти, на мой взгляд, не год и не два. Как бы то ни было, ваше оружие чем-то его не устроило. Я не согласен с ним, однако он ничего не делает просто так.

– Может, потому, что та штука, которую вы называете оружием, принадлежит будущему, – предположил Плакси. – Может, здесь ей было не место. Существует такое слово – как бишь его? А, анахронизм! Или я что-то напутал?

– Как мне ни жаль моего ружья, – сказал Джонс, – я вовсе не рвусь вернуться за ним. Надеюсь, до конца моих дней мне не доведется больше увидеться с Древними. К тому же эта жестянка обошлась с чужой вещью отнюдь не любезно, так что винтовка, скорее всего, ни на что уже не годится.

Пробредя несколько миль по дну долины в призрачном свете луны, они остановились у груды валунов, разбили лагерь и разожгли костер. Когда все насытились медвежатиной, завязался общий разговор.

– Черт возьми, утолит кто-нибудь мое любопытство или мне так и пребывать в неведении относительно того, что происходит? – спросил Джонс.

Опершись спиной о камень, Корнуолл стал рассказывать. Остальные, в особенности Плакси, тоже не остались в стороне.

– Значит, огненные кольца? – пробормотал Джонс. – Интересно, интересно. Они подозрительно смахивают на «летающие тарелки», истории о которых наводняют мой мир. Вы говорите, они сеяли разрушение?

– Да, – подтвердил Корнуолл. – Они уничтожили замок.

– После смерти Зверя Хаоса.

– Мы считаем, что он мертв, – вставил Хэл. – Нам было явлено достаточно тому доказательств. Но объяснить появление огненных колес мы не в состоянии. Правда, нам кажется, что они охотились за Ведром. Вполне возможно, они рассчитывали уничтожить замок заодно с ним. Но получилось так, что мы опередили их на два-три часа.

– Должно быть, Зверь Хаоса знал об опасности, – произнес Джонс. – Поэтому он и взял со своих прислужников клятву, что они достанут Ведро из склепа.

– Ведро тоже мог знать, – прибавил Джиб. – Он настаивал на том, чтобы мы покинули замок.

– Вам не представлялось возможности его изучить? – поинтересовался Джонс. – Вы не получили никаких полезных сведений?

– Если вы подразумеваете под сведениями факты, добытые в результате продолжительных исследований, то ответ будет отрицательным, – хмуро отозвался Корнуолл. – Сдается мне, ваш мир озабочен всякими сведениями гораздо больше нашего. Мы узнали совсем немного: изготовлен он, по-видимому, из металла, глаз у него нет, но он видит, не говорит и не ест. Однако...

– Он предупредил нас в замке, – перебил Джиб. – Когда мы шли по Выжженной Равнине, он тащил на себе целый ворох всякого добра. Он сломал ловушку для демонов, а этой ночью спас нас от гибели.

– А еще он играет с Енотом, – проговорила Мэри. – Еноту он нравится. И потом, мы не должны рассуждать о нем так, будто он ничего не понимает. Он слышит наши слова, и они могут смутить его.

Ведро, впрочем, не выглядел смущенным. Он не выглядел вообще никак – стоял себе возле костра, из туловища его высовывалось одно-единственное щупальце, кончик которого, аккуратно сложенный, покоился на металлической груди.

– Забавная штука, – заметил Оливер. – Может, он передает нам своим щупальцем какое-то сообщение?

– Ерунда, – возразил Плакси. – Эка невидаль, обыкновенный ритуальный жест! Должно быть, ему доставляет удовольствие играть с самим собой.

– По-моему, – сказал Джонс, прищурив глаз, – Ведро с другой планеты, точно так же, как Зверь Хаоса и огненные колеса. По-моему, мы столкнулись с чужаками из дальнего космоса. Они все явились на Землю с какой-нибудь звезды.

– Разве такое возможно? – изумился Корнуолл. – Ведь звезды – небесные огни, что усеивают, по милости Божьей, расположенную над нами твердь. Может, из колдовского мира, из места, которое скрыто от нас и куда нам запрещено ступать, но не со звезд.

– Я не собираюсь посвящать вас в открытия, сделанные астрономами в моем мире, – язвительно проговорил Джонс, – поскольку все равно лишь попусту потрачу время и силы. Вы слепец, вы не видите ничего, кроме своей магии. Стоит вам встретиться с чем-то непонятным, вы сразу же объявляете, что причиной всему – колдовство.

– Давайте сменим тему, – предложил Хэл. – Сдается мне, в этом вопросе вам не найти общего языка, да он и не столь важен.

– Мы поведали вам свою историю, – сказала Мэри. – Почему бы вам не ответить нам взаимностью? Мы разыскивали вас, думали предложить вам присоединиться к нам, чтобы вместе пересечь Выжженную Равнину, но вы нас не дождались.

– В моей спешке виноват Корнуолл, – откликнулся Джонс. – Он упомянул об университете не то чтобы с интересом, но и не безразлично. У меня создалось впечатление, что конечная цель его поисков – именно университет, хотя сам он и не говорил ничего такого. Будучи человеком завистливым, я решил опередить его.

– Но как вы узнали, где он находится? – спросил Корнуолл. – И как вы туда попали?

– Местонахождение университета, – заявил Джонс с ухмылкой, – я определил, пускай неточно, по карте.

– Но карт же не существует!

– Разве? В моем мире их в избытке. Правда, там нет ни Туманных Гор, ни Выжженной Равнины. В моем мире на картах, которые составляют нормальные люди, пишутся географические названия, в коих нет никакой необычности, наносятся все и всяческие дороги. Я сел на машину, которая позволяет мне путешествовать из вашего мира в свой и обратно, вернулся к себе, изучил карты, установил, куда мне надо попасть, отбуксировал туда машину – то есть оттащил на канате, привязанном к другой машине. Я прикинул, что география двух миров должна худо-бедно совпадать. Вы улавливаете, к чему я клоню?

– Нет, – признался Плакси, – но продолжайте.

– Затем я возвратился в ваш мир и выяснил, что моя догадка не так уж сильно расходится с истиной. Моя машина перенесла меня в место, от которого до университета было около двух миль. Я провел в университете несколько дней, пока не сообразил, что мне нужна помощь. Я нашел книги и документы, но не смог прочесть в них ни единого слова. И тут я вспомнил о вас. Я знал, что вы попытаетесь перейти через Выжженную Равнину. Мне хотелось надеяться, что Корнуолл, ученый из Вайалузинга, сумеет прочесть те книги, которые оказались недоступны для меня. Вдобавок меня не отпускало ощущение, что вам необходима подмога. Я двинулся в путь. Остальное вам известно. Что касается университета, я в жизни не видел ничего подобного. Одно огромное здание, которое издалека представляется скоплением множества мелких построек. Выглядит так, словно его воздвигли эльфы; каюсь, сэр Марк, в первый миг я даже подумал о колдовстве. Он весь такой воздушный, как будто его и не касалась рука человека.

– Быть может, – заметил Плакси, – так оно и есть.

– Вокруг университета поля и сады, и я понял, что без живых существ здесь не обошлось: ведь кто-то должен был засеять поля, а потом собрать с них урожай. Что еще? Домашний скот и птица: лошади, свиньи, куры, утки, гуси, индюки, голуби. В общем, достаточно всего, чтобы прокормить изрядное количество людей. Но вот они-то мне и не попались. Порой мне чудилось, что за мной кто-то наблюдает, порой я вроде бы замечал неясные фигуры, однако никто не сказал мне ни «здравствуйте», ни «до свидания». Тамошние жители, кем бы они ни были, прятались от меня.

– Нам очень понравился ваш рассказ, – проговорил Плакси, – он такой интересный. Однако как нам быть дальше?

– Идти вперед, – отозвался Корнуолл. – Второго перехода через Выжженную Равнину мы не выдержим, тем более – безлошадными.

– И не забывай про адских псов, – прибавил Джиб.

– Ты утверждаешь, что назад дороги нет, – буркнул Плакси. – Знаешь, почему ты так говоришь? Потому что ты умираешь от желания увидеть университет. Но дело в том, что ни тебе, ни кому другому из нас не позволено его видеть. У вас свои святыни, у нас, членов Братства, – свои. Множество наших святынь осквернено и уничтожено, а университет – одна из немногих уцелевших, и уцелел он лишь потому, что о его существовании было запрещено упоминать даже вскользь.

– Не знаю, как вы, – сказала Мэри, – а я иду дальше. Этой дорогой прошли мои родители, и, если они до сих пор живы, я намерена разыскать их.

– Ваши родители, – повторил Джонс. – Мне удалось кое-что узнать о них. Я перерыл Дом Ведьмы сверху донизу в поисках каких-либо свидетельств, но безрезультатно, хотя я уверен, что, если подвесить ведьму за пятки над огнем, она живо бы выложила все, что ей известно. Однако у меня слишком мягкая натура. В моем мире я не обнаружил никаких доказательств того, что кто-то, помимо меня самого, проникал из него в ваш. Тем не менее, судя по тому, что я слышал о ваших родителях, они должны были прийти сюда из моего мира. Возможно, они родились столетиями позже моего. К примеру, для перемещения из мира в мир я вынужден пользоваться техническим устройством, а они, по всей видимости, ни к чему такому не прибегают. За годы, которые прошли со времени моего рождения, вероятно, разработали способ путешествия в разных измерениях без помощи машин.

– В словах Плакси насчет университета как святыни присутствует значительная доля истины, – заявил Корнуолл. – Мы не должны вторгаться туда, куда нас не приглашали, однако, к сожалению, нам попросту больше некуда идти. Я думаю, все согласятся с тем, что возвращение невозможно. К адским псам и мучительным милям Выжженной Равнины добавились теперь Древние. К утру они наверняка разыщут свои копыта и наберутся храбрости. Я сильно сомневаюсь, что они станут преследовать нас, ибо их страх перед долиной кажется мне непригодным; но попытка пройти через их земли на обратном пути будет, на мой взгляд, равно-

значна самоубийству. Увы, Плакси, но выбора нам не остается; мы можем только поклясться, что не обмолвимся об университете ни единым словечком и постараемся не осквернить его.

– Клятвы, клятвы, – проворчал гном. – Людские клятвы что вода, им нельзя доверять. Но раз обстоятельства против нас... Я согласен: мы не можем вернуться той же дорогой.

– Жаль, конечно, что все так получилось, – продолжал Корнуолл, – искренне жаль. Я...

– Это я виноват, – сказал Джиб. – Не надо мне было упираться, твердить, что отдам Древним их топорик только из рук в руки.

– Ничьей вины тут нет, – возразила Мэри. – Откуда нам было знать, что Древние поведут себя так и никак иначе?

– Значит, идем дальше, – подытожил Хэл. – Интересно, что мы найдем?

Где-то вдалеке завыл волк. В наступившей тишине путники ждали ответного воя, но он все не раздавался. Костер потихоньку угасал; Хэл подбросил в него хворосту. В темноте громко хрустнула ветка. Они разом оказались на ногах и поспешно отодвинулись от огня. В круг света вступило высокое существо в обносках, с вороном на плече и посохом в руке; за ним ковыляла верная белая собачка.

– Боже мой! – воскликнул Корнуолл. – Сплетник! Мы совсем забыли про него.

– Он сам того хотел, – пробормотал Плакси. – У него такая привычка – появляться и исчезать внезапно. Был – и нету. А когда ты его не видишь, то и не вспоминаешь о нем. Про него легко забыть, потому что он хочет, чтобы про него забывали. Скользкий тип!

– Черт побери, где ты был? – крикнул Сплетнику Джонс. – Куда запропастился?

– Если мой нюх меня не обманывает, – проговорил Сплетник, – тут жарят мясо, отличное мясо. Я здорово проголодался...

– Да ну? – хмыкнул Джонс. – По-моему, ты вечно голоден.

Глава 37

День близился к вечеру. Впереди уже показался выход из долины, когда на небе появилась первая точка, а за ней – еще и еще.

– Птицы, – проговорил Джиб. – До чего ж мы стали пуганые, даже противно. Поверили Древним и все ждем, что вот-вот что-нибудь да случится. Но ведь до конца долины рукой подать, так, мастер Джонс?

Джонс кивнул.

– Меня беспокоит вот что, – сказал Хэл. – Древние говорили о Тех-Кто-Размышляет-На-Горе. А у птиц, когда они высидывают яйца, такой вид, словно они о чем-то размышляют.

– Вы проехали по долине, и с вами ничего не произошло, – заметил Корнуолл, обращаясь к Джонсу. – Вашей жизни ничто не угрожало.

– Я убежден, – отозвался Джонс, – что меня пропустили лишь потому, что я ехал в обратном направлении. Вполне логично предположить, что стражи поставлены здесь, чтобы преграждать любопытствующим путь к университету. А на тех, кто движется обратно, они не обращают внимания.

Точек становилось все больше. Они постепенно снижались. Долина сузилась, превратилась в тесный проход, высокие каменные стены которого отсекали солнечный свет; солнце заглядывало сюда лишь тогда, когда находилось в зените. Из трещин в стенах прохода, отчаянно цепляясь за них корнями, торчали чахлые сосенки и другие вечнозеленые деревца и кустарники. Ветер словно оплакивал свою горькую участь: долина изобиловала поворотами, и ему, когда он попадал в нее, приходилось обуздывать свою резвость.

– Не нравится мне это, – заныл Плакси. – Мне страшно.

– Подумать только, – воскликнул Джонс, – к нам, возможно, приближается враг, а у меня всего и оружия что деревянная дубинка! Эх, мне бы мою винтовку! Если бы чокнутый робот не выкинул ее...

Чокнутый робот никак не откликнулся на причитания Джонса; может быть, он их и не слышал. Он по-прежнему прижимал к груди одно-единственное щупальце. Тем временем точки мало-помалу увеличивались в размерах. Стало видно, что они собой представляют – огромные птицы с громадным размахом крыльев.

– Если бы у меня были мои очки, я бы определил, что за твари к нам летят, – сказал Джонс. – Но очки остались в другом мире, поскольку я убедил себя, что путешествовать надо налегке. Удивительно, как я вообще прихватил с собой хоть что-то! Откровенно говоря, я полагаюсь на винтовку и на мопед, но лишился и того и другого.

– Я могу помочь вам, – проронил Хэл.

– Однако у тебя острый глаз, дружок.

– Он же лесовик, – пояснил Джиб. – Охотник.

– Это гарпии, – сказал Хэл.

– Гарпии! – взвизгнул Плакси. – Самые злобные существа во всей Волшебной Стране! Хуже адских псов! И никуда не спрячешься!

Корнуолл рывком обнажил клинок.

– У тебя неплохо получается, – заметил с одобрением Хэл. – Нужно лишь немного попрактиковаться.

Гарпии ринулись вниз, сложив крылья; их головы напоминали формой человеческие черепа, глаза пылали ненавистью, из полураскрытых клювов вырывался хриплый клекот. Тренькнула тетива лука, ушла в небо стрела, и одна из гарпий перекувырнулась в воздухе и рухнула на землю. Тетива тренькнула снова – и такая же судьба постигла вторую бестию.

Путники приготовились к схватке. Сплетник, прижавшийся спиной к скале, замахнулся на гарпий посохом. Собачка притулилась у его ноги, ворон, сидя на плече, сыпал ругательствами направо и налево.

– Мне бы достать их хоть разочек, – пробормотал Сплетник, как будто моля кого-то о милости или, вероятнее всего, разговаривая сам с собой. – Уж я бы им показал! Ненавижу их! Гнусные твари! Зря я сюда забрел, но уходить пока рановато. Как-никак они дважды угощали меня, а моя Фидо подружилась с их Енотом.

– Ложись на землю, – велел Мэри Корнуолл, – и не шевелись.

Плакси с Оливером поспешно насыпали горку камней, восполняя таким образом, до известной степени, нехватку вооружения.

Гарпии на мгновение зависли в воздухе над головами паломников; они, видимо, собирались сражаться не клювами, а могучими когтистыми лапами. Корнуолл взмахнул клинком, и сверкающее лезвие отсекло обе лапы одной из бестий. Та покатила по земле, нацелилась было клюнуть перед смертью Хэла, но промахнулась. Жестяное Ведро, что стоял неподалеку от Сплетника, хватал гарпий щупальцами и колотил их о стены прохода. Джонс, вертясь как угорелый, ухитрился сбить ударами дубинки двоих из нападавших на него тварей, однако от третьей увернуться не сумел: она вцепилась когтями ему в руку, ударила другой лапой в лицо и захлопала крыльями, норовя подняться в небо вместе со своей жертвой.

Услыхав сдавленный крик Джонса, Хэл резко обернулся и всадил в тело гарпии стрелу. Чудовище рухнуло вниз, придавив собой Джонса. Тот кое-как выбрался наружу и разможил дубинкой череп поверженного врага. Левая рука его была вся в крови и безвольно повисла. Сплетник мужественно отбивался посохом; ворон подбадривал хозяина истошными воплями. Оливер с Плакси швыряли в гарпий камень за камнем. Джиб зарубил двоих топором, а Корнуолл, которому некогда было даже перевести дух, уже не помнил, сколько жизней оборвал его меч. По проходу, в стороне от битвы, ковыляло с полдюжины гарпий; по воздуху плавали перья.

Одна из гарпий устремила на Плакси, но, угодив, должно быть, под град камней, промахнулась и по чистой случайности зацепила гнома когтями за пояс. Перепуганный Плакси завопил во все горло – ведь бестия вовсе не собиралась приземляться, скорее наоборот. Хэл послал вдогонку чудищу стрелу, которая впилась гарпии в шею. Тварь упала на землю; что касается Плакси, он оказался у нее где-то под крылом. Уцелевшие гарпии взмыли в небо и тяжело полетели прочь. Корнуолл опустил меч и осмотрелся. Мэри сидела возле него. Плакси, бранясь себе под нос, освобождался из когтей похитившего его чудовища. Хэл глядел вослед улетающим гарпиям.

– Они вернуться, – сказал он, – обязательно вернуться, как только перестроят ряды. А у меня осталось всего-навсего три стрелы. Положим, можно выдернуть еще несколько из мертвых тел, но на это уйдет время.

– Ты чуть было не попал в меня! – накинулся на Хэла подошедший Плакси. – Твоя стрела просвистела у меня над ухом!

– Выходит, ты радовался, что она тебя уносит? – справился Хэл.

– Надо быть осторожнее! – процедил разъяренный гном.

– Вы сильно ранены? – спросил у Джонса Корнуолл.

– Да, рана серьезная, – ответил тот. – Я боюсь, что в нее попала инфекция. Спасибо, – прибавил он, обращаясь к Хэлу.

– В следующий раз нам придется тяжело, – заметил Корнуолл. – Сейчас нам просто повезло. Они не ожидали, что мы будем сопротивляться.

Тем временем в проходе сгустились тени. Солнце освещало теперь лишь кромку скалистых стен. Походило на то, что скоро оно исчезнет окончательно.

– Пожалуй, – проговорил Сплетник, – нам могут прийти на подмогу. Надо попробовать.

Жестяное Ведро застыл в неподвижности на том самом месте, где остановился перед началом схватки. Как и прежде, множеству своих щупалец он предпочел одно, сложенный кончик которого прижимал к груди. Сплетник дотронулся до щупальца концом своего посоха и протянул Ведру ладонь.

– Пожалуйста, – попросил он, – дай его мне. Иначе нам не спастись.

Ведро пошевелился, его щупальце медленно развернулось, и все увидели, что в нем зажат топорик Древних.

– Он подобрал его, когда сбрасывал с уступа дубинки и камни, – пробормотал Джиб.

Ведро отдал топорик Сплетнику.

– Спасибо, – поблагодарил тот, стиснул топорик в руке, воздел его над головой и запел.

Напев был диким, но мелодичным. Эхо подхватило слова песни, разнесло их по проходу, и путникам стало казаться, что они слышат многоголосый хор. Тени сделались гуще прежнего, в них что-то двигалось и шуршало, словно кто-то шаркал ногами. Мэри взвизгнула. Корнуолл взялся было за меч, но отпустил рукоять.

– Господи Боже! – прошептал он.

Их насчитывалось несколько сотен – тени среди теней, размытые фигуры огромных звероподобных людей, голых, если не считать обернутых вокруг чресел шкур. Кривые ноги, наклоненные вперед торсы, широкие плечи, налитые кровью глаза. Вооружены они были копьями с грубыми каменными наконечниками.

Гарпии, что кружили высоко в небе, ринулись вниз. Наблюдая за ними, Корнуолл понял, что он и его товарищи обречены. Он обнял Мэри и привлек девушку к себе. Неожиданно раздались громкие крики, которые без труда заглушили пение Сплетника. Дикари потрясали копьями и, судя по всему, готовились отразить атаку гарпий. С каждым мигом их становилось все больше и больше.

Гарпии устремились в проход – и будто натолкнулись на невидимую стену. Они яростно хлопали крыльями, стараясь замедлить полет, сталкивались друг с другом, оглашали воздух хриплым клекотом, а дикари отвечали им восторженными воплями.

– Бежим! – воскликнул Сплетник. – Бежим, покуда целы!

– За мной! – крикнул Корнуолл. – Не отставайте! Я пойду первым!

Он опустил голову и бросился в толпу дикарей, ожидая, что они оттолкнут его, но, к собственному изумлению, не встретил ни малейшего сопротивления. Он словно стал осенним ветром, а дикари превратились в груды палой листвы. Джонс обогнал его, но споткнулся, упал, ударился раненой рукой о камень и закричал от боли. Корнуолл помог ему встать, затем взвалил Джонса себе на плечо. Остальные бежали без оглядки. Посмотрев на небо, он увидел, что гарпии, как будто в смертельном испуге, рвутся ввысь, прочь из каменной ловушки.

Наконец толпа дикарей осталась позади. Корнуолл догнал Сплетника: тот ковылял по проходу так быстро, как только мог, белая собачка вприпрыжку следовала за ним на трех лапах. Рядом с ней семенил Енот. Но вот проход закончился, и паломники выбежали на равнину, на которой в двух-трех милях от них, окруженное приземистыми горами, возвышалось великолепное здание. Джонс был прав: от красоты здания захватывало дух.

– Вы можете меня опустить, – заметил Джонс. – Благодарю за участие.

Корнуолл осторожно поставил его на ноги. Джонс мотнул головой, указывая на свою руку.

– Горит как в огне, – пожаловался он, – и свербит от плеча до самого низа. Моя машина вон там, впереди. Видите, справа? По-моему, в аптечке найдется шприц... Ради бога, не надо меня ни о чем спрашивать! Это такая волшебная игла. Вы мне поможете. Я покажу вам, что делать.

Навстречу путникам по лугу, что лежал между ними и чудесным зданием, двигались какие-то существа. Расстояние не позволяло различить, какие именно; заметно было только, что одно из существ намного выше других.

– Разрази меня гром, – буркнул Джонс. – В прошлый раз я тут все облазил, и мне не попало ни единой живой души, а теперь извольте-ка – целая куча встречающих!

От группы неведомых существ отделилась крошечная фигурка. Чувствовалось, что ее переполняет радость: она пронзительно верещала и выкидывала всяческие коленца, делавшие честь ее ловкости.

– Мэри! – верещала она. – Мэри! Мэри! Мэри!

– Ой, – воскликнула девушка, – да это же Ловкие Пальцы! А я-то все гадала, куда подевался мой маленький дружок!

– Тот, который лепил с тобой куличики? – уточнил Корнуолл.

– Тот самый, – отозвалась Мэри.

Она опустила на колени, и Ловкие Пальцы с разбегу прыгнул к ней в объятия.

– Мне говорили, что ты идешь, – всхлипнул он, – а я не верил, не верил! – Он извернулся и поглядел ей в лицо. – Ты выросла, – заявил он сурово. – А я не расту вообще.

– Я спрашивала про тебя в Доме Ведьмы, – проговорила Мэри, – и мне сказали, что ты пропал без следа.

– Я здесь уже много лет, – ответил брауни. – Мне столько надо тебе показать!

К тому времени к паломникам приблизились остальные существа. Большинство встречающих составлял маленький народец – брауни, тролли, эльфы и феи. Все они шумели, приплясывали на ходу, выражая так или иначе свою радость. Их сопровождал человек, вернее, подобие человека: фигура в длинном черном плаще с капюшоном, который закрывал лицо; Корнуоллу показалось даже, что лица у фигуры нет вовсе. Странного человека окутывала легкая дымка, словно он шагал сквозь туман, что стелился по земле для него одного. Подойдя к путникам, он остановился и произнес голосом столь же мрачным, как и его платье:

– Я Хранитель университета. Добро пожаловать в наши края. Сдается мне, у вас возникли неприятности с гарпиями. Порой они становятся донельзя наглыми.

– Ничего страшного, – сказал Хэл. – Мы с ними очень мило побеседовали.

– Мы не обращаем на них внимания, – продолжал Хранитель, – потому что гости к нам заходят редко. Твои родители, милая, – прибавил он, обращаясь к Мэри, – гостили у нас несколько лет назад, и с тех пор больше никого не было.

– Я заглядывал к вам на днях, – возразил Джонс, – а вы никак не отреагировали на мое появление. Если хотите знать мое мнение, вы нарочно старались меня убедить, что университет заброшен.

– Мы наблюдали за вами, сэр, – отозвался Хранитель. – Прежде чем открыться вам, мы желали узнать, что вы собой представляете. Но вы покинули нас в некоторой спешке...

– Вы сказали, что мои родители были здесь, – перебила Мэри. – То есть были и ушли?

– Да, – подтвердил Хранитель, – ушли. Я расскажу вам обо всем, но чуть-чуть попозже. Вы ведь не откажетесь разделить с нами нашу пищу?

– Теперь, когда вы упомянули о еде, – заявил Сплетник, – я почувствовал, что слегка проголодался.

Глава 38

Хранитель восседал во главе стола. Сейчас уже не оставалось никаких сомнений в том, что лица у него не было. Под капюшоном, там, где полагалось быть лицу, клубился туман, в котором время от времени сверкали алые искорки. «Может, – подумал Корнуолл, – они заменяют ему глаза?» К еде он не прикасался, просто сидел и поддерживал беседу, избегая, впрочем, говорить о сколько-нибудь важных вещах: расспрашивал, как проходило путешествие, рассуждал об урожае, жаловался на капризы погоды – в общем, вел обычные застольные разговоры. «По-моему, – подумал Корнуолл, – он весь состоит из тумана, этакий призрак, который вот-вот либо растает в воздухе, либо улетит по ветру».

– Не знаю, что и сказать, – прошептал на ухо Корнуоллу Плакси. – Я и слыхом не слыхивал, чтобы в Пустынном Краю обитало что-то подобное. Вроде бы привидение, а вроде – нет. Словом, он мне не нравится.

Угощение было не то чтобы изысканным, но обильным и хорошо приготовленным.

– Кушайте, кушайте, – уговаривал Хранитель. – Всем хватит.

Однако какое-то время спустя стало ясно, что путники насытились; тогда Хранитель сказал:

– Что ж, теперь вы услышите мои объяснения и зададите вопросы, которые у вас на языках.

– Мы хотели... – тут же вылез Плакси.

Хранитель взмахом руки заставил гнома замолчать.

– Лично ты хотел узнать, кто я такой, – проговорил он. – Я удовлетворю твое любопытство, ибо все равно должен это сделать. Представляясь вам, я назвался Хранителем. В каком-то смысле так оно и есть, но по роду занятий я – философ. Впрочем, тому, чем я занимаюсь, нет точного названия в вашем мире. Вас, мистер Джонс, пожалуй, больше устроит «специалист по философии», а вы, сэр Марк, пожалуйста, воздержитесь пока от расспросов...

– Я воздержусь, – отозвался Корнуолл, – если вы объясните мне вот что: откуда вам известны наши имена?

– Боюсь, правдивый ответ вызовет у вас недоверие ко мне, – вздохнул Хранитель, – но будь что будет: я могу читать мысли. Я проникаю в ваше сознание, могу забираться очень глубоко, но обычно, не желая оказаться невежей, предпочитаю скользить по поверхности. Впрочем, пойди я наперекор собственным принципам и проникни туда, где хранится ваше сокровенное знание, вам не пришлось бы смущаться и раздражаться. Я родом с другой планеты, и мои воззрения не всегда совпадают с вашими; к тому же я вам не судья. Годы научили меня уважать чужие взгляды...

– Будьте добры, – воскликнула Мэри, опасаясь, по-видимому, что ее кто-то опередит, – скажите, пожалуйста, что стало с моими родителями?

– Они вернулись домой, – ответил Хранитель.

– Без меня? Они не могли вернуться домой без меня!

– Ты возненавидишь меня и будешь, без сомнения, права, – сказал Хранитель. – Они ушли по моему настоянию. Я убедил их в том, что ты умерла.

– Да как вы смели? – всхлипнула Мэри. – Зачем? Что вы задумали?

– Дорогая моя, у меня были на то веские основания, – отозвался Хранитель. – Я утешался тем, что в конце концов все наладится...

– Выходит, в придачу к остальным своим талантам вы еще и ясновидящий? – справился Джонс.

– Разве что немного. – Хранителю явно польстило, что его принимают за провидца. – Скорее, я ощущаю, предчувствую судьбу, делаю то, что нужно, и...

– Бог с ней, с судьбой, – проговорила Мэри ледяным тоном, – лучше скажите, зачем вам понадобилось...

– Скажу, если вы дадите мне возможность и перестанете на меня кричать.

– Я вовсе не кричу, – возразила Мэри.

– Мы дадим вам возможность, – произнес Корнуолл, – однако предупреждаю вас, сэр: вы идете по тонкому льду.

– Пожалуй, – заметил Хранитель, – начать следует с начала, с чего мне, собственно, и надо было начать. Раса, представителем которой я являюсь, зародилась в глубокой древности на планете в самом центре Галактики. Мы создали великую цивилизацию задолго до того, как на Земле появился первый человек, вероятно, даже раньше, чем жизнь переместилась из моря на сушу. Мне известно, сэр Марк, что вы, если можно так выразиться, предубеждены...

– С ним все будет хорошо, – заверил Джонс. – Что не поймет, потом спросит. Он, похоже, сообразил, что одним колдовством всего не объяснишь. Так что продолжайте.

– Хорошо. Наша культура могла бы развиваться до таких высот, что мы выделились бы из Галактики, если не из Вселенной. Ведь мы были одними из первых разумных существ и к тому же значительно опережали других. Образ жизни, которого мы могли бы достичь, превосходил бы всякое воображение, однако еще в древности среди нас нашлись мудрецы, показавшие нам последствия такого развития. В итоге мы остались бы в полном одиночестве, ибо сами разорвали бы все связи между собой и иными формами жизни. Поставленные перед выбором, мы приняли решение: жить не только для себя, но и для тех существ, которые обитают или будут обитать на планетах нашей Галактики.

– Мистер, – заявил Джонс, – в моем мире таких, как вы, пруд пруди. Знаю я вашего брата! Доброжелатели, которые лезут туда, куда их не просят, без чьей помощи людям гораздо проще.

– Вы ошибаетесь, – сказал Хранитель. – Мы – всего лишь наблюдатели. Мы стараемся не вмешиваться – разве что в критические моменты.

– По-вашему, сейчас как раз критический момент?

– Боюсь, что да. Не то чтобы должна произойти грандиозная катастрофа, нет; однако я опасаюсь, что может не случиться то, чему суждено случиться. Этот край ожидает величие, но если ожидание окажется напрасным, то Галактика, а быть может, и вся Вселенная потеряет уникальную культуру. Ко всему прочему, если вам, мистер Джонс, станет от этого легче, то знайте: меня заботите отнюдь не вы, а население Галактики. Мне бы не хотелось, чтобы вы воспринимали нас как миссионеров. Мы не занимаемся благотворительностью. Мы всего лишь наблюдаем и надеемся и выступаем на свет только тогда, когда у нас не остается иного выхода.

– На словах у вас все получается гладко, – заметил Корнуолл, – но что-то я не совсем понимаю. Прежде всего о каком величии идет речь? Ну да, в университете хранится знание Пустынного Края, которое, разумеется, заслуживает...

– Друг мой, в нем хранятся знания, надежды и возможности трех великих цивилизаций, которые возникли из одного общего источника. Представьте себе: три различные философии, которые, если объединить их...

– Три, – протянул Джонс. – Мне казалось, я догадываюсь, к чему вы клоните, но откуда взялась третья? Культура Пустынного Края и мира Корнуолла – раз, культура моего мира – два. И все. Из одного – магия, из другого – технология; конечно, они вполне поддаются объединению.

– Существует третий мир, – проговорил Хранитель, – мир родителей Мэри. Ваш мир раскололся не однажды, но дважды. То есть выходит как бы три мира в одном.

– У меня и от двух голова шла кругом, – буркнул Корнуолл, – а теперь еще и третий! Мы думали, что родители Мэри принадлежат к миру Джонса, просто, может статься, родились на несколько столетий позже, чем он...

– Значит, они вернулись в третий мир, – прошептала Мэри. – Но почему...

– Я не мог рисковать, – ответил Хранитель, – мне нельзя было упускать их. Если бы с ними что-нибудь случилось, третий мир, вероятнее всего, не прислал бы никого другого. Я убедил их возвратиться к себе с тем, чтобы воспроизвести потом здесь письменную культуру.

– Ну и что? – спросил Джонс. – Все разложили по полочкам?

– Кажется, да, – кивнул Хранитель. – Я сделал университет хранилищем знаний всех трех миров. Ваш мир, мистер Джонс, делился достижениями технологии; из мира родителей Мэри я позаимствовал великую гуманистическую концепцию, которая, к сожалению, отсутствует в двух прочих мирах. Нужно все это объединить, так сказать, перемешать и создать систему ценностей, которая вберет в себя все лучшее каждой из культур. Затем собрать ученых со всех концов Галактики, причем некоторые из них будут специалистами в областях, о которых вы и не слышали...

– Мне говорили, – перебил Корнуолл, – что у вас тут богатая библиотека древних рукописей. Мне не терпится увидеть ее. Я могу читать на нескольких древних языках. Впрочем, с моим приятелем-гоблином мне, пожалуй, не тягаться. Он просидел в университетской библиотеке дольше моего.

– Ты нашел то, что искал, – буркнул Джиб, – а как быть нам? Ты засядешь за свои рукописи, и тебя от них не оторвешь. Но Хэлу с Енотом да и мне тоже тут делать нечего. Мы вернули Древним их топорик, хоть они того, право слово, и не заслуживали. Мы пошли за тобой сюда...

– Мы даже не умеем читать, – прибавил Хэл. – Нас никогда не учили читать. Никто из Народа Болот и Холмов...

– Я не болотник и не лесовик, но буквы для меня все равно что закорючки, – признался Плакси. – Однако домой мне хочется не поэтому. Мой дом – рудник, там остались мои друзья, да и Джиб с Хэлом привыкли к иным занятиям. Правда, я не горю желанием возвращаться той же дорогой.

– Поехали со мной, – предложил Джонс. – Мне надо вернуться в мой мир, чтобы вылечить руку. Марк сделал мне укол, а Мэри перевязала рану, но они не врачи...

– Я уверен, – заявил Оливер, – что, если вы немножко подождете, смогу отыскать в текстах какое-нибудь колдовство...

– Опять колдовство! – простонал Джонс. – Что касается меня, я сыт им по горло. Обойдусь антибиотиками! В общем, так: я беру с собой тех, кто хочет попасть домой, отвожу свою машину в то место, которое в моем мире приблизительно соответствует их дому, и доставляю их туда в целостности и сохранности. Только им придется спрятаться. Не хватало еще, чтобы их увидели!

– С удовольствием, – согласился Джиб. – Мы будем сидеть тихо как мыши.

– Вы твердо намерены возвратиться? – спросил Хранитель у Джонса.

– Ну разумеется! – воскликнул тот. – Обязательно! Не ради вашей драгоценной Галактики, не ради той грандиозной культуры, о которой вы тут рассуждали, а просто потому, что мне здесь нравится. Господи, ну и посмеемся же мы!

– И вы привезете с собой инструкции, важнейшие документы, то, что создано величайшими из ваших мыслителей?

– Вы что, шутите? – изумился Джонс. – Или не знаете, о чем говорите? Да я могу привезти вам целую кипу такого добра! Мой мир ничуть от того не обеднеет. Все, что хотите: описания, кальки, научные разработки, чертежи, журналы. Черт побери, я постараюсь отобрать лучшее, а когда привезу, то встану рядом с вами и вдоволь нахихикаюсь, пока вы будете со всем этим разбираться.

– Я рад, что вы находите в этом занятии развлечение для себя, – заметил Хранитель.

– Трое из нас остаются точно, – попытокнул Корнуолл. – А четвертый, наверно, Ведро. Вы утверждаете, что можете читать мысли. Как насчет того, чтобы попробовать на нем? Он не говорит, но, похоже, понимает нас. Может, вы поделитесь с нами тем, что вам известно о нем?

– Если вас интересует, как он к вам относится, – ответил Хранитель, – то знайте: он признателен вам и стремится стать вашим другом. Вы можете доверять ему целиком и полностью. Но относительно того, что он собой представляет, мне сказать нечего, поскольку он сам до сих пор не выяснил, кто он и что он. Вероятно, со временем – благо впереди у него долгая жизнь – он узнает все, что ему требуется. Однако в его сознании присутствует некое врожденное знание, переданное ему его родителем, который, по всей видимости, прибыл сюда из глубин космоса. Впрочем, внешнеюстью они с отцом, как вы, должно быть, уже догадались, разнятся – и весьма ощутимо. Представители его расы обладают, как мне кажется, способностью изменять по желанию метаболизм своих отпрысков, и я осмелюсь предположить, что родитель нашего друга намеренно придал ему такую наружность, наделил возможностями, которые, с его точки зрения, должны были пригодиться чаду гонимого существа; ведь те, кто охотился на отца, почти наверняка начнут охотиться на сына. Однако, на мой взгляд, Жестяное, как вы его называете, Ведро еще не осознал всех возможностей, заложенных в него отцом. Скорее всего, он будет обнаруживать их одну за другой по мере необходимости. Иными словами, он для нас пока – неизвестный фактор.

– Занятная у вас манера выражаться, – хмыкнул Джонс.

– Возможно, мистер Джонс. Но я думаю, вы согласитесь с тем, что на неизвестный фактор, как правило, возлагаются самые смелые упования.

– Надеюсь, – пробормотал Джонс, – что ваш фактор в один прекрасный день не сойдет с ума и не перерубит нас всех в капусту. После того случая с винтовкой...

– Хватит, мистер Джонс, – оборвал его Хранитель. – Дайте сказать другим. Прошу вас, мастер Сплетник.

– Я всего лишь порученец, – проговорил Сплетник, – мальчик на побегушках, улаживатель мелких ссор, тот, кто присматривает за тем, чтобы другие ничего не забыли.

– Вы остаетесь?

– Мне предстоит слишком много сделать, пройти не одну сотню миль. Пора наводить порядок, и начну-ка я, пожалуй, прямо сейчас. – Он сунул руку в карман своего одеяния и извлек оттуда топорик Древних. – Раз Древние отвергли его, он должен достаться тому, кто нес его и охранял. Награда за тяготы пути невелика, но все равно приятно. – Он кинул топорик Джибу.

– Будет чем подтвердить свои слова, – ухмыльнулся тот. – Благодарю тебя, Сплетник.

– А вот, – продолжал Сплетник, поворачиваясь к Мэри, – рог единорога. Вам он больше не нужен, так что, пожалуйста, отдайте его мне.

– Охотно, – сказала девушка, – но зачем?

– Его нужно воткнуть в ствол того самого дуба, чтобы он был там, когда появятся следующие, – заявил Сплетник. – Вы должны понимать, что паломников много, а рогов мало, поэтому нам приходится их беречь.

Глава 39

Добрые друзья, надежные товарищи покинули их, исчезли в никуда вместе с Джонсом и его машиной. Корнуолл повернулся и медленно двинулся через луг вслед за теми, кто остался. Впереди шагал по направлению к прекрасному зданию Хранитель, его окружал маленький народец. Чуть в стороне, словно ощущая свою чужеродность, ковылял Ведро.

«Вот и конец, – подумал Корнуолл, – конец долгому и утомительному пути из Вайалузинга, где я отыскал в библиотеке университета спрятанный манускрипт, причем конец совсем не такой, каким я себе его воображал; подобного конца я просто не в силах был вообразить. Я отправился в дорогу, чтобы найти Древних, а теперь Древние меня совершенно не интересуют, ибо не оправдали ожиданий».

Он вспомнил ту ночь, когда они, распрощавшись наконец с Выжженной Равниной, набрали на воду, вспомнил, как ушел от костра, снедаемый чувством вины перед своими спутниками, как размышлял о том, что их ждет, и был уверен, что им не избежать гибели на обратном пути. Что ж, все позади, возвращаться нет никакой необходимости, ибо тут, в чудесном здании на лугу под сенью Туманных Гор, работы столько, что ее не переделать и за всю жизнь. Если Хранитель не преувеличил, то перед ним и впрямь открывается возможность слить воедино три великие культуры и создать из них нечто особенное, с помощью, быть может, ученых из диковинных миров, каждый из которых сведущ в неведомых науках и искусствах. К тому же не стоит забывать про неизвестный фактор в образе Жестяного Ведре, фактор, который способен придать замыслу неожиданную, захватывающую перспективу.

– Не печалься, Марк, – проговорила идущая рядом Мэри. – Они вернулись домой, как им того и хотелось.

– Мне нечего было сказать, – пробормотал он, качая головой. – Понимаешь, нечего! И им тоже. Мы все что-то утратили. Они столько для нас сделали...

– Не больше, чем ты для них, – возразила девушка. – Ты наполнил их жизнь смыслом. Подумай, представь себе, что они будут рассказывать зимними вечерами: Плакси в своем руднике, Хэл с Енотом в дупле дерева, Джиб на болоте...

– Спасибо, Мэри. Ты всегда говоришь то, что нужно. Твои слова исцеляют.

Некоторое время они шли молча, потом Мэри сказала:

– Ловкие Пальцы обещал мне, что нам с тобой дадут новую одежду, а это как раз то, чего нам не хватает. У тебя дырки на коленях и на локтях, а мое старенькое платье годится теперь разве что на половую тряпку. Знаешь, он утверждает, что, если я захочу, мне подберут платье с золотым шитьем. Ты только вообрази, как я буду выглядеть! Настоящая принцесса!

Он положил руку на плечо девушке и развернул ее лицом к себе.

– Ты и так принцесса, – проговорил он, – безо всякого платья с золотым шитьем. Я сильнее всего люблю тебя такой, в этом старом платьишке, от которого до сих пор пахнет Зверем Хаоса, пускай оно все драное и в жирных пятнах. Поклянись, что никогда не станешь мыть им пол.

Мэри обвила его руками за шею. Он прижал девушку к себе.

– Все образуется, Марк, – прошептала она. – С платьем или без платья, все образуется.

Братство талисмана

Перевод К. Королева

Глава 1

На протяжении двух дней пути местность выглядела так, словно по ней прошли огнем и мечом. Царившее окрест запустение казалось невероятным и вселяло в сердце ужас. До той поры, пока путники не заметили поместье, неизвестно как уцелевшее среди всеобщей разрухи, им не встретилось ни души, если не считать животных – те попадались во множестве: волки наблюдали с пригорков за продвижением людей; лисы то выскакивали из зарослей, то ныряли обратно в подлесок; канюки, восседавшие на мертвых деревьях или на почерневших от бушевавшего здесь некогда пламени развалинах, взирали на путников с неподдельным интересом. Временами взгляд наткнулся на человеческие кости, что белели на земле под сенью деревьев.

Погода, на которую поначалу грех было жаловаться, к середине второго дня испортилась: небо затянули тучи, с севера задул резкий, порывистый ветер, принесший с собой холодный дождь, который вдобавок то и дело переходил в мокрый снег.

Уже под вечер, взобравшись на гребень очередного холма, Данкен Стэндиш увидел поместье – несколько строений, обнесенных палисадом, вокруг которого тянулся ров. Преодолев его по подъемному мосту и миновав ворота, можно было попасть во внутренний двор, по которому, как разглядел с вершины Данкен, бродили коровы, овцы и свиньи; рядом виднелся загон для лошадей. Иногда среди животных мелькали человеческие фигуры; из нескольких труб поднимался в осеннее небо дым. Снаружи палисада располагались другие строения, некоторые из них явно пострадали от пожара. В целом поместье производило впечатление заброшенности и полного упадка.

Дэниел, огромный боевой конь Данкена, следовавший за ним повсюду с поистине собачьей преданностью, неторопливо поднялся на холм и приблизился к хозяину. За Дэниелом появилась Красотка, маленькая ослица, навьюченная припасами и разнообразным снаряжением. Дэниел ткнулся носом в плечо Стэндишу.

– Все в порядке, Дэниел, – проговорил тот. – Мы нашли себе приют на ночь.

Жеребец тихо заржал.

Последним к Данкenu присоединился Конрад. Широкоплечий, ростом без малого семь футов, он выглядел весьма внушительно. Наброшенный на плечи плащ из овечьих шкур ниспадал почти до колен. В правой руке Конрад сжимал увесистую дубинку, вырезанную из древесины дуба. Остановившись рядом со Стэндишем, он молча уставился на поместье.

– Что скажешь? – спросил Данкен.

– Они заметили нас, – проронил Конрад. – Вон сколько голов торчит над палисадом.

– Твои глаза острее моих, – сказал Данкен. – Ты уверен?

– Уверен, милорд.

– Не называй меня так. Лорд не я, а мой отец.

– Когда он умрет, – возразил Конрад, – вы унаследуете его титул.

– Злыдней не видно?

– Нет, только люди.

– Странно, – пробормотал Данкен. – Вряд ли они могли обойти это место стороной.

– Может, их отогнали или им было некогда.

– Такое случается редко. И потом, кто тогда спалил дома перед палисадом?

– А вот и Крошка! – воскликнул Конрад. – Он бегал вниз узнать, что к чему.

Мастиф, о котором шла речь, буквально взлетел по склону и подбежал к Конраду. Тот погладил его по голове, и громадный пес завилял хвостом. Глядя на эту парочку, Данкен в который уже раз подивился про себя схожести человека и собаки. Голова мастифа, великолепного образчика своей породы, находилась на уровне талии Конрада. Кожаный ошейник пса украшали металлические заклепки. Чуть поводя ушами, пес смотрел на поместье и глухо рычал.

– Крошке оно тоже не нравится, – заметил Конрад.

– Зато у нас будет крыша над головой, – сказал Данкен. – Ночь обещает быть сырой и холодной.

– А как насчет клопов и вшей?

Красотка прижалась к Дэниелу, норовя укрыться от пронизывающего ветра.

– Уверю тебя, Конрад, – произнес Данкен, поправляя перевязь, – я разделяю ваши с Крошкой опасения, однако мне как-то не хочется проводить в такую погоду ночь на открытом воздухе.

– В любом случае надо держаться вместе, – заявил Конрад. – Нельзя, чтобы нас разлучили.

– Верно, – согласился Данкен. – Ну что, идем?

Спускаясь по склону холма, Данкен нащупал под плащом висевший на поясе кошелек, объемистую матерчатую сумку, в которой лежал манускрипт. Он словно услышал, как захрустел под пальцами пергамент, и внезапно рассердился на себя. В самом деле, сколько можно проверять, на месте ли манускрипт, потворствовать собственной глупости?! Ни дать ни взять деревенский паренек, что направляется на ярмарку с пенни в кармане и раз за разом проверяет, не потерялась ли монетка. Данкену вспомнились слова его милости: «От этих листочков зависит, возможно, будущее человечества». Впрочем, его милость склонен все преувеличивать, так что, пожалуй, не стоит принимать фразу всерьез. Хотя, мысленно поправился Данкен, вполне возможно, что престарелый церковник прав. Все выяснится, когда они прибудут в Оксенфорд. Так или иначе, именно манускрипт – несколько плотно исписанных страниц – заставил его двинуться в путь, покинуть суливший уют и безопасность Стэндиш-Хаус и искать сейчас приюта в поместье, где, как справедливо подметил Конрад, постели наверняка кишат клопами.

– Меня тревожит одна вещь, – проговорил Конрад, шагавший бок о бок с Данкеном.

– Да? Мне казалось, что тебя ничто на свете не тревожит.

– Кроме малого народца, – отозвался Конрад. – Куда они все подевались? Ведь кому, как не им, было улизнуть от Злыдней. Или, по-вашему, гномы, гоблины и прочие на такое не способны?

– Вероятно, они испугались и попрятались, – предположил Данкен. – Насколько я знаю, прятаться они умеют.

– И как я не сообразил?! – воскликнул Конрад, светлея лицом.

Чем ближе они подходили к поместью, тем все больше убеждались в том, что его никак нельзя отнести к процветающим. Наиболее подходящим словом было «обветшавшее». Тут и там над палисадом торчали головы любопытных, однако никто не потрудился опустить мост, а без него нечего было и думать о том, чтобы перебраться через ров. От зеленоватой воды во рву, в которой плавали некие бесформенные куски, напоминавшие разложившиеся человеческие тела, исходила отвратительная вонь.

– Открывайте! – рявкнул Конрад. – Путники требуют приюта!

Его призыву, похоже, не вняли, и он вынужден был повторить свои слова. Наконец, под скрип дерева и лязг цепей, мост начал опускаться. Очутившись перед воротами, путешественники увидели во дворе большую толпу людей. Те выглядели бродягами, сущими оборванцами, однако были вооружены копьями, а некоторые – даже самодельными мечами.

– Назад! – прорычал Конрад, замахиваясь дубинкой. – Прочь с дороги!

Оборванцы отступили, но копий не опустили, да и мечи оставались пока обнаженными. Из толпы, приволакивая ногу, выбрался низенький человек.

– Мой господин приветствует вас, – проговорил он визгливым голосом, – и приглашает к столу.

– А наши животные? – буркнул Конрад.

– У стены есть крытый загон, – отозвался колченогий коротышка. – Там найдется сено для лошади и осла, а собаке я принесу косточку.

– Никаких косточек, – возразил Конрад. – Мяса, и побольше, столько, сколько съест.

– Хорошо, я поищу мяса.

– Дай ему пенни, – велел Данкен своему напарнику.

Конрад достал из кошелька монету и швырнул коротышке. Тот поймал ее на лету и в знак благодарности прикоснулся пальцами ко лбу – в его движениях сквозила насмешка.

Загон представлял собой обыкновенный навес; тем не менее он худо-бедно защищал от ветра и дождя. Данкен расседлал Дэниела и положил седло у стены. Конрад снял с Красотки поклажу и взгромоздил вьюки поверх седла.

– Может, вам лучше взять вещи с собой? – предложил коротышка. – Так будет безопаснее.

– С ними ничего не случится, – уверил его Конрад. – Если кто попробует поживиться ими, ему переломают ребра или, может статься, свернут шею.

Толпа оборванцев незаметно рассеялась. Перекидной мост с протестующим скрипом пошел вверх.

– Пожалуйте за мной, – сказал коротышка. – Хозяин ожидает вас.

В огромном зале царил полумрак, насыщенный непередаваемым зловонием. На стенах висели факелы, которые не столько светили, сколько чадили и коптили потолок. Тростник на полу, судя по всему, не меняли на протяжении месяцев, если не лет; повсюду валялись кости – подачки собакам или просто отброшенные за ненадобностью, после того как были обглоданы. Кроме того, пол усеивали кучки собачьего кала. В зале пахло мочой – собачьей и, по всей вероятности, человеческой. В дальнем конце помещения виднелся очаг, в котором жарко пылало пламя. Дымоход, по-видимому, был засорен, поэтому дым частично выходил наружу, а частично стелился по залу. Посреди зала располагался длинный деревянный стол, за которым сидели весьма подозрительные на вид люди. Им прислуживали подростки, разносившие тарелки и кружки с элем.

При появлении гостей разговор за столом стих, и бражники принялись с откровенным любопытством разглядывать путешественников. Собаки повскакивали со своих мест и оскалили зубы.

– Милости просим, друзья! – приветствовал путников человек, сидевший спиной к очагу. – Добро пожаловать к столу Гарольда Потрошителя. – Он встал и крикнул прислужникам: – Ну-ка, выгоните отсюда этих поганых псов! Не хватало еще, чтобы они покусали наших гостей!

Подростки бросились выполнять распоряжение, усердно раздавая пинки. Собаки с визгом разбежались кто куда.

Данкен шагнул вперед. Конрад следовал за ним по пятам.

– Благодарю вас за ваше хлебосольство, сэра, – сказал Данкен.

Гарольд Потрошитель был скуласт и космат. Его волосы и борода производили такое впечатление, будто в них обитали крысы. Он носил плащ, об истинном цвете которого можно было только догадываться – настолько материя пропиталась жиром. Воротник и рукава плаща были оторочены побитым мохью мехом.

– Присаживайтесь, сэра, – пригласил Потрошитель, указав взмахом руки на место рядом с собой.

– Меня зовут Данкен Стэндиш, – произнес юноша, – а моего спутника – Конрад.

– Он ваш слуга?

– Нет, не слуга, товарищ.

– В таком случае, – проговорил Потрошитель, поразмыслив над услышанным, – он сядет с вами. Эйнер, брысь отсюда! Подыщи себе другое местечко.

Эйнер неуклюже поднялся и, захватив тарелку с кружкой, молча присел поодаль.

– Теперь, когда все улажено, – продолжал Потрошитель, вновь обращаясь к Данкену, – почему бы вам не сесть? Пища у нас небогатая, мясо да хлеб, зато мы угостим вас превосходным элем; вдобавок могу предложить мед. Клянусь, такого меда вы в жизни не пробовали! Когда на нас напали Злыдни, старый Седрик, наш пасечник, готов был погибнуть, лишь бы спасти ульи.

– Они давно были здесь? – спросил Данкен. – Я понимаю Злыдней.

– В конце весны. Сперва они явились малым числом. Орда пришла потом, так что у нас было время схоронить скот и пчел. Нам повезло, что мы успели приготовиться. Скажите, сэр, вам доводилось видеть Злыдней?

– Нет, я только слышал о них.

– Гнусные, доложу я вам, твари, – проговорил Потрошитель. – Всех форм и размеров. Бесы, демоны, дьяволы – они способны любого напугать так, что душа уйдет в пятки, а желудок вывернет наизнанку, и притом одни хуже других. Страшнее всего безволосые. Они похожи на людей, но на самом деле – нелюди, этакие идиоты, здоровые, как быки, ничего не боятся и убивают без разбора своих и чужих. На теле ни единого волоска, жирные, как слизняки, что кишат под гнилушками, и такие же белые. Насчет жирных я, пожалуй, погорячился. Не жирные – мускулистые, сплошные мышцы. Перед ними никому не устоять. Так вот, эти безволосые и остальные, они уничтожают все подряд: убивают, жгут, разоряют. Они не ведают жалости. Дикие звери, умеющие к тому же колдовать. Скажу прямо: нам пришлось туго. Но мы разрушили чары и отразили натиск, хотя одного вида Злыдней достаточно, чтобы напугать человека до смерти.

– Выходит, вы не испугались?

– Точно, – подтвердил Потрошитель. – Мы парни крепкие и отвечали ударом на удар. Еще неизвестно, кому больше досталось. Мы вовсе не собирались отдавать им свою добычу.

– Добычу?

– Ну да. Вы же небось не ожидали встретить тут таких, как мы, верно? Меня кличут Потрошителем; это шутка, так сказать, дружеское прозвище. Мы – честные люди, которые не могут найти работу. Вы наверняка встречали по пути наших товарищей по несчастью. Все безработные нынче тем и занимаются, что ищут укромный уголок, где можно было бы поселиться и прокормить себя и семью. Пока мы не забрели сюда, ничего подходящего нам не попадалось.

– Вы понимаете, что поместье было покинуто? Здесь никто не жил?

– Мы не обнаружили ни души! – торжественно заявил Потрошитель. – Вот почему на совете было решено, что мы можем обосноваться тут – до тех пор, пока не появятся законные владельцы, если они, конечно, появятся.

– И тогда вы уйдете?

– Разумеется, – заверил Потрошитель. – Мы вернем поместье хозяевам, а сами снова отправимся искать укромный уголок.

– Весьма благородно с вашей стороны, – сказал Данкен.

– Спасибо на добром слове, сэр. Но хватит о наших делах, расскажите лучше о себе. Вы назвали путниками, так? В здешних краях путники – редкость, сейчас не те времена, чтоб путешествовать в свое удовольствие.

– Мы направляемся на юг, – ответил Данкен, – в Оксенфорд, а если придется, то и в Лондон.

– И вам не страшно?

– Естественно, страшно. Однако мы хорошо вооружены и всегда настороже.

– Это правильно, – одобрил Потрошитель. – Насколько я понимаю, ваша дорога ведет напрямик через Пустошь, а там опасностей хоть пруд пруди, да и провизии не достать. Я же

говорю, все кругом разорено. Птице и той надо запастись перед полетом, коли она вздумает перелететь через Пустошь.

– Тем не менее вы не бедствуете.

– Нам посчастливилось уберечь скот. И потом, после ухода Злыдней мы посадили зерно. Правда, было уже поздно, так что урожай вышел почти никудышный: чуток пшеницы, а ржи и овса и того меньше. Ячменя кот наплакал, а уж про гречиху вообще говорить нечего. Да и с сеном нелады, хватает в обрез. Вдобавок начался падеж, а тут еще напасть: волки, разрази их гром, повадились задираить овец.

Прислужник поставил перед гостями по кувшину с элем, затем принес громадное блюдо, на котором лежали кусок говядины и седло барашка. Другой подросток оделил путников хлебом и тарелкой сотового меда.

Утоляя голод, Данкен исподтишка оглядывал сотрапезников. Нет, что бы ни говорил Потрошитель, до честных работников им далеко. Больше всего своими повадками они напоминали стаю волков. Возможно, то была шайка мародеров, застигнутая врасплох Злыднями. Вполне естественно, что они, отразив нападение Злыдней, решили остаться здесь, ибо никакой законник не отважится на поездку в те края, по которым недавно пронеслась Орда.

– А где Злыдни сейчас? – спросил Данкен.

– Никто не знает, – ответил Потрошитель. – Они могут быть где угодно.

– По слухам, они пересекли границу Пустоши и углубились в Северную Британию.

– Может быть, может быть. До нас слухи не доходят, их попросту некому доносить. Вы единственные, кто заглянул к нам. Какая же необходимость завела вас сюда?

– Мы везем послания.

– В Оксенфорд и Лондон?

– Да.

– Но в Оксенфорде хоть шаром покати.

– Не стану спорить, – ответил Данкен. – Я никогда там не был.

Он отметил про себя, что за столом нет ни единой женщины, несмотря на то что их присутствия требовали правила хорошего тона. Впрочем, Потрошитель, вероятно, придерживался иных взглядов.

Юнец принес кувшин с элем и наполнил кружки путников. Данкен пригубил напиток и убедился, что питье отменного качества. Он сказал об этом Потрошителю.

– Старые запасы, – объяснил гостеприимный хозяин. – Как я уже говорил, в нынешнем году урожай выдался скудный. А что касается сена, честное слово, не знаю, как скот переживет зиму – корма-то почитай что и нет.

Бражники один за другим прекращали есть, некоторые из них отодвигали тарелки и роняли головы на сложенные на столе руки, словно на подушки. Наверное, они так спят, подумалось Данкену, устраиваются не лучше своих собак, по отношению к которым не скупятся на колотушки. Потрошитель откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Мало-помалу в зале установилась тишина.

Данкен отрезал от буханки два ломтя хлеба и протянул один Конраду, а свой намазал медом. Потрошитель не преувеличивал: мед и в самом деле был превосходен – чистый, прозрачный, ароматный, ничуть не похожий на тот, который изготавливают в северных краях, темный и малопривлекательный на вкус.

К вытяжному отверстию очага взметнулись искры: прогорело и распалось на угольки очередное полено. Факелы на стенах постепенно гасли, однако чадили по-прежнему изрядно. Двое псов не поделили кость и теперь рычали друг на друга. Царившее в зале зловоние с каждой минутой становилось все отвратительнее.

Некий приглушенный расстоянием звук заставил Данкена вскочить с места. Он прислушался: звук повторился – боевой клич, в котором смешались ярость и боль.

– Это Дэниел! – воскликнул Конрад.

Путники бросились к выходу. Им было преградил дорогу один из бражников, но Данкен, не тратя времени на разговоры, откинул его в сторону, а Конрад угрожающе замахнулся дубинкой. Послышались разъяренные вопли, раздался собачий лай. Данкен выхватил из ножен меч; клинок со свистом распорол воздух. Конрад могучим усилием распахнул дверь, и они выбежали на двор. Посреди двора пылал громадный костер, освещавший навес, под которым остались животные, и толпу людей, круживших около него, причем эта толпа редела на глазах.

Дэниел, взвившись на дыбы, ударил передними копытами. Кто-то без чувств повалился на землю, кто-то пополз прочь. Вот подкованное копыто угодило кому-то в лицо, и человек рухнул наземь как подкошенный. В нескольких футах от Дэниела терзал своего обидчика Крошка. К Красотке было не подступиться, она лягалась всеми четырьмя копытами сразу.

Завидев мужчин, что спешили на подмогу животным, челядь Потрошителя кинулась врассыпную.

– Все в порядке, – проговорил Данкен, приблизившись к Дэниелу. – Мы с вами.

Жеребец фыркнул.

– Отпусти его, – велел Конрад Крошке. – Он мертв.

Мастиф повиновался и облизал окровавленную морду. У человека, которого он отпустил, на месте горла зияла кровавая рана. Двое лежавших на земле перед Дэниелом не шевелились; похоже, они оба отправились к праотцам. Третий пострадавший, со сломанным позвоночником, оглашал двор жалобными воплями. Между тем из дверей усадьбы выбежали те, кто пировал за столом, выбежали – и застыли в изумлении. Протолкнувшись сквозь них, к Данкену с Конрадом подошел Потрошитель.

– Что это значит? – рявкнул он. – Я приютил вас, а вы убиваете моих людей!

– Они пытались украсть наши вещи, – ответил Данкен, – должно быть, заодно с животными. Как видите, нашим животным не понравилось...

– Не может быть! – воскликнул Потрошитель с хорошо разыгранным недоумением. – Мои люди не способны на такие проделки.

– Ваши люди, – заявил Данкен, – обыкновенные бандиты с большой дороги.

– Очень жаль, – произнес Потрошитель. – Я обычно не ссорюсь с гостями.

– Никто и не собирается ссориться, – отрезал Данкен. – Опустите мост, мы уезжаем.

– Понятно? – прорычал Конрад, подступаясь к Потрошителю и перехватывая поудобнее дубинку. – Милорд требует опустить мост.

Потрошитель, судя по всему, не прочь был улизнуть, однако Конрад не дал ему такой возможности: он стиснул руку мародера и развернул его лицом к себе.

– Дубинка проголодалась, – сообщил он. – Давненько ей не приходилось разбивать черепов.

– Мост, – повторил Данкен тихо.

– Ладно, – пробормотал Потрошитель. – Не задирайтесь! Пропустите их! Нам не нужна лишняя кровь!

– Если кровь и прольется, то перво-наперво твоя, – бросил Конрад и проговорил, обращаясь к Данкену: – Седлайте коня, навьючивайте Красотку. Я справлюсь с ними в одиночку.

Мост медленно пошел вниз. Когда его конец ударился о противоположную сторону рва, маленький отряд был готов продолжить путь.

– Пока мы не окажемся в безопасности, я его не отпущу, – буркнул Конрад, разумея Потрошителя, и подтолкнул того в спину: мол, давай шагай. Бандиты в молчании взирали на происходящее, не делая попыток выручить своего главаря.

Очутившись на мосту, Данкен запрокинул голову и взглянул на небо. Тучи исчезли без следа, небосклон усыпали звезды, сияние которых затмевала своим светом почти полная луна.

Когда отряд пересек мост, Конрад ослабил хватку и Потрошитель обрел долгожданную свободу.

– Как только вернетесь к своим, прикажите поднять мост, – сказал Данкен предводителю бандитов. – Гнаться за нами не советую, если вы, конечно, не хотите возобновить знакомство с моим конем и Крошкой. Как вы могли убедиться, они обучены драться и разорвут ваших голодранцев в клочья.

Потрошитель молча заковылял обратно. Едва миновав ворота, он гаркнул на своих припешников, послышался лязг цепей и скрип древесины, и мост начал мало-помалу подниматься.

– Пошли, – сказал Данкен, когда мост поднялся достаточно высоко. Пустив вперед мастифа, они направились по склону холма, доверившись слабо различимой тропе.

– Куда мы идем? – спросил Конрад.

– Не знаю, – отозвался Данкен. – Мне все равно, лишь бы уйти отсюда.

Крошка предостерегающе зарычал – на тропу неожиданно выступил человек. Сопровождаемый псом, Данкен приблизился к незнакомцу. Тот проговорил дрожащим голосом:

– Не беспокойтесь, сэра. Я Седрик, местный пасечник.

– Что тебе нужно?

– Я пришел указать вам дорогу, сэра, и принес немного еды. – Седрик нагнулся и поднял мешок, который лежал у его ног. – Кусок грудинки, окорок, сыр, – принялся перечислять он, – буханка хлеба и мед. Что касается дороги, я могу показать самую короткую и безопасную. Я прожил тут всю жизнь и потому знаю окрестности как свои пять пальцев.

– С какой стати тебе вздумалось помочь нам? Ты же человек Потрошителя; он упоминал про тебя – дескать, ты спас пчел, уберег их от Злыдней.

– Я вовсе не его человек, – возразил пасечник. – Он явился совсем недавно, а мой род обитает в здешних краях, почитай, испокон веку. Наш хозяин был добрым и справедливым, мы жили счастливо, пока пару лет назад – ну да, в Михайлов день будет ровно два года – не пришел Потрошитель со своими ублюдками и...

– Тем не менее ты остался с ним.

– Он пощадил меня, сэра, потому что я единственный умею обращаться с пчелами, а Потрошитель любит мед.

– Выходит, я был прав, – пробормотал Данкен. – Потрошитель захватил поместье силой, поубивав прежних обитателей.

– Точно, – подтвердил Седрик. – Ох и тяжелая настала пора! Сперва Потрошитель, потом – Злыдни, друг за дружкой, как сговорились.

– Значит, тебе известно, как нам поскорее очутиться вне досягаемости Потрошителя?

– Верно, сэра, известно. Я не заплутаю даже в темноте. Когда я сообразил, что происходит, то прошмыгнул на кухню, собрал чего поесть, перелез через палисад и стал дожидаться вас.

– А ты не боишься, что Потрошитель узнает о твоём поступке?

– Нет, – покачал головой Седрик. – Моего отсутствия никто не заметит. Я провожу все время с пчелами, сплю на пасеке, а сегодня пришел в дом из-за холода и дождя. Они решат, что я отправился обратно к пчелам. А что до меня, сэра, то, по правде сказать, я сочту за честь служить человеку, который одолел Потрошителя.

– Он тебе не нравится?

– Я его ненавижу, но в открытую мне с ним не тягаться, так что я действую исподтишка, врежу где получится.

– Пока давай мне, – проговорил Конрад, забирая у старика мешок. – На привале навьючим на Красотку.

– По-твоему, Потрошитель кинется в погоню? – справился Данкен.

– Не знаю, все может быть.

– Ты сказал, что ненавидишь его. Почему бы тебе не присоединиться к нам? Ведь тебя здесь ничто не держит.

– Я бы с радостью, сэр, но вот пчелы...

– Пчелы?

– Сэр, вы знаете что-нибудь о них?

– Крайне мало.

– Это удивительнейшие создания! – воскликнул Седрик. – Невозможно сосчитать, сколько их умещается в одном только улье. Но им требуется помощь человека. Каждый год матка должна откладывать яйца – одна-единственная, иначе улей ослабеет, пчелы начнут роиться и разлетятся в разные стороны. Ну вот, чтобы такого не случилось, нужен пасечник, который станет приглядывать за порядком. Он будет проверять соты. Выискивать лишних маток и уничтожать их; он убьет и старую матку, если чувствует, что сможет вырастить крепкую молодую...

– И потому-то ты останешься с Потрошителем?

– Я люблю своих пчел, – заявил старик, гордо расправляя плечи. – Я им нужен.

– Пчелы, пчелы, – проворчал Конрад. – Сколько можно болтать об одном и том же?

– Извините, – сказал пасечник. – Следуйте за мной и не отставайте.

Он двигался на удивление легко и свободно, как бы парил над землей этаким призраком, шел то медленно, словно на ощупь, то вприпрыжку, то почти бежал. Следом за ним путники миновали неглубокую лощину, поднялись на холм, опустились в распадок, взобрались на гребень следующего холма. В небе над ними сверкали звезды, клонилась к западу луна. С севера по-прежнему задувал холодный ветер, однако дождь прекратился.

Данкен ощущал нарастающую усталость. Тело не желало мириться с той резвостью, на которой настаивал без слов старый Седрик. Несколько раз он спотыкался, но на предложение сесть на коня ответил отказом:

– Дэниел устал не меньше моего.

С Данкеном произошла странная вещь: рассудок будто отделился от тела. Ноги несли его вперед, через мрак и бледный лунный свет, сквозь лес, по холмам и долинам, а мысли перемещались сами по себе, неизменно возвращаясь, впрочем, к тому дню, с которого все началось.

Глава 2

Предчувствие того, что его избрали для выполнения некоего поручения, впервые посетило Данкена в тот миг, когда он спустился по винтовой лестнице и направился в библиотеку, где ожидали отец и его светлость архиепископ. Он твердил себе, что в желании отца увидеться с ним нет ничего необычного. Может быть. Однако что привело в замок архиепископа? Пожилой прелат сильно раздобрел за последние годы от обилия пищи и недостатка занятий, а потому редко покидал свой монастырь. Должно было случиться нечто из ряда вон выходящее, чтобы он взобрался на старенького серого мула и приехал сюда. Кстати говоря, этот мул, с его нелюбовью к быстрому бегу, как нельзя лучше подходил для человека, отнюдь не склонного к физической активности.

Данкен вошел в библиотеку, просторное помещение, вдоль стен которого от пола до потолка выстроились книжные полки; в окне – витражное стекло; над очагом, где жарко пылало пламя, голова оленя с ветвистыми рогами. Отец и архиепископ сидели в креслах, вполоборота к огню, и оба встали ему навстречу, причем даже столь незначительное усилие далось церковнику с немалым трудом.

– Данкен, – сказал отец, – у нас гость, которого ты должен помнить.

– Ваша милость, – проговорил Данкен, торопливо подходя поближе, чтобы получить благословение. – Я рад вновь встретиться с вами.

Он опустился на колени. Архиепископ перекрестил юношу и сделал рукой символический жест, как бы помогая Данкenu подняться.

– Еще бы ему меня не помнить, – заметил он, обращаясь к отцу юноши. – Мы с ним попортили друг другу немало крови. Сколько сил пришлось положить наставникам, чтобы втолковать разным неслухам хотя бы начатки латыни, греческого и прочих предметов!

– Ваша милость, – осмелился возразить Данкен, – учиться – такая скука! Какая мне польза от латинских глаголов...

– Рассуждает как дворянин, – сказал архиепископ. – Все они, когда приезжают к нам, принимаются жаловаться на латынь. Однако надо признать, что ты, невзирая на свое нежелание, оказался способнее многих.

– Я согласен с вами, – буркнул отец Данкена. – Мы прекрасно обходимся без всякой латыни. Вы там, в монастыре, просто морочите ребятам головы.

– Возможно, – проговорил архиепископ, – возможно, однако ничему иному мы научить не можем: ни как правильно сидеть на лошади, ни умению владеть клинком или обхаживать девиц.

– Забудем, ваша светлость. Чем подначивать друг друга, давайте лучше займемся делом. Слушай внимательно, сынок. Это напрямую касается тебя.

– Понимаю, сэр, – отозвался Данкен. Он дождался, пока сядут старшие, и лишь тогда сел сам.

– Кто скажет ему, Дуглас? – спросил прелат, поглядев на лорда Стэндиша.

– Вы, ваша светлость. Вам известно больше моего. К тому же у вас и язык подвешен что надо.

Архиепископ откинулся на спинку кресла и скрестил пухлые пальцы рук на своем округлом животике.

– Два года тому назад или около того, – начал он, – твой отец принес мне манускрипт, который обнаружил, разбираясь в фамильных бумагах.

– Там накопилось столько хлама, – подал голос отец Данкена, – что я не выдержал. Ценные документы лежали вперемешку с теми, которые давным-давно следовало выкинуть. Старые письма, записи, дарственные, акты были как попало понапиханы в коробки и завалены

совершенно посторонними предметами. Разборка продолжается до сих пор. Временами попадает такое, что приводит меня в полнейшее замешательство.

– Он принес манускрипт мне, – пояснил архиепископ, – поскольку тот был написан на неведомом языке. Твой отец не знал этого языка, что ничуть не удивительно, ибо таковым знанием могут похвастаться лишь немногие.

– Выяснилось, что язык манускрипта – арамейский, – прибавил лорд Стэндиш, – тот самый, на котором, как меня уверяли, говорил Иисус.

Данкен пребывал в растерянности. «Что происходит? – спрашивал он себя. – К чему они клонят? И при чем здесь я?»

– Ты гадаешь, зачем мы позвали тебя, – произнес архиепископ.

– Да, ваша милость.

– Подожди, скоро узнаешь.

– Может, не стоит? – пробормотал Данкен.

– Нашей монастырской братии, – продолжал старец, – манускрипт доставил немало хлопот. Арамейский оказался знакомым только двоим, да и то один, как мне кажется, больше похвалялся, нежели и вправду знал. Так или иначе, мы сумели прочесть документ, однако вся беда в том, что нам неизвестно, настоящий он или поддельный. По форме он напоминает дневник, посвященный пастырству Иисуса. Не то чтобы события излагались в нем день за днем, нет; он изобилует пропусками, хотя при последующем изложении всегда упоминается, что с момента окончания предыдущей записи случилось то-то и то-то. Судя по стилю, можно предположить, что автор жил в те времена и являлся очевидцем событий. Он не обязательно входил в число приближенных Иисуса, но сопровождал его. В тексте не содержится ни намек на то, кем он был в действительности. Он тщательно избегает упоминать об этом. – Архиепископ сделал паузу и пристально посмотрел на Данкена. – Ты, должно быть, понимаешь, каково значение манускрипта, если только он не поддельный?

– Конечно, – откликнулся Данкен. – Ведь благодаря ему мы узнаем, как проходило пастырство Господа нашего Иисуса Христа.

– Все не так просто, сынок, – вмешался Стэндиш-старший. – Это первое свидетельство очевидца, первое доказательство того, что когда-то на свете и впрямь существовал человек по имени Иисус.

– Но я не... не...

– Уста твоего отца изрекли истину, – провозгласил церковник. – Если не принимать в расчет манускрипта, у нас нет никаких доказательств того, что Иисус – лицо историческое. Имеется, правда, ряд отрывочных сведений, все они вызывают сомнение, наводя на мысль, что здесь либо откровенный подлог, либо позднейшие вставки – возможно, дело рук монахов-переписчиков, которые позволили рвению возобладать над честностью. Мы, те, кто верует, не нуждаемся в доказательствах; Святая Церковь не сомневается в личности Иисуса. Однако наше убеждение зиждется на вере, а никак не на доказательствах. Мы не рассуждаем об этом во всеуслышание, ибо нас со всех сторон окружают неверующие и язычники; делиться с ними своими соображениями означало бы утратить мудрость. Лично нам свидетельство манускрипта, если ему, конечно, можно доверять, ни к чему, но Церковь сможет использовать его для привлечения к себе тех, кто еще не уверовал в Господа.

– Кроме того, – заметил Дуглас Стэндиш, – окажись документ подлинным, это положит, в известной мере, конец разброду внутри самой Церкви.

– Но вы сказали, что он, скорее всего, поддельный.

– Таких слов я не произносил, – возразил архиепископ. – Мы склонны полагать, что манускрипт – подлинный. Однако отец Джонатан, знаток арамейского из нашего монастыря, не настолько силен в этом языке, чтобы утверждать наверняка что-либо относящееся к документу. Нам необходим человек, сведущий в арамейском языке, посветивший его изучению

многие годы, знакомый с изменениями, которые произошли в нем на протяжении развития, и способный отождествить перемены с той или иной эпохой. На арамейском говорили пятнадцать с лишним веков, он имел множество диалектов, один из которых сохранился до наших дней на окраине восточного мира. Однако его современная форма разительно отличается от той, что была в обиходе во времена Иисуса; а насколько я могу судить по известным мне фактам, диалекты уже в ту пору различались так сильно, что люди, расстояние между домами которых составляло всего лишь сотню миль, совершенно не понимали друг друга.

– Очень интересно, – проговорил Данкен. – Подумать только, в нашем доме нашлось нечто столь важное! Но все же я никак не соображу, чего вы...

– Определить подлинность манускрипта, – перебил архиепископ, – может один-единственный человек на свете. Он живет в Оксенфорде.

– В Оксенфорде? На юге?

– Именно так. Он проживает в одной общине ученых, которая около столетия назад...

– Между нашим замком и Оксенфордом, – прервал лорд Стэндиш, – лежит Пустошь.

– Мы пришли к выводу, – сказал прелат, – что у маленького отряда, составленного из отважных и преданных людей, есть возможность благополучно добраться до Оксенфорда. Первоначально мы с твоим отцом собирались переслать манускрипт по морю, но вынуждены были отказаться от своего намерения: пираты распоясались настолько, что ни один честный шкипер не решается покинуть гавань.

– Насколько маленьким должен быть отряд?

– Насколько удастся, – отозвался отец Данкена. – Мы не можем послать полк регулярной армии. Ведь преодолеть предстоит чуть ли не половину Британии, поэтому привлекать к себе внимание нельзя ни в коем случае. Вот почему у маленького отряда гораздо больше шансов на успех. Беда в том, что такому отряду придется идти напрямик через Пустошь, поскольку обойти ее невозможно; по слухам, она протянулась поперек страны от моря до моря. Было бы несколько проще, если бы мы знали, где сейчас Злыдни; молва утверждает, что север буквально кишит ими, а по последним сведениям, они как будто двинулись в северо-восточном направлении.

– В нашу сторону, – присовокупил архиепископ, сопроводив свои слова кивком головы.

– Вы хотите сказать, что Стэндиш-Хаус...

– Нам нечего бояться, сынок. – Лорд Стэндиш рассмеялся коротким, отрывистым смешком, в котором не было и следа веселья. – Наш замок стоит без малого тысячу лет и повидал всякого. Еще никто не смог им овладеть. Что же касается попытки достичь Оксенфорда, чем раньше отряд отправится в путь, тем лучше.

– Выходит, я...

– Да, – подтвердил отец, – мы остановили свой выбор на тебе.

– Я не знаю более подходящего человека, – прибавил церковник, – но окончательное решение, разумеется, за тобой. В таком деле не стоит действовать сторяча.

– На мой взгляд, обстоятельства складываются в твою пользу, – сказал сыну Стэндиш-старший. – Иначе я вообще не стал бы заводить этот разговор.

– Он хорошо владеет оружием, – заметил архиепископ, обращаясь к лорду. – Мне говорили, что ваш сын, Дуглас, принадлежит к числу лучших мечников севера, что он весьма начитан в истории военных кампаний и...

– Но я никогда не обнажал клинок для боя, – запротестовал Данкен. – Какой из меня мечник? Так, фехтовальщик. Мы забыли, что такое война, ведь мир сохраняется уже столько лет подряд...

– Тебя посылают не сражаться, – прервал отец. – Более того, постарайся по возможности избегать стычек. Твоя задача – пробраться незамеченным через Пустошь.

– Однако нам при всем желании вряд ли удастся избежать столкновения со Злыднями... Что ж, думаю, я справлюсь, хотя, по совести говоря, никогда не представлял, что окажусь в подобном положении. Меня, как и тебя, отец, интересовали замок, люди, земля вокруг...

– Ты не одинок в своей привязанности, – проговорил лорд Дуглас. – Стэндиши жили на этой земле из поколения в поколение, чаще всего – в мире, однако, когда звучал призыв, они без страха отправлялись в битву, и пока еще никто не осрамил своего рода. Так что тут ты можешь быть спокоен, твои предки были славными воинами.

– Кровь возьмет свое, – провозгласил архиепископ. – Так бывает всегда. Древние роды, наподобие Стэндишей, являются оплотом Британии и Господа.

– Раз уж вы выбрали меня, – сказал Данкен, – раз мне суждено попытаться счастья на юге, расскажите, что вам известно о Пустоши.

– Это периодическое явление, – отозвался церковник, – которое повторяется в разных местах примерно через пятьсот лет. Мы знаем, что примерно пять столетий тому назад Пустошь возникла в Иберии; до того она пересекала Македонию и, вполне возможно, Сирию. Все начинается с того, что в ту или иную местность вторгаются демоны и прочие злые духи. Они уничтожают на своем пути все, что им только попадается, убивают жителей, сжигают дома. В местности воцаряется запустение. Такое положение сохраняется достаточно долго, до десяти лет и дольше. В конце концов нечисть отступает, люди понемногу возвращаются в родные края; обычно на восстановление уходит не меньше столетия. Этих демонов называют различными именами. Последнее из них – Злыдни; кроме того, их нередко именуют Ордой. Ты понимаешь, рассказывать можно бесконечно, но суть я тебе изложил. Отдельные ученые пробовали вывести хотя бы какую-нибудь закономерность появления Орды, но их теории не подкреплены практикой, ибо они, разумеется, не отваживались изучать Пустошь, так сказать, воочию, за что я их ничуть не виню...

– Тем не менее вы предлагаете моему сыну...

– Никто не требует от него научных изысканий. Ему надлежит всего лишь добраться до Оксенфорда. Если бы не преклонный возраст епископа Уайза, я бы не стал торопиться. Однако мне сообщили, что он дряхлеет буквально на глазах, стоит, да простится мне такое выражение, одной ногой в могиле. Промедлив, мы рискуем утратить нашу единственную возможность установить подлинность манускрипта.

– А если манускрипт потеряется по дороге в Оксенфорд, что тогда? – спросил Данкен.

– Чему быть, того не миновать. Но я уверен, что ты будешь беречь его как зеницу ока.

– Ну разумеется, – откликнулся Данкен.

– Это великая драгоценность, – продолжил архиепископ, – возможно, величайшая святыня христианского мира. От этих листочков зависит, может быть, будущее человечества.

– Пошлите копию.

– Нет, – сказал прелат. – Если посылать, то только оригинал. Сколь тщательно ни копируй – а у нас в монастыре есть необычайно искусные копиисты, – можно упустить, даже не заметив того, какую-нибудь мелочь, которая необходима для определения подлинности документа. Мы, между прочим, все-таки сделали копию, вернее, две; обе они будут храниться в монастыре под замком. Так что, если оригинал потеряется, текст останется при нас. Но на деле потеря оригинала – катастрофа с непредсказуемыми последствиями.

– Что, если епископ Уайз установит подлинность манускрипта, но засомневается в пергаменте или чернилах? Или он разбирается не только в арамейских текстах?

– Мне кажется, – ответил старец, – вопросов такого рода не последует. С ученостью, которой обладает наш брат во Христе, ему не составит труда определить подделку всего лишь по стилю письма. Но если твои опасения подтвердятся, нам придется искать другого ученого, специалиста по пергаменту и чернилам.

– Ваша светлость, – проговорил лорд Стэндиш, – вы упомянули о теориях по поводу Пустоши. Вы сами отдаете предпочтение какой-либо из них?

– Трудно сказать, – пробормотал архиепископ. – Все они весьма изобретательны, некоторые же грешат почти полным отсутствием логики. Меня привлекает предположение, что Пустошь используется для возрождения: силы Зла нуждаются в отдыхе, чтобы пересмотреть цели и укрепить свои ряды – этакое вывернутое наизнанку отшельничество. Вот почему они опустошают ту или иную местность, наводят на нее своего рода порчу, устанавливают вокруг барьер, который не подпускает любопытных и позволяет сколько угодно готовиться к следующим пятистам годам дурных дел. Человек, выдвинувший эту теорию, стремился показать, что за несколько лет до возникновения очередной Пустоши Зло как таковое ослабевает, а затем, наоборот, становится все более жестоким. Однако он, по-моему, не преуспел в своих исследованиях. Ему вряд ли хватило фактов, на которые можно было бы опереться.

– Если он прав, – сказал Данкен, – тогда наш отряд, при условии, что мы будем соблюдать всяческую осторожность, имеет шансы проскользнуть через Пустошь незамеченным. Силы Зла, уверенные в собственной безопасности, наверняка утратили хотя бы толику бдительности, и потом, им будет недосуг отвлекаться от своих дел.

– Здравая мысль, – одобрил отец.

Архиепископ молча прислушивался к словам, которыми обменивались Стэндиши. Он сидел, сложив руки на животе и прищурив глаза, будто над чем-то размышляя. Наконец он пошевелился и произнес:

– Мне представляется, что силы Зла, терзающие наш мир на протяжении несчетных столетий, заслуживают тщательного изучения. Нам страшно, мы испытываем ужас, норовим объяснить все глупыми суевериями. Конечно, было бы неразумно утверждать, что все истории о Злыднях – сплошные небылицы. Отдельные случаи вполне достоверны и даже задокументированы. Но многие рассказы подобного рода – сущий бред, выдумки невежественных крестьян, из разряда тех, что слушают вечерами у очага. Зачастую они никуда не годятся, особенно если отбросить грубые шутки и непристойности. Короче говоря, нас завалили бредовыми рассказами, которые ни капельки не помогают разобраться в сути происходящего. Нам необходимо уяснить себе природу Зла. Да, существуют заклинания для изгнания бесов; да, по свету ходят слухи о людях, превратившихся в собак или иных тварей; да, мы верим, что через жерла вулканов можно спуститься в ад. Не так давно молва уверяла, что компания придурковатых монахов выкопала яму, на дне которой обнаружилось чистилище. Все это ерунда, предрассудки, недостойные просвещенных умов. Необходимо постичь природу Зла, ибо только тогда мы сможем что-либо противопоставить ему. Мы должны сражаться со Злом не только ради собственного спокойствия и безопасности, но и ради грядущей цивилизации. Представьте на миг, что наше общество перестало развиваться, что в нем воцарился застой; в вашем поместье и во всем мире происходит ровным счетом то же самое, что происходило тысячу лет назад. Урожай убирается и обмолачивается так, как убирался и обмолачивался испокон веку, поля пахутся примитивными плугами, крестьяне голодают, как голодали с незапамятных времен...

– В нашем замке никто не голодает, – прервал лорд Стэндиш. – Мы заботимся о своих людях, а они заботятся о нас. Мы запасаем продовольствие на случай неурожая, который хоть и редко, но случается, и потому...

– Милорд, – проговорил архиепископ, – прошу прощения. Я говорил в общем, а не конкретно о вашем хозяйстве.

– Наш род, – заявил Стэндиш-старший, – владеет этими землями без малого десять веков, и мы, как держатели надела, приняли на себя соответствующие обязательства...

– Прошу прощения, – проговорил прелат, – я не имел в виду лично вас. Вы разрешите мне продолжить?

– Извините, что перебил, – буркнул лорд, – но я чувствовал себя обязанным доказать, что в Стэндиш-Хаусе голодающих не найти.

– Целиком и полностью с вами согласен, – заверил церковник. – Однако мы слегка уклонились от интересующей нас темы. По моему мнению, бремя Зла, навалившееся на плечи, препятствует поистине любому развитию. Так было не всегда. В прошлом люди изобрели колесо, научились делать посуду из глины, приручили животных, окультурили растения, стали использовать железо. То было время великих свершений; с той поры мы добились весьма скромных, если не сказать ничтожных, успехов. Допустим, что история не обманывает нас. Тогда из нее следует, что иногда человек обретал надежду. Искорка надежды затеплилась в Греции, затеплилась... и потухла. Рим предвещал нечто великое, но обратился в прах. Кажется, что уж теперь-то, в двадцатом столетии, должен появиться тот или иной признак прогресса: лучшие средства передвижения, лучшие дороги, более совершенные плуги и знания по возделыванию земли, новые способы строительства домов, красивых и просторных, а не тех, в которых ютятся крестьяне, новые корабли, чтобы бороздить моря. Но где все это? Временами я воображаю себе альтернативную историю, альтернативу нашему миру – мир, где не существует Зла, где века прогресса открыли перед человечеством возможности, о которых мы даже не догадываемся. Представляете: наш мир, наше столетие?.. Впрочем, от мечты до яви ужасно далеко. Тем не менее мы знаем, что на западе, за Атлантическим океаном, лежат бескрайние, неизведанные земли. Моряки с южной оконечности Британии и западного побережья Галлии заплывают туда в поисках косяков трески; остальным же дорога пока заказана, ибо надежных кораблей, к сожалению, раз-два и обчелся. Может, оно и к лучшему, ибо мы не слишком стремимся побывать там. Мы топчемся на месте, зачарованные Злом, и, пока его чары не разрушены, наше топтание будет продолжаться. Наше общество больно, оно страдает недостатком развития и многими другими болезнями. Я часто думаю о том, что Зло питается нашими несчастьями, становится тем сильнее, чем нам хуже, и потому намеренно держит нас, если можно так выразиться, в черном теле. Мне кажется, оно не всегда было с нами. В прошлом люди совершали те или иные деяния, чего-то добивались и создали в конце концов нынешнее общество в его первоначальном виде. Было время, когда люди трудились, чтобы сделать жизнь безопаснее и удобнее, и потому я полагаю, что они не ведали того Зла, которое одолевает нас, а если и ведали, то каким-то образом справлялись с ним. И тогда возникает вопрос: откуда взялось Зло? Ответа на него, разумеется, не существует. Но в одном я уверен – Зло остановило наше развитие. То малое, что имеем, мы унаследовали от предков – чуточку от греков, крупицу от римлян и так далее. Когда я изучал историю, у меня сложилось впечатление, что Зло вполне сознательно обрекает нас на застой. В конце одиннадцатого столетия святой отец Урбан объявил Крестовый поход против язычников-турок, которые угнетали христиан и оскверняли святыни Иерусалима. Под стяг Креста собралось множество рыцарей, они наверняка пробивались бы в Святую землю и отвоевали Иерусалим. Но тут вмешалось Зло: оно ударило в Македонии и быстро распространилось по всей Центральной Европе, опустошив ее подобно той местности, что находится к югу от нас. Рыцарей охватила паника, и поход не состоялся. Иных походов, естественно, не предпринималось, ибо на то, чтобы оправиться от нашествия Зла, потребовались столетия. И посему Святая земля, принадлежащая по праву нам, до сих пор томится под игом язычества.

Архиепископ провел ладонью по щекам, стирая хлынувшие из глаз слезы, судорожно сглотнул, а когда заговорил снова, то по его голосу можно было догадаться, что старец едва удерживается от рыданий.

– Неудача Крестового похода, пускай даже ее никоим образом нельзя вменить в вину нам, ознаменовала собой крушение последней надежды на то, что однажды мы отыщем истинного Иисуса, то бишь достоверные свидетельства о его жизни. В ту пору они еще могли встретиться,

но теперь в большинстве случаев оказались вне досягаемости смертных. Вот почему мы придаем такое значение манускрипту, найденному в стенах этого замка.

– Время от времени принимаются поговаривать о новых походах, – заметил лорд Стэндиш.

– Одни только разговоры, – вздохнул архиепископ. – Нашествие Зла, равного которому по масштабам не случалось за всю историю, лишило нас мужества. Люди цепляются за свои наделы, снедаемые, должно быть, тайным страхом, что повторение затеи с походом приведет к поистине ужасающим последствиям. Зло превратило нас в трусов, заставило позабыть о том, что на свете возможна иная, лучшая доля. В пятнадцатом веке, когда лузитанцы предприняли попытку выйти из застоя, вознамерились отправиться за море на поиски неоткрытых земель, Зло объявилось снова – на Иберийском полуострове. Все планы и намерения пошли насмарку, полуостров обезлюдел, а соседи преисполнились ужаса. Другими словами, мы имеем два неоспоримых свидетельства того, что Зло стремится удержать нас в бедности и невежестве, поскольку наши несчастья, как я уже говорил, придают ему сил. Нас низвели до положения скота: выгоняют на пастбища, где травы едва хватает на прокорм, и наслаждаются нашими мучениями. – Старец вновь провел ладонью по лицу. – Я раздумываю обо всем этом вечерами, перед тем как заснуть, и потому сплю просто отвратительно. Мне кажется, если подобное будет продолжаться, рано или поздно наступит конец всему. Свет гаснет, гаснет по всей Европе. По моему, мы снова погружаемся в первобытную тьму.

– Вы с кем-то делились своими мыслями? – спросил лорд Дуглас.

– Кое с кем, – отозвался прелат. – Все предпочли притвориться, будто не понимают меня, пренебрегли моими опасениями.

Внезапно в дверь библиотеки постучали.

– Да, – откликнулся Стэндиш-старший. – Кто там?

– Это я, сэр, – сообщил голос Уэллса. – Я решил, что вы не откажетесь от рюмочки бренди.

– О, – сразу оживился архиепископ, – бренди – это хорошо, тем более что у вас оно просто замечательное, гораздо лучше, нежели в монастыре.

– Завтра утром, – пообещал отец Данкена, – я отправлю вам целый бочонок.

– Буду вам весьма признателен, – ответил елеинным голосом прелат.

– Входи! – крикнул лорд Уэллсу.

Дверь распахнулась. Пожилой слуга, держа в руках поднос, на котором стояли бутылка бренди и три стакана, приблизился к очагу, разлил напиток и вручил стаканы сидевшим у огня. Когда он удалился, ступая почти неслышно в своих ковровых туфлях, архиепископ откинулся на спинку кресла и, прищурясь, поглядел сквозь стакан на пламя.

– Великолепно, – пробормотал он. – Какой нежный цвет!

– Сколько, по-твоему, человек должно быть в отряде? – спросил Данкен отца.

– То есть ты согласен?

– Я прикидываю, что к чему.

– Тебе предстоит совершить подвиг, достойный героической традиции твоего рода, – заметил церковник.

– Традиции тут ни при чем, – отрубил Стэндиш-старший. – Мне кажется, – прибавил он, обращаясь к сыну, – десятка человек вполне хватит.

– Слишком много, – возразил Данкен.

– Может быть. А сколько предлагаешь ты?

– Двоих, себя и Конрада.

– Двоих? – Архиепископ от неожиданности даже поперхнулся бренди. – Кто такой Конрад?

– Наш скотник, – объяснил лорд Дуглас. – Знает толк в свиньях.

– Ничего не понимаю, – признался прелат.

– Мой сын дружит с Конрадом еще с мальчишеских лет. Собираясь на охоту или на рыбалку, Данкен обязательно берет с собой приятеля.

– Он в лесу как дома, – сказал Данкен, – потому что вырос там. Когда ему нечем занять себя, а такое случается, он обычно идет в лес.

– На мой взгляд, – буркнул архиепископ, – умение ориентироваться в лесу никоим образом...

– Ну почему же? – перебил Данкен. – Ведь нам придется путешествовать нехоженными тропами, верно?

– Кроме того, – сказал лорд Стэндиш, – Конрад отличается громадной физической силой. Около семи футов росту, приблизительно двадцать стоунов мышц; ловок как кошка, наполовину животное и, что самое главное, беспрекословно повинуетя Данкену. Я уверен, он, если надо, умрет за моего сына. Из оружия он предпочитает дубинку...

– Дубинку! – простонал архиепископ.

– Видели бы вы, как он с ней обращается! – воскликнул Данкен. – Случись ему сойтись в схватке с десятком мечников, я бы не задумываясь поставил на Конрада.

– Предложение Данкена не лишено смысла, – проговорил лорд. – Вдвоем они будут двигаться быстро и скрытно, а при случае вполне смогут защитить себя.

– Мы возьмем Дэниела и Крошку, – прибавил Данкен.

– Дэниел – боевой конь, – пояснил владелец Стэндиш-Хауса, заметив недоуменное выражение на лице своего гостя. – Он стоит троих людей. Что касается Крошки, это кличка нашего мастифа, который натаскан в два счета расправляться с врагами.

Глава 3

Седрик покинул путников задолго до рассвета. Расставание произошло в лесной чаще, где Данкен с напарником решили провести остаток ночи. Вскоре после того, как взошло солнце, Конрад разбудил Данкена; они позавтракали хлебом с сыром – костер разводить не стали, чтобы не привлекать к себе внимания, а затем двинулись дальше.

Погода улучшилась. Ветер сначала сменил направление, а потом и совсем утих. С безоблачного неба светило яркое солнце.

Путь пролегал в лесистой местности, пересеченной глубокими лощинами и оврагами. Порой попадались заброшенные фермы: сожженные строения, необраный урожай на полях. Если не считать воронья, кружившего в воздухе и словно зачарованного раскинувшимся окрест запустением, да мелькавших в подлеске зайцев, живых существ не встречалось. Как ни странно – ведь вокруг простиралась Пустошь, – над этой местностью витал дух покоя и благополучия.

Несколько часов спустя перед путниками возник крутой склон холма. Лес мало-помалу становился все реже и наконец сошел на нет. Впереди возвышался голый скалистый гребень.

– Оставайтесь тут, – велел Данкену Конрад, – а я посмотрю, куда нас занесло.

Стоя рядом с Дэниелом, Данкен наблюдал за тем, как Конрад взбирается на вершину, направляясь, по всей видимости, к венчавшему ее огромному валуну. Конь ткнулся носом в плечо хозяину и тихонечко заржал.

– Замолчи, Дэниел! – прикрикнул на него Данкен.

Пес сидел поблизости, настороженно поводя ушами. Красотка переместилась так, чтобы оказаться возле Данкена. Тот протянул руку и потрепал ее по холке.

Тишина, казалось, вот-вот нарушится, но ничего подобного не случилось. Ни движения, ни звука, ни даже шелеста листвы. Конрад исчез из виду. Дэниел, на сей раз молча, вновь ткнулся в плечо Данкену. Внезапно из-за камней появился Конрад: он не шел, а полз, извиваясь всем телом. Очувшись на достаточном удалении от вершины, он поднялся и в мгновение ока скатился вниз по склону.

– Я видел две вещи, – проговорил он.

Данкен молча ожидал продолжения.

– Под холмом расположена деревня, – сообщил Конрад после паузы. – Все дома сгорели, кроме церкви, она ведь каменная, а камень не горит. Людей никого... Что-то мне не нравится. По-моему, нам лучше обойти деревню стороной.

– А вторая вещь?

– По долине движется конный отряд.

– Люди?

– Мне показалось, я узнал Потрошителя. Человек тридцать или около того. Они еще довольно далеко, но вряд ли я ошибся – нашего приятеля трудно с кем-то перепутать.

– Ты думаешь, они гонятся за нами?

– Разумеется. Не на прогулку же они выехали.

– Что ж, – произнес Данкен, – нам известно, где они, зато им неизвестно, где мы. Однако они опередили нас. Я, честно говоря, не предполагал, что они отважатся на преследование. Выходит, жажда мести сильнее страха.

– Им нужна не месть, – возразил Конрад, – а Дэниел и Крошка.

– С чего ты взял?

– Кто откажется от боевого коня и сторожевой собаки?

– Пожалуй, ты прав. Я им не завидую. Наши животные не согласятся поменять хозяина за здорово живешь.

- Что будем делать?
- Разрази меня гром, если я знаю. Они направляются к югу?
- Почти. Долина немного уклоняется к западу.
- Значит, мы повернем на восток. Обогнем деревню и постараемся оторваться от бандитов.

– Чем дальше, тем лучше.

Крошка вскочил, повернулся влево и издал низкий горловой рык.

- Пес что-то почуял, – заметил Данкен.
- Человека, – отозвался Конрад. – Он всегда так рычит, когда чувствует человека.
- Откуда ты знаешь?
- Я знаю все его повадки.

Данкен посмотрел в ту сторону, куда уставился Крошка. На первый взгляд, там никого не было.

– Друг мой, – проговорил юноша, – на вашем месте я бы вышел сам. Мне не очень хочется натравливать на вас собаку.

Какое-то мгновение все оставалось по-прежнему, затем кусты зашевелились, и из них показался человек. Крошка кинулся вперед.

– Ко мне! – крикнул Конрад.

Незнакомец был высок ростом и бледен как смерть. Его облачение составляла потрепанная ряса темно-коричневого цвета, ниспадавшая до лодыжек; на плечах топорщился капюшон. В правой руке человек сжимал длинную, сучковатую палку, а левой стискивал пучок травы. Кожа столь туго обтягивала его череп, что поневоле чудилось, будто из-под нее выпирают кости. Лицо обрамляла жидкая борода.

– Я Эндрю, отшельник Эндрю, – произнес незнакомец. – Увидев вас, я испугался и поспешил спрятаться. Понимаете, я собирал травы, чтобы было из чего приготовить ужин. У вас, случайно, не найдется сыру?

– Случайно найдется, – буркнул Конрад.

– Я грежу о сыре, – объяснил отшельник. – Просыпаюсь ночами и вдруг сознаю, что думаю о нем. Я так давно не пробовал сыра!

– В таком случае, – сказал Данкен, – мы рады будем угостить вас. Конрад, сними-ка с Красотки мешок с припасами.

– Подождите, подождите! – воскликнул Эндрю. – Не надо торопиться. Вы ведь путники, правильно?

– А то по нам не видно, – пробормотал Конрад.

– Переночуйте у меня, – предложил отшельник. – Знаете, я стосковался по человеческим лицам и голосам. Правда, у меня есть Призрак, но говорить с ним – вовсе не одно и то же, что беседовать с человеком из плоти и крови.

– Призрак? – переспросил Данкен.

– Да, самый обыкновенный и весьма порядочный. Не бряцает цепями, не стонет по ночам.

Он поселился со мной с того дня, как его повесили. Дело рук Злыдней...

– Понятно, – протянул Данкен. – А вы каким образом ускользнули от них?

– Я спрятался в своей пещере, – ответил Эндрю. – Я называю ее кельей, однако она не такая маленькая и убогая, какой следует быть настоящей келье. Мне кажется, меня можно и нужно упрекнуть в отступлении от правил. Я не умерщвляю плоть, как то положено истинным отшельникам. Поначалу моя пещера была крохотной, но с годами я расширил ее и она стала просторной и удобной. Там вполне хватит места для всех. К тому же она надежно укроет вас от посторонних глаз, что, по-моему, немаловажно для тех, кто путешествует по Пустоши. Скоро вечер, вам так или иначе придется выбирать, где остановиться на ночлег, а лучшего прибежища, нежели моя келейка, кланюсь, не найти.

– Что скажешь? – справился Данкен, посмотрев на Конрада.

– Прошлой ночью вы совсем не спали, – отозвался тот. – Сдается мне, отказываться не стоит.

– А Призрак?

– Призраков я не боюсь, – ответил Конрад, пожимая плечами.

– Ладно, – решил Данкен. – Отец Эндрю, показывайте дорогу.

Пещера располагалась примерно в миле от уничтоженной пожаром деревни; чтобы добраться до нее, пришлось миновать кладбище, которое, судя по многочисленности и состоянию надгробий, некогда использовалось весьма широко. Посреди него возвышалась гробница, сооруженная из местного камня. На ней возлежал развесистый дуб, поваленный, должно быть, особенно яростным порывом ветра; падая, он разбил установленную на крыше гробницы статую и слегка сдвинул плиту, что перекрывала доступ внутрь. Почти сразу за кладбищем высился холм, в крутом склоне которого и находилась пещера отшельника. Склон зарос деревьями и кустарником, так что, сколько ни смотри, заметить пещеру было невозможно; перед ней струился ручеек, сбегавший далее в глубокий овраг.

– Вы идите, – сказал Конрад Данкену, – а я расседлаю Дэниела и сниму поклажу с Красотки.

В пещере было темно, однако даже во мраке чувствовалось, что ее размеры довольно внушительны. В очаге теплился огонек. Отшельник пошарил у стены, отыскал свечу, зажег ее от пламени и поставил на стол. Свеча осветила толстый слой тростника на полу, грубый стол со скамьями, кособокий стул, множество корзин, соломенный тюфяк в одном углу и шкаф со свитками манускриптов – в другом.

Поймав взгляд Данкена, отшельник сказал:

– Да, я почитаваю. Так, по чуть-чуть. Когда выдается время, я зажигаю свечу и сижу, разбирая слово за словом, пытаюсь постичь смысл речений древних отцов Церкви. Впрочем, вряд ли я постигаю его; не с моим скудным умишком стремиться к этому. Вдобавок славные отцы, как мне порой мнится, придавали гораздо больше значения словам, чем смыслу. Я уже говорил, отшельник из меня никудышный, но я стараюсь, хотя иногда спрашиваю себя: каков на деле истинный отшельник? Бывает, мне чудится, что он – глупец из глупцов, самый ничемный человек на свете.

– Однако вы же не станете отрицать, что для отшельничества необходимо призвание? – полюбопытствовал Данкен.

– Когда я погружался в размышления, мне приходило в голову, что люди становятся отшельниками, чтобы избежать тягот жизни, – ответил Эндрю. – И впрямь, ведь удалиться от мира проще, нежели добывать пропитание собственным горбом. Я задавался вопросом, не это ли побудило меня отринуть мирские радости, и вынужден был признать, что не знаю.

– Вы сказали, что спрятались здесь от Злыдней. На мой взгляд, концы с концами здесь как-то не вяжутся. Неужели они не обнаружили вас? Мы не встретили никого, кому удалось спастись, за исключением шайки бандитов, захватившей поместье и сумевшей, благодаря то ли своей многочисленности, то ли простому везению, отстоять его.

– Вы разумеете Гарольда Потрошителя?

– Да. Откуда вы знаете его?

– Пустошь полнится слухами, тем более что есть кому их разносить.

– Что-то не понимаю.

– Малый народец. Эльфы, гномы, тролли, феи, брауни...

– Но они же...

– Они местные, живут здесь с незапамятных времен. Возможно, соседи из них беспокойные и надоедливые; к тому же попадаются отдельные личности, которым ни в коем случае нельзя доверять. Тем не менее, несмотря на всю свою проказливость, они редко таят злобу на

людей. Они не примыкают к Злыдням, наоборот, стараются улизнуть от них, а заодно предохраняют всех прочих.

– Выходит, они предостерегли вас?

– Ко мне пришел гном. Я не считал его другом, ибо он множество раз разыгрывал со мной жестокие шутки. Однако оказалось, что у меня был друг, о существовании которого я и не подозревал. Он вовремя предупредил меня, и я успел затушить огонь в очаге, чтобы дым не выдал моего местонахождения. Правда, как вы видите, дымок такой хилый, что вряд ли способен привлечь чье-то внимание. Кроме того, он наверняка бы затерялся в дыме учиненного Злыднями пожара. Сгорело все: дома, сеновалы, амбары, сараи и даже уборные. Представляете, они сожгли уборные!

– Не представляю, – проговорил Данкен.

В пещеру вошел Конрад. Развернувшись, он сбросил с плеч поклажу – седло и мешки.

– Ну и где ваш Призрак? – проворчал он. – Что-то я никого не вижу.

– Он боится, – объяснил отшельник. – Понимаете, ему кажется, что никто не хочет его видеть. Он не любит пугать моих гостей, хотя, по совести говоря, не способен кого-либо напугать. В общем, таких порядочных призраков еще поискать. Эй, Призрак! – возвысил голос Эндрю. – Выходи! Ну-ка, покажись!

Из-за шкафа с манускриптами медленно выплыла струйка белого дыма.

– Давай, давай! – прикрикнул отшельник. – Можешь показаться. Эти джентльмены не боятся тебя, так что прояви радушие и поприветствуй их. Беда мне с ним, сэр. Вбил себе в голову, что быть призраком недостойно живого существа, если здесь уместны такие слова.

Призрак неторопливо материализовался над шкафом, затем величаво спустился на пол. Укутанный в белый саван, он выглядел в полном соответствии с классическими образцами. На шее у него болталась веревка, конец которой, в пару футов длиной, свешивался на грудь.

– Я Призрак, – заявил сосед отшельника низким, утробным голосом, – но мне негде являться. Обычно призраки являются в местах своей гибели, однако как быть, если меня повесили на дубе? Злыдни вытащили мое бедное тело из кустов и прицепили к ветке. Они могли бы уважить меня, повесив на одном из тех могучих деревьев, которых в нашем лесу просто не перечесать, – на высоком, неохватном, настоящем патриархе среди деревьев, но предпочли какого-то невзрачного коротышку. Даже моя смерть послужила поводом к развлечению. При жизни я просил милостыню на паперти; мне подавали, но скудно, ибо кто-то распустил слух, что я здоров и полон сил. Дескать, не верьте ему, он притворяется.

– Он был отъявленным мошенником, – вмешался Эндрю. – Отлынивал от работы, хотя здоровье имел богатырское.

– Слышите? – горестно спросил Призрак. – Слышите? И после смерти меня попрекают мошенничеством, изображают бездельником и глупцом.

– Вообще-то, мы с ним неплохо уживаемся, – признал отшельник. – Он ничуть не склонен к тем штучкам, которые выкидывают другие привидения.

– Я стараюсь не причинять вреда, – сказал Призрак. – Я изгнанник, иначе меня бы тут не было. Мне негде являться.

– Ладно, знакомство состоялось, – проговорил Эндрю, – теперь можно заняться другими делами. – Он повернулся к Конраду. – Вы упоминали сыр.

– Еще у нас есть грудинка и окорок, хлеб и мед, – заметил Данкен.

– И вы согласны разделить их со мной?

– Разумеется. Не можем же мы утолять голод в одиночку у вас на глазах.

– Тогда я разведу огонь, – воскликнул Эндрю, – и мы устроим пир! Долой траву! Или оставить ее как приправу к грудинке?

– Лично я траву не ем, – буркнул Конрад.

Глава 4

Данкен проснулся посреди ночи и на какой-то миг испугался, ибо не сразу сообразил, где находится. Его окружала тьма, в которой что-то мерцало, как будто он очутился вдруг в преддверии ада. Но затем он различил вход в пещеру, через который сочился внутрь лунный свет, и разглядел лежащего у входа Крошку. Тот вытянул лапы и положил на них голову. Повернувшись, Данкен увидел, что мерцание исходит от тлеющих в очаге угольев. Рядом, в нескольких футах, раскинулся на спине Конрад; он крепко спал. Его могучая грудь то вздымалась, то опадала в такт дыханию. Дышал он через рот, с характерным присвистом.

Отшельник куда-то подевался – должно быть, примостился в уголке на своем тюфяке. В воздухе плавал едва уловимый запах древесного дыма; напрягая зрение, Данкен рассмотрел у себя над головой пучки трав, вывешенные отшельником на просушку. Время от времени снаружи доносился приглушенный топот: очевидно, Дэниел пасся поблизости от пещеры. Данкен натянул одеяло до подбородка и закрыл глаза. Рассветет, вероятно, еще не скоро, так что вполне можно поспать.

Однако сон не шел. Как Данкен ни старался, у него не получалось освободиться от мыслей последних дней. Эти же мысли волей-неволей вынуждали задумываться над тем, сколь труден и опасен избранный путь. В пещере отшельника было тепло и уютно, а за ее пределами простиралась Пустошь, на просторах которой бесчинствовало Зло. Да что там говорить, в какой-нибудь миле отсюда лежит сожженная деревня, из всех строений которой уцелела только церковь. Вдобавок неподалеку шастает Гарольд Потрошитель со своими головорезами в поисках тех, кто его якобы обидел. Впрочем, о Потрошителе пока можно забыть: сам того не подозревая, он умчался вперед, снedaемый жаждой то ли мести, то ли наживы.

Неожиданно Данкену вспомнился разговор с отцом, состоявшийся накануне отъезда из Стэндиш-Хауса в той же самой библиотеке, в которой его милость архиепископ рассказывал об арамейском тексте.

Тогда Данкен задал отцу вопрос, который вертелся у него на языке с той поры, когда он впервые услышал о манускрипте:

– Почему мы? Почему манускрипт оказался именно у нас?

– Откуда нам знать? – отозвался отец. – История нашего рода длинна и полна неясностей. Что-то стерлось из памяти, что-то уже невозможно восстановить. Разумеется, существуют записи, но они в большинстве своем представляют собой легенды, повествования о временах столь давних, что сегодня бесполезно и пытаться отделить правду от вымысла. Нынче мы превратились в помещиков, однако в прошлом, если верить преданиям, среди Стэндишей встречались и отважные первопроходцы, и бесовские искатели приключений. Возможно, кто-то из них, возвратясь из дальних странствий, и привез в замок манускрипт как часть добычи, полученной при взятии чужеземного города; может статься, он выкрал ее из монастыря или, что менее вероятно, купил за пару медяков как заморскую диковинку. Так или иначе, на рукопись давно не обращали внимания, что ничуть не удивительно, ведь установить, насколько она важна, смогли только монахи. Я обнаружил ее в старом, наполовину сгнившем деревянном ящике, в куче других свитков, покрытых плесенью и совершенно неинтересных по содержанию.

– Однако этот манускрипт почему-то показался тебе заслуживающим того, чтобы отвезти его в монастырь.

– Ни о чем подобном я не думал, – ответил лорд Дуглас. – Он всего-навсего возбудил мое любопытство. Как ты знаешь, я читаю по-гречески и понимаю несколько других языков, пускай с пятого на десятое, но тут не смог разобрать ни одного словечка. Мне стало интересно, и я решил, что, пожалуй, стоит немного расшевелить святых отцов, пока они окончательно не

заплыли жиром. В конце концов, мы должны, я считаю, время от времени напоминать им, чей хлеб они едят. Когда у них прохудится крыша, к кому они обращаются? Правильно, к нам. Когда им нужно сено, а самим собрать лень, куда они идут? Опять-таки к нам.

– Надо отдать им должное, – проговорил Данкен, – они как следует потрудились над манускриптом.

– В кои-то веки сделали хоть что-то полезное, – проворчал лорд Дуглас. – А то корпят целыми днями над всякими затейливыми завитушками, гадают, как бы выписать их еще позатейливее. Во всех скрипториумах, а уж в здешнем – в особенности, полным-полно глупцов, которые воображают себя великими художниками. Стэндиши владеют этой землей без малого тысячу лет и помогают монастырю с первого дня его существования; а монахи, видно, считают, что так и должно быть, и год от года требуют все больше. Взять хотя бы этот бочонок бренди – его светлость впрямую вроде бы не просил, однако, если судить беспристрастно, откровенно выпрашивал.

– Бренди для тебя большое место, отец, – заметил Данкен.

– На протяжении столетий наш замок славился отличным бренди, – заявил лорд Дуглас, фыркнув в усы. – Мы гордились этим, поскольку добиться качества с здешними скудными урожаями было отнюдь не просто. Мы трудились не покладая рук и в итоге получили вино, равного которому по букету не сыскать и в Галлии. Вот почему, сынок, мне жалко даже одного бочонка. Его светлости лучше побережь бренди, ведь следующий бочонок ему достанется ох как не скоро!

На некоторое время разговор прервался. Тишину нарушало лишь потрескивание дров в очаге.

– Мы заботились и заботимся обо всем, не только о вине, – произнес наконец лорд Дуглас. – Наши коровы и быки будут потяжелее большинства британских. Мы разводим чистокровных лошадей. Такой шерсти, как наша, еще поискать. Мы выращиваем пшеницу; пускай ее мало, но это все-таки пшеница, а не овес, как у соседей. То же самое можно сказать и про людей. Из тех крестьян и сервов, что трудятся на нашей земле, многие вправе утверждать, что обосновались здесь в незапамятные времена, разумеется, не сами, но их предки. Стэндиш-Хаус – тогда он, правда, так не назывался – возник в пору междоусобиц, когда человеческая жизнь не стоила ни гроша. Поначалу он представлял собой деревянный форт на вершине холма, окруженный палисадом и крепостным рвом, то есть выглядел точь-в-точь как значительная часть нынешних поместий. Крепостной ров сохранился до сего дня, однако постепенно превратился из оборонительного сооружения в некое подобие места для отдыха. В нем цветут водяные лилии и прочие растения, откосы засажены кустарником, в воде резвится рыба, которую волен ловить любой, кому не лень забросить крючок с наживкой. Мост через ров поднимается всего лишь раз в год только для того, чтобы убедиться, что механизм в исправности. Междоусобицы со временем поутихли, и жить стало чуточку спокойнее, хотя головорезов, готовых на все ради наживы, по-прежнему хватает. Однако они избегают приближаться к нашему замку, ибо наслышаны о крепости его стен и мужестве защитников. За последние триста с лишним лет ни один бандит не отважился на попытку взять замок приступом. Единственное, на что они осмеливаются, – это на короткие набеги, когда похищают пару коров или несколько овец. Мне кажется, их отпугивает то, что наши крестьяне и сервы умеют обращаться с оружием; недаром Стэндиши отказались содержать кучу бездельников, громко именуемых дружиной. Случись беда, нам не придется даже бросать клич: наши люди сами возьмутся за оружие, потому что считают эту землю своей. Иными словами, нам удалось создать островок мира и спокойствия.

– Я люблю наш дом, – проговорил Данкен. – Мне не хочется покидать его.

– А мне не хочется отпускать тебя, сынок. Ты отправляешься навстречу неведомым опасностям... Впрочем, я не очень тревожусь. Что-то подсказывает мне, что ты справишься. И потом, с тобой будет Конрад.

– А еще Дэниел и Крошка, – прибавил Данкен.

– Его светлость вчера вечером рассуждал о том, что мы перестали развиваться, назвал наше общество застойным. Возможно, он прав, однако подобное положение имеет свои преимущества. Прогресс в одном неизбежно влечет за собой прогресс в остальном, в том числе и в вооружении, что означает непрерывную войну, ибо стоит какому-нибудь вождю или князьку приобрести новое оружие, как он тут же пожелает испытать его на соседе.

– Все наше оружие, – сказал Данкен, – можно охарактеризовать как личное. Чтобы воспользоваться им как следует, человек зачастую должен сойтись с противником в рукопашной. Разумеется, я не имею в виду копья и дротики; правда, они неудобны в обращении и применить их можно, как правило, один лишь раз. Кроме них, к оружию, что поражает на расстоянии, относится праща, но с ней больше мороки, нежели проку.

– Я согласен с тобой, – произнес лорд Дуглас. – Пускай его светлость и иже с ним сокрушаются о плачевной участи человечества. Мы создали общество, которое отвечает нашим целям, и всякая попытка изменить его может нарушить равновесие и обернуться неисчислимыми бедами, да такими, каких мы, боюсь, и вообразить не в силах.

Размышления Данкена были прерваны самым неожиданным образом. Он вдруг ощутил, что на него повеяло холодом, открыл глаза и увидел над собой, если можно так выразиться, лицо Призрака: расплывчатый овал клубящейся серой дымки, обрамленный белизной капюшона. Никаких черт, только дымка; тем не менее Данкену казалось, он смотрит именно в лицо.

– Сэр Призрак, – справился он, – зачем тебе понадобилось столь бесцеремонно будить меня?

Приглядевшись, Данкен различил, что Призрак сидит рядом с ним на корточках, и мельком подивился подобной позе.

– Мне надо было кое о чем спросить вашу милость, – отозвался Призрак. – Я уже спрашивал отшельника; он рассердился на меня за то, что я задаю вопросы, на которые у него нет ответа, хотя, по-моему, святой человек должен знать все. Я спрашивал и вашего спутника, но он лишь заворчал на меня. Сдается мне, ему не понравилось, что привидение пытается вызвать его на разговор. Будь во мне малая толика плоти, он наверняка задушил бы меня своими ручищами. По счастью, это невозможно. Никто не сможет теперь ни задушить меня, ни свернуть мне шею; я избавлен от унижений такого рода.

Данкен откинул одеяло и сел.

– Судя по столь длинному вступлению, – сказал он, – твои вопросы вряд ли окажутся пустяковыми.

– Для меня они необычайно важны, – заявил Призрак.

– А если я тоже не смогу на них ответить?

– Значит, вы ничем не отличаетесь от остальных.

– Ладно, – проговорил Данкен, – давай выкладывай.

– Как по-вашему, милорд, за какие грехи я удостоился подобного облачения? Мне известно, что призракам полагается как раз такой наряд, что его носят все настоящие привидения, кроме разве что некоторых замковых духов, которые предпочитают черный цвет. Но ведь меня повесили вовсе не в этом балахоне! Я был тогда в грязных обносках и, помнится, от страха испачкал их еще сильнее.

– Я не знаю ответа, – покачал головой Данкен.

– По крайней мере, милорд, – произнес Призрак, – вы оказали мне честь тем, что не стали увливать и браниться, как наши общие знакомые.

– Возможно, тебе следует обратиться к тому, кто изучал одежду призраков. Скорее всего, к кому-нибудь из церковников.

– Они, вероятно, не пожелают выслушать меня, так что, пожалуй, можно об этом забыть. Понимаете, мне просто интересно, почему так, а не иначе.

– Мне очень жаль, но увы, – развел руками Данкен.

– Можно второй вопрос?

– Давай, но ответа я не обещаю.

– Вопрос такой, – сказал Призрак. – Почему я? Ведь привидениями становятся не все, кто умирает, даже не все, кто кончил жизнь не по своей воле, кто погиб от руки убийцы или палача. В противном случае духи заполнили бы весь мир, наступали бы друг другу на саваны, и куда было бы деваться живым?

– Я снова не могу ответить.

– Честно говоря, – продолжал Призрак, – не такой уж я и грешник. Скорее, я вызывал при жизни презрение, а какой тут грех? Ну да, у меня были, как и у всех, маленькие грешки, но, если я правильно понимаю суть греха, они вполне простительны.

– Право, я тебе сочувствую. Помнится, при знакомстве ты жаловался на то, что тебе негде являться.

– Так и есть, – вздохнул Призрак. – Было бы где, я бы, пожалуй, стал чуточку счастливее. Впрочем, привидениям не положено быть счастливыми, поэтому лучше сказать – довольнее. Довольство нам, по-моему, не запрещается, да его и не запретишь. Будь у меня место, где являться, я бы занимался делом, а не валял дурака. Хотя, если бы потребовалось греметь цепями и стонать, я бы делал это без особой охоты. По правде сказать, я бы удовлетворился тем, что бродил бы туда-сюда и порой позволял бы людям заметить меня. Ваша милость, может, то, что у меня нет места, где являться, нет работы, – что-то вроде наказания за жизнь, которую я вел? Поверьте мне – только, прошу, никому не говорите, – если бы пожелал, я без труда заработал бы себе на хлеб честным путем, а не выпрашиванием милостыни. Хотя тяжелая работа мне противопоказана, я с детства отличался слабым здоровьем. Мои родители все удивлялись, что им удалось вырастить меня.

– Ты задаешь чересчур много философских вопросов, – заметил Данкен. – Я не в состоянии ответить на них.

– Вы направляетесь в Оксенфорд, верно? – спросил Призрак. – Чтобы увидеться с каким-то знаменитым ученым? Иначе с какой стати вам туда идти? Я слышал, там проживает множество величайших умов Церкви и они ведут между собой высокоумные беседы.

– Когда прибудем в Оксенфорд, – откликнулся Данкен, – мы наверняка увидим кого-либо из ученых докторов.

– Может, они знают ответ на мои вопросы?

– Не уверен.

– Не будет ли с моей стороны чрезмерной смелостью просить разрешения присоединиться к вам?

– Послушай, – сказал Данкен, начиная злиться, – если тебе хочется попасть в Оксенфорд, ты вполне можешь добраться туда сам. Ты же вольный дух, тем более – без места, где надо было бы являться, притом никто не в силах причинить тебе вреда.

– В одиночку, – проговорил Призрак, вздрагивая, – я испугаюсь до смерти.

– Ты уже мертв, а дважды не умирают.

– Вы правы, – отозвался Призрак, – я совсем забыл. Но все равно, мне будет страшно и одиноко, если я отправлюсь в путь сам по себе.

– Если ты хочешь присоединиться к нам, то я не вижу, каким образом мог бы тебе помешать. Но учти: я тебя не приглашал.

– Значит, я иду с вами, – подытожил Призрак.

Глава 5

Они позавтракали грудинкой, овсяными лепешками и медом. Конрад вышел из пещеры проведать животных, а когда вернулся, сообщил, что Дэниел и Красотка пасутся на близлежащем сенокосе, Крошка же уплетает пойманного зайца.

– Что ж, – сказал Данкен, – желудки полны, можно и трогаться.

– Если вы не очень торопитесь, – проговорил отшельник Эндрю, – я бы просил вас оказать мне одну услугу.

– Мы не против, если это не отнимет у нас слишком много времени, – ответил Данкен. – Вы приютили нас на ночь, так что мы ваши должники.

– Какой там долг, – отмахнулся Эндрю. – Понимаете, просто мне одному несподручно, а все вместе, да еще с осликом, мы справимся быстро. Помогите мне, пожалуйста, убрать капусту.

– Капусту? – изумился Конрад.

– Да. Кто-то посадил ее перед приходом Злыдней. Разумеется, потом огород остался без присмотра. Я набрел на него совершенно случайно. Он недалеко от церкви, буквально в двух шагах. Правда, тут есть одна загвоздка...

– С капустой? – полюбопытствовал Данкен.

– Нет, не с ней, вернее, и с ней тоже. Там растут и другие овощи – морковь, брюква, горох, бобы. Так вот, кто-то ворует их.

– Но не вы? – уточнил Данкен.

– Огород мой, – заявил Эндрю, – ибо я нашел его. Я пытался разыскать воришку, но не слишком решительно, потому что, как вы видите, воин из меня никудышный, и в случае чего еще неизвестно, кто из нас двоих пострадал бы сильнее. Порой я даже говорил себе, что, не будь он вором, мы могли бы с ним коротать вечера за беседами. В общем, на огороде выросла отличная капуста, и будет жалко, если она сгниет на корню или достанется воришке. Без вашей помощи мне придется убирать ее не день и не два.

– Пожалуй, мы задержимся, – решил Данкен. – Ведь Господь велит нам сострадать ближнему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.